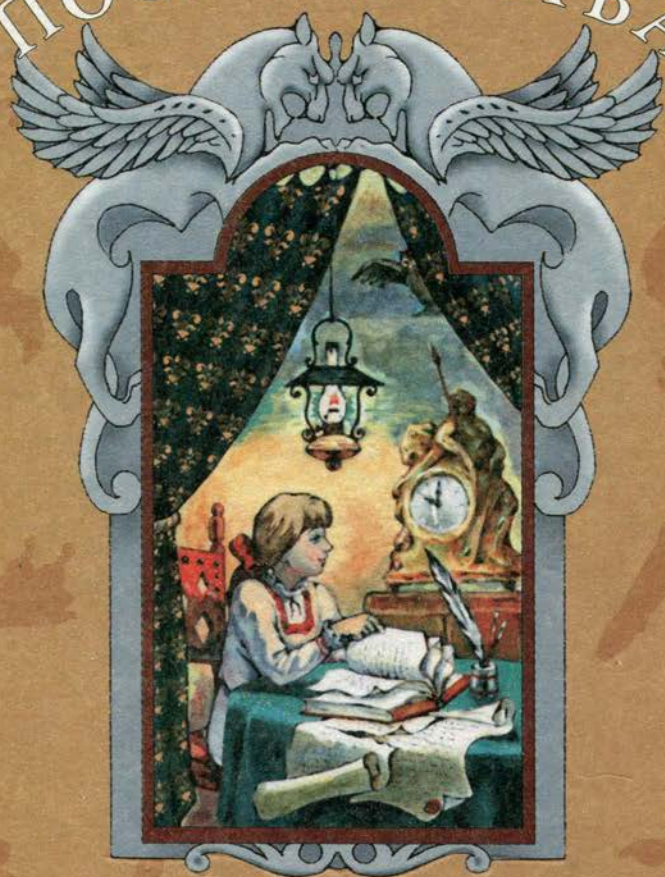

Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

ГОД
ПОСЛЕ ДЕТСТВА

УЧЕБНИК

Книга 2

Образовательная система «Школа 2100»

Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Рекомендовано Министерством образования
и науки Российской Федерации

ГОД
ПОСЛЕ ДЕТСТВА

УЧЕБНИК

Книга 2

Москва

БАХАСС

2008

Образовательная система «Школа 2100»

РЕКОМЕНДОВАНО МИНИСТЕРСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Б 91 Бунеев Р.Н., Бунеева Е.В.
Литература. 6-й класс. («Год после детства»). Учебник в 2-х книгах.
Книга 2. – Изд. 3-е, дораб. – М.: Баласс, 2008. – 240 с.: ил. (Образовательная
система «Школа 2100». Серия «Свободный ум»)

ISBN 978-5-85939-366-4

Учебник предназначен для 6-го класса общеобразовательной школы. Соответствует федеральному компоненту государственного стандарта общего образования. Подготовлен в соответствии с программой, утвержденной Министерством образования и науки РФ. Является продолжением непрерывного авторского курса и составной частью комплекта учебников Образовательной системы «Школа 2100».

К учебнику выпущено методическое пособие для учителя и «Тетрадь по литературе» для учащихся, в которую включены задания к произведениям, предназначенным для текстуального изучения.

УДК 373.167.1:821.161.1+821.161.1
ББК 84(2 Рос-Рус)я721

Данный учебник в целом и никакая его часть
не могут быть скопированы без разрешения владельца авторских прав

Условные обозначения:

- – произведения для текстуального изучения (остальные произведения изучаются обзорно);
- (П) – вопросы и задания на повторение, обобщение, сопоставление;
- (С) – работа со словариком литературоведческих терминов;
- (ТР) – творческие работы.

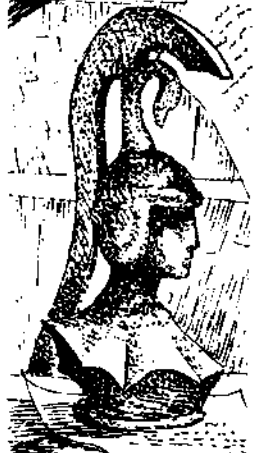
Раздел 3

«То времена, то деяния...»

Честные господа, храни вас Бог!
Коль вы речам пристойным внять не прочь,
О доблестных делах мы вам споем.

*Из старофранцузской героической
поэмы «Коронование Людовика», XII век*

Опускались сумерки. Тетя Лена разожгла камин, а Вера стояла у окна и смотрела в маленькое круглое озерцо, появившееся от дыхания на морозном стекле. Девочка вдруг подумала, что видит свою Родину такой же, какой ее видели люди и пятьсот, и семьсот лет назад. Ей вдруг представились богатыри, скачущие на лошадях. От лошадей валит пар, слышится звон мечей, свист летящих стрел...

— Знаешь, тетя, — вдруг тихо сказала Вера, — я люблю свою Родину. Я это чувствую, но объяснить не могу, понимаешь?

— Конечно, дорогая, — ответила тетя, — мне кажется, я понимаю, что ты чувствуешь. Человек любит то место, где он родился. Слово «Родина» вбирает в себя очень много: это и твои родные места, твоя семья, предки, традиции и обычаи, уклад жизни, это природа и люди, это история, культура и часть ее — язык, на котором ты говоришь, на котором созданы сказки, легенды, написаны книги. Твоей Родине очень нужна твоя любовь, как и твоим родителям. И человеку очень нужна любовь Родины к нему. Мы с тобой родились и живем в России, где веками живут разные народы, у нее своя неповторимая история.

— Я знаю, — перебила Вера. — История дошла до нас через летописи и литературу.

— Не только. Еще через фольклор — сказки, былины, эпос. Людей во все времена интересовало, что было раньше, до них.

— Но ведь в сказках почти все выдумка! — удивилась Вера.

— Если бы в сказках и былинах все было вымыслом, они не переходили бы из поколения в поколение. Представь себе время, когда не было ни книг, ни кино, ни телевидения, ни радио. Вечерами или в праздники люди собирались вокруг сказителей и слушали, например, **былины — истории о сильных и великодушных богатырях, об их победах над коварным врагом, о величии и счастье служения своей Родине.** В былинах, как в зеркале, отражались русские традиции, уклад жизни, отношение народа к богатырям и князьям, его представления о нравственных ценностях. Известно, что часто русские князья, отправляясь в боевые походы, брали с собой сказителей, чтобы они накануне боя пели былины о былых героических днях и вдохновляли ратников, укрепляли их веру в победу.

Сказители, исполняя одну и ту же былинку по памяти, всякий раз импровизировали в зависимости от слушателей и времени рассказа, и любимые народом герои-богатыри совершали все новые и новые подвиги, их жизнь часто растягивалась на века. Былины нельзя рассматривать как исторический памятник, но в них — что очень важно! — отразился характер народа, его опосредованная память о своей истории, представление о нормах героического поведения.

📖 БЫЛИНЫ

Вольга и Микүла Селянинович

Когда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославович.
Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Похотелоя Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать ему под оболока,
Серым волком рыскать да по чистым полям.
Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темны леса.

Как стал тут Вольга растеть-матереть,
Собирал себе дружинишку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,
А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-кариих,
Темно-кариих жеребчиков нелегченныхх.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою¹.

Повыехали в раздольице чисто поле,
Услыхали во чистом поле оратая²,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омешики³ по камешкам почиркивают,
Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,

¹ За получкою – здесь: за добычей.

² Оратай – пахарь, орать – пахать.

³ Омешик – сошник, заостренный конец сохи.

Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехать.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
А омешки по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до па́бедья¹.
А наехали в чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пенья-коренья вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобыла соло́вая²,
Гужи́ки у нее да шелко́вые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешки на сошке булатные,
Присоши́чек у сошки серебряный,
А рогачи́к-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята-пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:

– Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!

Орать, да пахать, да крестья́новати,

А бороздки тебе да пометывати,

А пенья-коренья вывертывати,

А большие-то каменья в борозду валить! –

Говорит оратай таковы слова:

– Поди-ка ты, Вольга Святославович!

Мне-ка надобно Божья помочь крестья́новати.

А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держи́шь? –

Тут проговорил Вольга Святославович:

– Как пожаловал меня да родной дядушка:

¹ Па́бедье – время, близкое к полудню.

² Соло́вая – желтоватая, со светлым хвостом и светлой гривой.

Родной дядушка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцовцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
– Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да все разбойнички,
Они подрубят-то сляги¹ калиновы
Да потопят тебя в реке да во Смородине!
Я недавно там был в городе, третьёго дни,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сту пуд,
А сам я сидел-то сорок пуд,
А тут стали мужички с меня грошей просить.
Я им стал-то им грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот лежа лежит. –
Тут проговорил ведь Вольга Святославович:
– Ай же ты, оратай-оратаюшко!
Ты поедем-ко со мной во товарищах!

А тут ли оратай-оратаюшко
Гужики шелковые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул.
Они сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла²,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла³,
А Вольгин конь да остается.
Говорит оратай таковы слова:
– Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:

¹ Сляги – жердь, тонкое бревно.

² Ступью пошла – пошла тихим шагом.

³ Грудью пошла – тихой рысью.

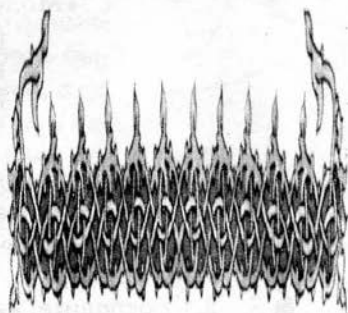
Маломощный-то наедет – взять нечего,
А богатый-то наедет – не позарится, –
А для-ради мужичка да деревенщины.
Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

<http://kurokam.ru>

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Ко той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи¹ вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает от дружинушку хоробрую
Целым он ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

¹ Обжи – оглобли у сохи.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у ней расстиляется,
А грива-то у ней да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.
Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали. —
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребеночком,
Жеребеночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Как бы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы.

Тут проговорит Вольга Святославович:

— Ай же ты, оратай-оратаюшко!

Как-то тебя да именем зовут,

Нарекают тебя да по отчеству? —

Тут проговорил оратай-оратаюшко:

— Ай же ты, Вольга Святославович!

Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,

Я во скирды сложу да домой выволочу,

Домой выволочу да дома вымолочу,

А я пива наварю да мужичков напою,

И тут станут мужички меня похваливати:

«Молодой Микула Селянинович!»...

(Из сборника А.Ф. Гильфердинга «Онежские былины», т. 2. Записана от Ивана Аникиевича Касьянова, крестьянина села Космозера.)

1. Вспомните, каких героев былины вы знаете.
2. Проследите, как описываются в былине Вольга Святославович и Микула Селянинович. Какую особенность в описании внешности Микулы вы заметили?
3. Проследите, как через действия и поступки изображается Микула.
4. Почему Вольга приглашает Микулу поехать с ним «во товарищах»?
5. Как вы поняли смысл эпизодов, в которых описывается, как ратники Вольги не могут догнать пашущего Микулу и вся дружина не может выдернуть сошку из земли?
6. Какие особенности построения былины, ее языка вы заметили?
7. Чем былина похожа на фольклорную сказку?

Вера не расставалась со сборником былин целый день. Тетя Лена предложила ей на выбор стихотворные переложения для детей, написанные современным языком, и оригинальные былины, в которых сохранен язык сказителя, особенности его речи, произношения. Последние читать было труднее, но Вере они понравились больше.

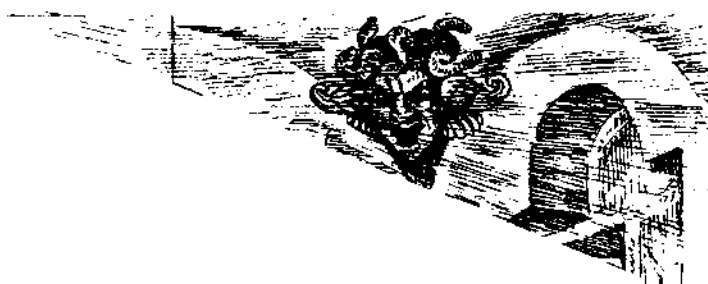
— Тетя, а почему былины с очень похожими сюжетами все-таки отличаются друг от друга?

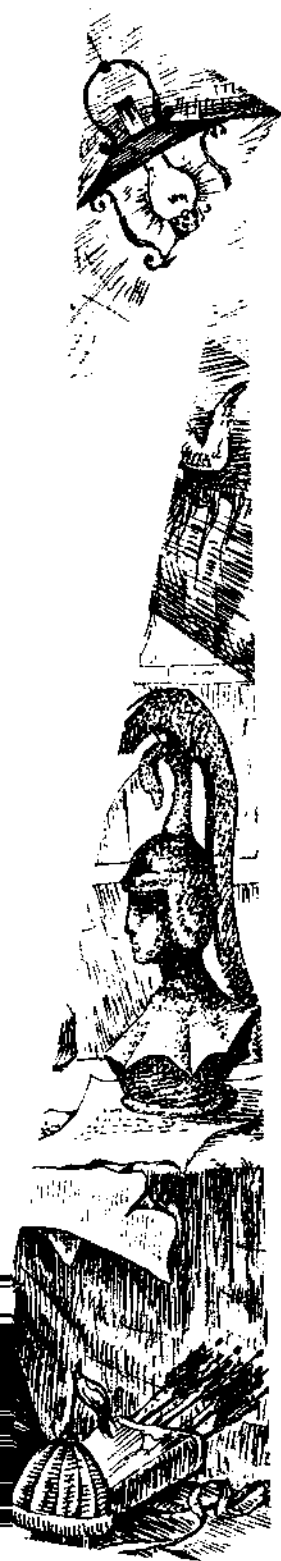
— Ну во-первых, ты знаешь, что герои народных сказаний бывают разные, но ученые выделяют два основных цикла былин: киевский, с героями Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем, Алешей Поповичем, Святотором и др., и новгородский, с героями Садко, Василием Буслаевичем и др. Былины киевского цикла повествуют в основном о ратных подвигах, в былинах же новгородского цикла, поскольку Новгород был торговым центром, один из главных героев — Садко, купец, а не богатыри-воители.

Во-вторых, ты права, существуют былины с похожими сюжетами. Не забывай, что былины никогда специально не писались, они рассказывались или пелись под гусли и существовали в памяти народных сказителей, передавались устно из поколения в поколение. Естественно, что-то забывалось или, наоборот, обрастало новыми подробностями. Кроме того, каждый сказитель старался, чтобы его повествование перекликалось с текущими событиями, и в то же время он отталкивался от сложившейся веками былинной традиции, сюжета, образов, поэтической системы.

— Тетя, а как же получилось, что сейчас мы читаем былины в книгах?

— О, это история огромного самоотверженного труда ученых, имена которых мы не должны забывать, потому что они сохранили для нас часть нашей культуры, наши духовные корни. Образованные люди в XIX веке стали понимать, что можно навсегда потерять устные народные памятники. Ведь былины, например, активно формировались с IX по XVI век, а до нас дошли благодаря тому, что сказители сохраняли их в памяти и передавали из поколения в поколение. К XIX веку исполняющих и помнящих былины становилось все меньше, поэтому, чтобы сохранить устную народную поэзию, нужно было обязательно начать ее собирать и записывать.

Очень много для сохранения произведений устного народного творчества сделало «Русское географическое общество». Его ученые собрали огромный архив: записи песен, плачей, пословиц, былин, систематизировали эти материалы, издавали сборники. Выдающиеся ученые-энтузиасты объезжали деревни в поисках сказителей и записывали за ними фольклор. Это, например, П.Н. Рыбников и П.В. Киреевский. В 1861–1867 годах выходили сборники былин «Песни, собранные Петром Николаевичем Рыбниковым» в 4-х томах. Очень интересен сборник «Онежские былины, записанные летом 1871 года». Он составлен А.Ф. Гильфердингом.

Ученые записывали былины у разных сказителей, нередко одну и ту же былинку в нескольких вариантах, так как каждый сказитель исполнял одну и ту же былинку по-своему. Важно то, что ученые бережно отнеслись к этому наследию, и поэтому былины дошли до нас в первоизданном виде, с серьезной научной классификацией записи. В 30–40-е годы XIX века у писателей и ученых появился интерес к народному творчеству. А.С. Пушкин и В.А. Жуковский даже соревновались, кто лучше напишет сказку на народный сюжет.

– Ой, я помню! – обрадовалась Вера. – Мы читали про это в четвертом классе в книжке «В океане света».

– Ну вот видишь, – улыбнулась тетя Лена и продолжала: – Много сделал для сохранения фольклора П.И. Якушкин, который одним из первых стал в буквальном смысле «ходить в народ» и записывать сказания. Собирались и записывались не только русские былины и другие произведения фольклора, но и устно-поэтические произведения почти всех народов Средней Азии, Сибири, Поволжья, Прибалтики и др. Свой вклад в это благородное дело внесли многие политические ссыльные: Э.К. Пикарский, И.А. Худяков, С.В. Ястремский (записи якутского, алтайского эпосов и др.). Записывали фольклор и эпос такие крупные ученые, как Ч.Ч. Валиханов, академик В.В. Радлов.

– Тетя Лена, а в XX веке собирали фольклор? – спросила Вера.

– Да, особенно в 20–30-е годы. Студенты университетов вместе со своими профессорами во время каникул отправлялись в фольклорные экспедиции по русским деревням средней полосы России, в Сибирь, в Среднюю Азию, на Тянь-Шань, Урал, Поволжье. Я знаю, что студенты-филологи ездят в фольклорные экспедиции и сейчас...

После разговора с тетей Вера уже с каким-то новым чувством бережно листала сборник былин, читала названия.

Илья Муромец и Соловей-разбойник

Из того ли то из города из Муромля,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутрену во Муромле,
Ай к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно́,
А й черным-черно, как черна воро́на.
Так пехотою никто тут не прохаживат¹,
На добром коне никто тут не проезживает,
Птица черный ворон не пролетывает,
Серый зверь да не прорыскиват.

А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
— А й же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, уда́ленький дородный добрый молодец,
А й ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела²,
Заколодела дорожка, замуравела³.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,

¹ Пехо́тою прохаживать — т.е. проходить пешком.

² Заколо́дела — завалилась павшими деревьями.

³ Замура́вела — заросла травой.

На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпыя¹,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник во сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холма на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему.
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпались,
Темны лесушки к земле все приклонились.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белую руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,

Не слышал ли покpика звериногo,
Не видал ли ты ударов богатырских? —
А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый¹,
Во свои берет во бeлы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Сoловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею²,
Он спустил-то Сoловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по слáвну по чисту́ полю,
Мимо гнездушка повез да Соловьиного.

Во том гнездышке да Соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Большá дочка — эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка раздольцем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньшá дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею. —
Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-тко рогатины звериные
Да бегите-тко в раздольце чисто́ поле,
Да вы бейте мужичище-деревенщину!
Эти мужевья да их любимые,

¹ Лук разрывчатый — тугой лук, издававший при стрельбе резкий звук.

² Косица — висок и надбровье.

Величают, удалого, по отчеству? –
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
– Есть я с славного из города из Муромля,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
– А й же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромля
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град? –
Говорил Илья он таковы слова:

– А й ты, славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутрену Христосскую во Муромле,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град.
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту поклáпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест. –

Говорил ему Владимир таковы слова:
– А й же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься¹,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнанó тут силы много множество –
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птицы черный ворон не пролетывал.
А у той ли то у Гязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А у той ли у березы у поклáпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему.
Как кричит злодей-разбойник по-звериному –
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей – те все мертво лежат. –

¹ Подлыгаешься – лжешь, нагло врешь.

Говорил ему Илья да таковы слова:
– Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Куню шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
– Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, ты, собака, по-звериному. –
Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
– Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати,
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати. –
Говорил-то так Владимир-князь да стольно-киевский:
– А й же старья казак ты, Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному. –
Говорил Илья да таковы слова:
– А й же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста солвьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного. –
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:

– А й же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина.
Я повыпью-то как чару зеленá вина –
Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному. –
Говорил Илья тут князю он Владимиру:
– Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!

Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина.
Ты не в малую стопу – да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к разбойнику.

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скóренько шел в столóву свою гóренку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Засвистал как Сóловей тут по-солóвьему,
Закричал разбойник по-звериному –
Маковки на теремах покрíвились,
А околени во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего.
А что есть-то людюшек – так все мертвы́ лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старóй-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько сажился на добра́ коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
Й он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
– Тебе полно-тко свистать да по-солóвьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-мáтерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

А тут Сóловью ему й слáву поют,
А й славу поют ему век по веку!

(Из сборника А.Ф.Гильфердинга «Онежские были-
ны», т. 2. Записана от знаменитого северного сказите-
ля Трофима Григорьевича Рябинина, крестьянина
деревни Середки на Онежском озере).

<http://kurokam.ru>

1. Определите, как строится былина. Найдите зачин, развитие действия, концовку. С какой целью в былинах используются повторы?
- (П) 2. Вспомните, какие былины и сказки о богатырях вы читали в начальной школе. Кто был их главным героем? Что вы помните об Илье Муромце?
3. Какие черты быта, жизненного уклада наших предков отразились в былине? Из каких деталей это следует?
4. Каким вам представляется Илья Муромец?
5. Перечитайте сцену разговора князя Владимира с Ильей Муромцем. Что можно сказать об их отношении друг к другу?
6. Как вы думаете, почему Соловей-разбойник отказывается свистеть по приказу князя Владимира, а приказ Ильи Муромца выполняет?
7. Подумайте, почему в былине несколько раз повторяется описание того, как свистит Соловей-разбойник? Какую особенность этого описания вы заметили (повторяется ли это описание дословно или меняется)? Для чего используются сказителем эти повторы?
8. Как вы представляете себе Соловья-разбойника? Попробуйте предположить, как мог появиться этот образ в былинах.
9. Объясните, почему Соловей-разбойник приказывает зятьям не биться с Ильей, а пригласить в дом и приветить? О какой традиции на Руси говорит эта сцена?
- (С) 10. С какой целью в былинах используются гипербола (преувеличение) и прием контраста? Аргументируйте свой ответ.
11. Сравните поэтический язык сказки и былины. Что общего и в чем различие? Почему былинку труднее читать, чем сказку?
12. Сравните былинных героев с героями фольклорных и литературных сказок. Что важнее для сказителя былин: поступок героя или его внутренний мир?
- (П) 13. Сделайте общий вывод, что объединяет и отличает былинку и сказку.

Творческие работы.

1. Придумайте сюжет современной былины. Выберите героя и событие.
2. Попробуйте сочинить былинку на современном вам материале.

Глава 13

Вера открыла глаза и увидела, что вся комната залита солнечным светом, ярким и холодным, какой бывает только зимой. В дверях уже стояла тетя.

– Подъем, соня, идем кататься на лыжах.

...Лыжи почти летели, снег искрился, и Веру охватило ощущение легкости и счастья. «Какая красота! – думала она, глядя по сторонам. – Прямо как у Пушкина:

Под голубыми небесами

Великолепными коврами...

Строчки Пушкина вернули Веру к мыслям о прочитанных былинах. Когда на заснеженной маленькой поляне они с тетей сделали остановку, у Веры уже были готовы новые вопросы.

— Тетя, а богатыри, наверное, есть и у других народов?

— Конечно. Так как практически всем народам приходилось защищать свою землю, они складывали сказания о своих предках, о богатырях — защитниках своей земли, о поисках этими богатырями себе невесты. Такие сказания называются героическим эпосом. Например, у народов Кавказа это нарт — цикл о полусказочных богатырях, у башкир — эпос «Урал-батыр», «Акбузат». Киргизский эпос «Манас» — один из удивительнейших в мире, ему уже тысяча лет! Он вобрал в себя предания, мифы, сказания, нравственные и моральные правила общежития, память народа о тысячелетней жизни и истории киргизов в борьбе с многочисленными врагами. Якутские олонхо «Куллуҥ куллуһуу» сохранили древние представления людей о мироздании, о трех слоях обитания: верхнем, среднем и нижнем, — в которых действуют богатыри и их противники.

Ты уже запомнила, конечно, что эпос складывался постепенно, на протяжении нескольких веков. Сказители у разных народов назывались по-разному (бахши, шайр, олонхосут и др.), они везде и всегда были очень уважаемыми людьми. Их приглашали на празднества и застолья, они участвовали в военных походах. Часто повествование о богатырях велось под аккомпанемент музыкальных инструментов. У славян это были гусли, у среднеазиатских народов — дутар — двухструнный инструмент, гижак — смычковый инструмент; у молдаван — скрипка, а якуты в качестве музыкального сопровождения использовали особое гортанное пение, изображающее пение птиц, звуки зверей, чудовищ. У якутов и других народов Севера часто исполнение сопровождалось элементами шаманства и имело мистический характер. Эпос обязательно исполнялся сказителями перед людьми, собравшимися послушать его. Это исполнение представляло собой и декламацию, и инсценировку, имело музыкальное обрамление. Однако при всех различиях героический эпос разных народов объединяло главное: житейская мудрость и народное знание, гордость за свое прошлое, идеал героического поведения... Вот почему эпос — это очень важная составная часть культуры народа.

- (С) 1. Что такое героический эпос? Приведите примеры произведений, которые можно отнести к героическому эпосу.
- (С) 2. Продолжите предложение: «Эпос как род литературы — это..., а героический эпос — это ...».

Урал-батыр

Башкирский народный эпос (фрагмент)

Янбирдэ велел сыновьям идти вслед за лебедями и найти то место, где течет живой родник. А если в дороге встретится Смерть, срубить ей голову и принести ему.

Долго ехали на своих львах Шульгэн и Урал.

Однажды под огромным деревом увидели седобородого старца.

И сказал он им: «Налево пойдете – страну счастья падишаха Самрау увидите, направо пойдете – страну горя падишаха Катилы увидите».

Братья бросили жребий. Идти направо выпало Шульгэну, но он, уговор нарушив, пошел налево. Урал не стал спорить со старшим братом и пошел направо – в страну горя. Много гор он перевалил, много рек переплыл и однажды в лесу увидел сгорбленную старуху. Она рассказала, плача, о страшных делах Катилы и умоляла Урала не ездить в эту страну. Но Урал так сказал:

У р а л

Много я бурных рек переплыл,
Много хребтов перевалил,
Я людям зла не несу с собой,
Хочу я со Смертью вступить в бой.
И Смерть, которая прячется здесь,
Должен я непременно поймать
И с этой земли навсегда прогнать.
Если этого не сделаю я,
Что будет стоять вся жизнь моя?
Зачем мне ходить с именем Урал?

Такие слова, говорят, он сказал,
Сел на льва и поехал в страну падишаха Катилы.

Несколько дней прошло, говорят,
Урал подъехал к такому месту,
Где люди голые, словно только что рожденные,
Стоят, согнанные в большие толпы.

Смело к ним подошел Урал,
Горько плачущих утешал,
О своем намерении рассказал.
И один старик тогда сказал:
«Егёт¹, по твоей одежде,
По тому, что ты на льве приехал,
Вижу, что ты человек нездешний.
Вон там – приближенные падишаха,

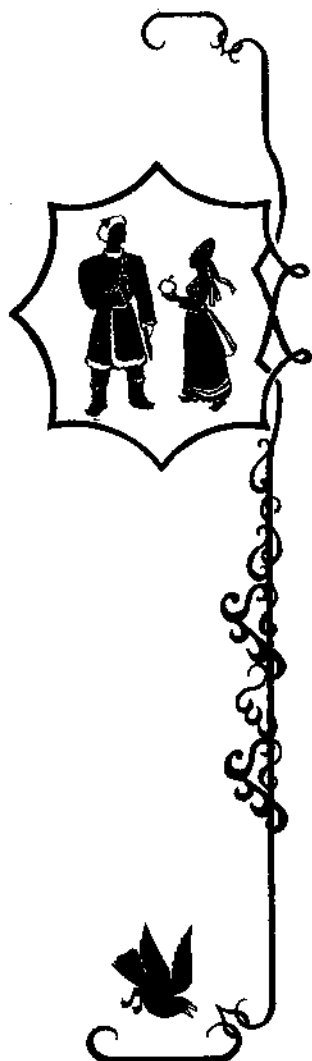
И среди них турё,
Взгляни – на стяге черные вороны
изображены –
Они отсюда хорошо видны.

Каждый год в день рождения Катилы,
В честь колодца, где воду брали
И в этой воде его искупали, –
Приносят богу кровавую жертву.
Видел ли ты воронов черных?
Вон они, видишь, на гору сели,
Жертву кровавую ожидая,
Ждут, когда девушек бросят в колодец,
Потом, когда девушки мертвыми станут,
Их вынут, и воронов черная стая,
Грозно крича и крылами махая,
Начнет мертвым мясом насыщаться...

А там вон, видишь, стоят егеты,
Собранные из разных родов егеты,
Стоят со связанными руками.
Из них дочь падишаха Катилы
Выберет себе одного егета,
Других во дворец возьмут, остальных же
Принесут тенгри¹ в жертву». <...>

Обошла всех егетов дочь падишаха,
Ни один по душе ей не пришелся,
Повернулась, увидела Урала,
Подошла, в глаза ему заглянула,
С улыбкою яблоко протянула.
Взмахнула рукой, села на трон
И приказала нести во дворец...
А к Уралу со всех сторон
Бросились слуги.
«Егет-молодец!
Дочь падишаха тебя полюбила,
Теперь ты станешь зятем Катилы!
Мы тебя отведем во дворец!»

И слышит народ – Урал отвечает:
«Ваших порядков я не знаю,
Во дворец идти не собираюсь,
К здешним обычаям хочу присмотреться.
А время придет – по любви, по сердцу,
Себе девушку я найду
И сам к ней подойду». <...>

¹ Тенгри – бог. <http://kurokam.ru>

И вот на майдане¹ затих гул,
Глашатай крикнул: «Падишах идет!»
Настороженно притих народ.
Рабы осторожно носилки несут,
На носилках – трон, а на нем падишах,
Четыре батыра сзади идут,
Не отставая ни на шаг.

Огромный, как обвешанный кладью верблюд,
Сопящий, как ожиревший медведь,
С налитыми кровью глазами,
Со вздутыми веками и бровями,
Со сросшимся, как у кабана, затылком,
С ногами, толстыми, как у слона,
С животом, раздувшимся, как хаба²,
Кумысом³ наполненный до краев,
Явился Катилы – злой падишах,
Видом своим нагоняя страх.

<...>

Тут дочь Катилы из дворца вернулась,
Подошла к Уралу и, в глаза ему глянув,
Со словами упрека обратилась:
«За что ты меня опозорил, егет?
Очернил лицо мое, гордый егет?
Я тебя среди сотни рабов отыскала,
Яблоко подарила, равным признала,
А ты отказался идти во дворец...»

Слова ее услышал отец,
Спросил: «Егет, из какого ты рода,
Что посмел опозорить нас перед народом?»

У р а л

Человека, который людей убивает
И при том падишахом себя называет,
Сколько ни странствовал я по дорогам,
Мне повстречать не приходилось.
Не только знать, но и думать об этом,
Разве я мог, скитаясь по свету?
Смерти я с детства привык не бояться
И с нею всегда я готов сражаться,
Не отдам ей не только человека,
Но даже самую малую птицу!
Зачем тебе предо мной гордиться?

¹ Майдан – площадь.

² Хаба – кожаный мешок для жидкостей.

³ Кумыс – напиток из молока кобылицы.

Тебя я еще совсем не знаю –
Поживу, на дела твои погляжу,
Тогда все, что думаю, – прямо скажу.

Народ, приближенные и батыры
Смотрели с завистью на Урала:
Так смело говорит с самим Катилой,
А может, и зятем ему станет!

Дочери своей закричал Катила:
«Зачем ты себе глупца избрала?
Он же тебя совсем недостоин.
Не томись, моя дочь, напрасно, –
Он человек для нас опасный.
Вернись во дворец», – так он приказал,
А слугам людей убивать приказал,
Урала велел в кандалы заковать.
Народ начал плакать, громко стенать,
Падишаха кровавого проклинять.

И тут увидел народ, говорят,
Как Урал рванулся вперед, говорят.

У р а л

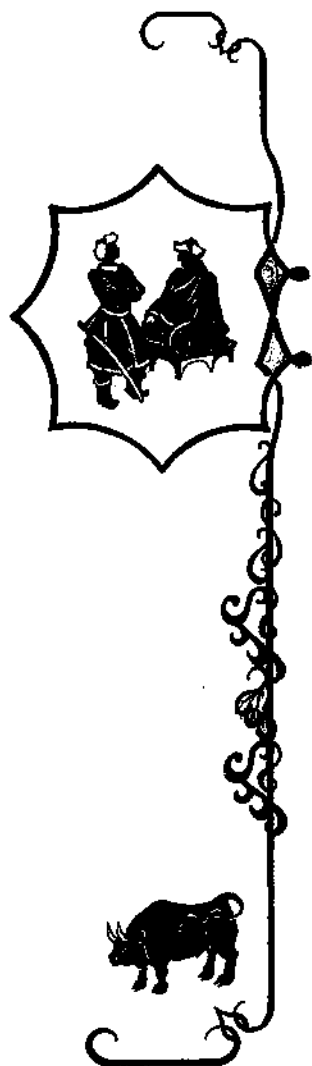
Я отправился в долгий путь,
Чтоб Смерть невидимую уничтожить,
Спасти людей от людоеда-дива.
Чтоб счастье людей приумножить,
Хотел из родника взять живую воду
И воскресить мертвых...
Вот для чего я рожден батыром.

<...>

Катила рукою взмахнул: «Ну, ладно,
Раз пришелец жаждет крови
И жить на земле ему надоело,
Из дворца быка приведите...

Люди эти слова услышали,
«Ой, пропадет егет!» – зашептали,
Головы низко склонив, стояли,
Слезы ладонями вытирали.
Дочь падишаха к отцу подбежала
И такими словами его умоляла:

«Отец мой, прошу – не губи егета,
Добрее его во всем свете нету.

Твою волю, отец, выполняя,
Я жениха себе выбирала
И выбрала лишь одного Урала.
Прошу – не проливай зря крови...»

Катила дочь свою не послушал –
Велел быка пустить на волю.
И вот, как гора, огромная туша,
Скребя копытами голую землю,
Брызжа слюной, вдруг появилась,
Из ворот дворцовых к майдану пустилась.
Народ испуганный разбежался.

Бык страшно всхрапнул и, рога склонивши,
Кинулся яростно на Урала,
Чтобы поддеть и поднять высоко
Рогами насквозь пронзенное тело.

Урал, говорят, не растерялся,
От удара ловко увернулся,
Руками крепко рога схватил,
Начал шею быку ломать
И голову ниже к земле пригибать.

Над майданом раздался страшный рык –
Не может вырваться грозный бык,
В землю уходит ногами бык,
Не может туловище повернуть,
Не может рогами Урала боднуть,
Из пасти черная кровь потекла,
Из челюсти выпал верхний зуб.
А Урал слово свое сдержал,
Убивать быка он не стал,
Из земли его выдернул, говорят,
На ноги поставил, так говорят.

Урал объявил всем, говорят:
Беглым в свои жилища вернуться,
Злодея Катилу не бояться,
Каждому роду избрать старших –
Самых доблестных и справедливых. <...>

(Эпос «Урал-батыр» был записан в 1910 году известным башкирским собирателем фольклора М.Бурангуловым от народного сказителя Габита из аула Идрис и в ауле Малый Иткул от Хамита.)

1. Как сам Урал-батыр определяет цель своих походов («Вот для чего я рожден батыром»)?
2. Каким показан в эпосе падишах? Какие детали выделены в описании?
3. Проанализируйте поведение Урал-батыра по отношению к падишаху и его дочери. Какими качествами наградила народ своего богатыря?
4. Какую роль играет в данном фрагменте сцена сражения Урал-батыра со свирепым быком?
- (П) 5. Сравните героя русских былин Илью Муромца и героя башкирского эпоса Урал-батыра. Как вы думаете, почему народ наделяет своих богатырей сходными качествами? Какими?

Абхазские сказания о нартах (фрагмент)

У народов Кавказа с древнейших времен сохранились устные сказания о далеких предках – нартах. Существуют осетинские, адыгейские, балкарские, абхазские и другие сказания о нартах. У них есть общие герои с различными вариантами имени, например, Сосруко (Сасрыква, Созырко), (Сатанай, Сатаней-Гуаша), но в зависимости от особенностей быта, исторического уклада, национальной специфики каждого народа общие сюжеты и герои имеют свою национальную окраску.

О том, как появился на свет герой Сасрыква

Нарт¹ Сасрыква был самым младшим сыном Сатаней-Гуаши. Он был сотым и самым любимым.

Вот как он родился.

Приближался заветный день, когда должен был появиться на свет Сасрыква, и Сатаней-Гуаша принялась ткать полотно из белоснежной шерстяной пряжи. Ткала она так усердно, что содрогался каменный нартский дом. Из полотна она спила белоснежную черкеску² для новорожденного. Да, для новорожденного! И недаром удивленно спрашивали друг друга люди, увидя черкеску, повешенную на солнце: «Что это значит?»

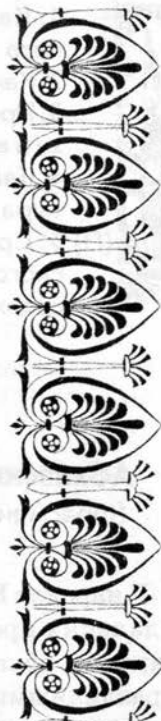
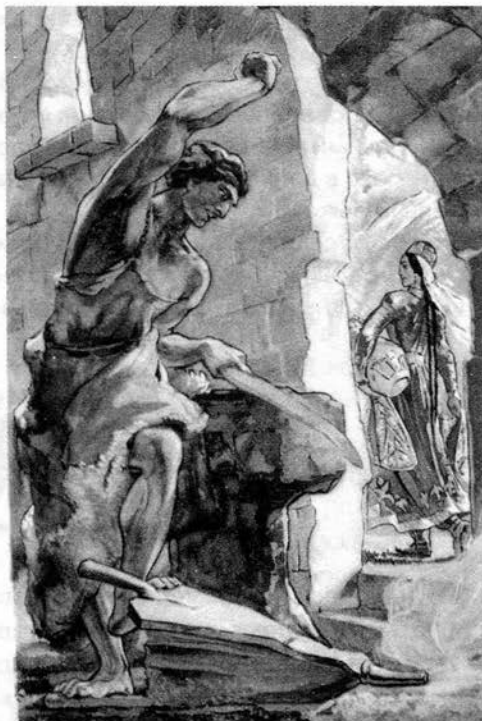
Она спила и черкеску и башлык³, спила архалук⁴ из шелка, а затем начала кроить и шить рубашки из тонкой нежной ткани.

¹ Нарт – богатырь.

² Черкеска – национальная одежда: длинная узкая верхняя одежда без ворота, стянутая в талии.

³ Башлык – вид головного убора.

⁴ Архалук – короткое мужское платье, заменяющее халат.

Она обшивала в течение одного дня девяносто девять своих сыновей. И, разумеется, ей не доставляло большого труда сшить одежду для одного младенца. И все-таки она выглядела усталой и грустной.

Да, она ждала ребенка, и сердце подсказывало ей, что будет он необыкновенным. Но каким именно?

Колыбель, в которой Сатаней-Гуаша поочередно баюкала девяносто девять своих сыновей, была в полной сохранности, но матери казалось, что новорожденный будет достоин иной, лучшей колыбели.

Вот почему Сатаней-Гуаша отправилась к Айнар-кузнецу и сказала ему:

– Случилось со мною, Айнар, нечто такое, что только ты один должен знать и никто другой. Окажи мне помощь – я нуждаюсь в ней.

– Гуаша, золотоногая, можешь рассчитывать на Айнара: мой молот всегда готов к работе, и наковальня тоже, да и огонь горит в горне, подобно солнцу. В чем же ты нуждаешься, Сатаней-Гуаша?

– Мне нужна колыбель, – сказала мать девяноста девяти нартов, – но не простая. Мне нужна колыбель из железа, но шум ее, когда она будет качаться, не должен тревожить ребенка. Вот что мне нужно!

– Хорошо, – сказал Айнар-кузнец, – но дай мне срок. Надо расплавить железо не простым, а особым огнем, и нужно выковать колыбель не из простого, а из особого железа.

– Приступай же к делу, – сказала Сатаней-Гуаша. – Приступай, и я посмотрю, на что твои руки способны. – И еще добавила Сатаней-Гуаша:

28 – Спасибо, просьбу мою уважил, но я опасюсь...

– Чего же ты опасешься, золотоногая Сатаней-Гуаша?

– Я боюсь, что высота, ширина и длина колыбели будут обычными...

– Золотоногая Сатаней-Гуаша! – воскликнул Айнар-кузнец. – Брат нартов, которому суждено родиться, не будет похож на остальных нартов. Его рост не будет равен росту его братьев, а геройством он превзойдет всех. Вот почему его колыбель должна быть необычной. Но зачем же говорить о размерах колыбели до появления младенца? Узнают люди, и злые языки скажут: нарты собираются приручить жеребенка, который еще в утробе матери. Если доверяешь – представь это дело мне.

Ночью дул сильный ветер. Громыхал гром. По кровлям бил град. Но люди спали спокойно. Спали все, кроме Сатаней-Гуаши и Айнара-кузнеца.

Мог ли уснуть Айнар, если всю ночь ковал железо?

Могла ли уснуть Сатаней-Гуаша, если всю ночь ждала ребенка?

Она родила девяносто девять нартов, но такой тяжелой ночи, как эта, у нее не было. Всех девяносто девять сыновей она воспитала, по обычаю, на стороне. Но этого, который должен был появиться на свет, она решила ни за что не отдавать на воспитание чужим.

Всю ночь ходила она взад и вперед: ей казалось, что непременно родится мальчик, и она придумывала имя для него. Наконец выбрала самое звонкое: Сасрыква!..

Начало светать. Прошло ненастье. Лучи солнца коснулись снежных вершин. И вот раздалась возгласы женщин:

– Мальчик родился! Мальчик!

Верно, родился воистину необыкновенный мальчик. Огненно-красный, он пылал, точно огонь в очаге. Попробуй дотронься!

...Да, ребенок был горячий, как огонь. Поэтому немедля вызвали кузнеца Айнара. Тот не замедлил явиться – словно на крыльях прилетел.

Он долго разглядывал мальчика.

– Пусть разрастается, не кончаясь, род великих нартов! – произнес Айнар и своими огромными щипцами, которыми вытаскивал из горна раскаленное железо, приподнял мальчика за ногу и перенес в свою кузню.

А в кузне у него закипало расплавленное железо. В эту страшную солнцеподобную жидкость он и опустил мальчика.

Это случилось утром, а купался маленький нарт в расплавленном железе, словно в теплой воде, до полудня. И только в полдень Айнар-кузнец решил, что мальчик достаточно закалился в солнцеподобном железе, и вытащил его оттуда. Лишь правая нога ребенка, за которую ухватился Айнар-кузнец щипцами, навсегда осталась незакаленной.

Мальчик закричал:

– Я голоден, мама! Накорми меня!

И Айнар-кузнец напоил его солнцеподобным железом. А потом подал ребенку целую лопату солнцеподобных угольев. И ребенок съел их все до последнего.

– Хочу спать, мама, хочу спать! – закричал мальчик.

Сатаней-Гуаша беспокоило ходила вокруг кузницы. Услышав голос своего сына, заторопилась к нему и на руках понесла к себе. Несла и поражалась: совсем недавно он был горячее огня, а теперь стал теплым, как обыкновенный человек.

– Куда ты меня уложишь, мама? – вдруг спросил мальчик.

– Вот сейчас принесут твою колыбель, дитя мое, – сказала Сатаней-Гуаша и велела послать за колыбелью.

Но посланный вернулся ни с чем, едва переводя дух.

– О, золотоногая Сатаней-Гуаша! – воскликнул он. – Я не мог донести колыбель. Она слишком тяжела.

– Ах ты немогущий! – сказала в гневе Сатаней-Гуаша. – Как ты смеешь меня обманывать! Неужели детская колыбель не под силу тебе?

И попросила сходить за колыбелью другого. Но и тот вернулся с пустыми руками.

– Неужели ты без костей, словно улитка? – поразила Сатаней-Гуаша. – Неужели и ты детскую колыбель не смог донести?

– Оставь их, мама. Мне самому хочется поразмяться.

Это говорил маленький Сасрыква. Он был одет в черкеску, на ногах – шерстяные ноговицы¹, голова повязана башлыком.

– Как? Ты сам притащишь колыбель? – сказала в отчаянии Сатаней-Гуаша. – Что же скажут люди? Скажут они вот что: родился сын у нартов, а колыбели не оказалось для него. Твое ли дело таскать колыбель? Найдем человека для этого.

Однако Сасрыква был уже у ворот.

Мать бросилась за ним.

Маленький – не выше травы – Сасрыква шел себе вперед. А мать, едва поспевая, бежала за ним.

Сасрыква нашел свою колыбель в кузне и вскарабкался на нее. Не успел он в ней растянуться, как колыбель сама стала качаться, усыпляя удивительного ребенка.

Так, рассказывают старики, родился нарт Сасрыква. <...>

Сасрыква сбивает звезду

Однажды девяносто девять братьев собрались в поход. Все было готово: оружие проверено, обувь цела, лепешки медовые – в переметных сумках. Коней своих нарты выкупали, оседлали их. Братья попили, поели. И Сатаней-Гуаша сказала им:

– Счастливого пути, дети мои!

Разом поднялись братья со своих мест. Каждый из них держал в руке кнут. Сиделись на коней по старшинству.

Ударил кнутом нарт Сит, и показалось всем, будто гром ударил. Стрелю вылетел из ворот нарт Сит. А за ним понеслись его братья.

Опустел двор. Только нарт Сасрыква остался со своей матерью.

Печален нарт Сасрыква, ибо никто не пригласил его в поход.

Проснулись нарты поутру, шум, хохот во дворе.

Со всеми братьями и он проснулся на заре.

Коня почистил, оседлал, стоял, исполнен сил,

Но брата младшего к столу никто не пригласил.

Вот каждый в руки плетъ берет, он тоже плетъ берет –

Никто ему не предложил отправиться в поход.

Помчались нарты с удальством и песней боевой,

Для них Сасрыква, младший брат, – как будто не живой!

Как буря, братья понеслись – победа впереди,

А он как вкопанный стоит, и руки на груди.

Зачем оставили его? Чтoб он стерег телят?

Чтoб на дворе пугал ворон Сасрыква, младший брат?

Заплакал нарт Сасрыква. Поплелся к матери.

– О мать, – проговорил он.

– Здесь я, сын мой, что тебе?

– О мать, братья мои отправились в поход, и никто не пригласил меня. В чем причина?

– О свет моих очей! Разве старшие должны приглашать младшего? Следуй за ними.

Сасрыква не долго раздумывал – вскочил на верного Бзoу и в мгновение ока исчез за воротами. <...>

Двое суток ехал Сасрыква, ехал в горы, все в горы. И вот усилился дождь. И повалил снег. И ветер подул, да такой, что казалось, горы обратятся в прах. А когда прояснилось – Сасрыква увидел своих братьев. Они жались друг к другу так тесно, что можно было набросить на них одну шапку. Бороды их обросли сосульками, и сосульки касались земли. Они погибали от холода.

– Что с вами? – спросил Сасрыква братьев.

Они очнулись словно ото сна и заговорили все разом:

– Сасрыква, брат наш! Мы умираем! Мы замерзаем! Спаси нас!

– Я с вами! – сказал Сасрыква. – Не бойтесь: я здесь!

И подумал: «Что же делать? Где раздобыть огонь на этой голой земле?»

Над ним раскинулось широкое небо, и было оно усыпано звездами. Они горели так ярко! «Их спасет только звезда!» – сказал про себя Сасрыква. Он натянул тетиву лука, прицелился в самую яркую из звезд и выпустил стрелу. И сбил Сасрыква яркую, самую яркую звезду! Она упала на землю, излучая тепло и свет. Насквозь промерзшие нарты собрались в кружок и стали греться. Но как ни была ярка и тепла эта звезда, согреть нартов она не могла. Их мог обогреть только земной огонь!

Сасрыква сел на коня и въехал на гребень горы. Видит – вьется дым. И он поехал на этот дым, решив, что там, где есть дым, есть огонь. Но не так-то просто оказалось до огня добраться. Пришлось Сасрыкве переплывать бурные реки и проходить глубокие овраги прежде чем ощутил он тепло огромного костра, в котором сгорали даже камни.

Однако путь к костру преграждал великан, свернувшийся так, что колени его касались подбородка. Великан спал, и Сасрыква не смог разбудить его.

Тогда обратился нарт к своему коню с такими словами:

– Будь шустрым, как белка, а я стану легким, как пух!

И нарт разогнал коня своего Бзоу и влетел в правое ухо великана, а через левое вылетел. Набрал Сасрыква угольев и уже хотел было прежним путем возвратиться назад.

Но, по несчастью, обронил пылающий уголек, и лохматое великанье ухо загорелось. Чудовище проснулось, и Сасрыква вместе со своим конем очутился у него на ладони.

– Эй, ничтожный человечешко! – вскричал великан. – Как попал ты ко мне? И как тебя звать?

Сасрыква ответил:

– Я всего-навсего слуга нарта Сасрыквы.

– Ах, вот оно что! Скажи, а правда ли, что живет на свете Сасрыква, совершающий удивительные подвиги?

– Да, живет, – ответил Сасрыква, а сам с беспокойством думал о своих братьях. «Как бы отделаться от этого великана?» – размышлял он.

– Расскажи-ка мне о его подвигах, – сказал великан, тараща огромные глаза на нарта.

– Долго рассказывать, – сказал Сасрыква.

– Ничего, что долго, рассказывай...

– Ну что ж, – начал Сасрыква, – расскажу, только не вздумай следовать его примеру.

– Это почему же?

– Потому что не всякий это сможет... Вот, скажем, поднял однажды Сасрыква валун величиной с дом, поставил его на скалу, а сам стал под скалой. Он приказал мне сдвинуть с места валун, который едва держался на самом краю утеса. И что бы ты думал? Валун разбился о голову Сасрыквы! Только не вздумай повторить его подвиг!

Однако великан только рукой махнул и через мгновение уже тащил на гору преогромный валун. Рядом с валуном поставил ничтожного апсуа – слугу Сасрыквы и попросил помочь совершить подвиг. Сасрыква столкнул валун, и полетел валун с превеликим грохотом. Ударился о голову великана и тут же рассыпался, точно был слеплен из сухого песка.

Огорчился Сасрыква, но что поделаешь – силен великан!

– На что же еще способен твой Сасрыква? – взревел великан.

Нарт сказал:

– Этот Сасрыква собрал однажды куски железа, сварил их в котле и выпил, точно молоко. Ему понравилось расплавленное железо.

Великан приступил к делу: живо расплавил в котле куски железа и выпил.

– Да, – проговорил он, – знает твой Сасрыква толк в еде – очень приятно пить железо.

Огорчился Сасрыква, но что делать – силен великан!

– Ну, расскажи еще что-нибудь о Сасрыкве, – просит великан.

– Сасрыква, – говорит нарт, – очень любит в морозный день окунуться в реку и стоять в ней неделю, а порой и больше. Войдет в воду и ждет, пока она не замерзнет, а потом ломает лед и выходит на берег цел-невредим.

– Так вот оно что! – говорит великан. – Сумел Сасрыква – сумею и я!

В это самое время Сатаней-Гуаша чудом узнает о тяжелом положении, в которое попал ее любимый сын. И произносит такое заклинание:

– Ударьте, морозы, посильнее, чтобы накрепко замерз великан в воде!

И в самом деле ударили морозы. Замерзли горные реки. Вот тут и пришлось великану испытать свою силу.

Залез он в воду, и она замерзла вокруг него. Но великан легко изломал лед. Тогда Сасрыква раздобыл стог сена, разбросал сено по льду, и сделался лед во много раз прочнее.

Стоит великан во льду – одна голова торчит над гладкой ледяной поверхностью. А когда захотел он выбраться, то уже не смог. Пытался было изломать лед, но все напрасно. Пытался было уговорить Сасрыкву, чтобы тот помог ему, но все напрасно. <...>

Расправившись с великаном, нарт поднял горящую головешку и на верном коне Бзоу прискакал к братьям.

Звезда, согревавшая нартов, понемногу гасла, теряла свое тепло.

– Не падайте духом, братья мои! – крикнул Сасрыква. – Вот я привез вам огонь земной взамен огня небесного. <...>

И запыхал костер, а вскоре в котлах уже варилось мясо серны и оленей, убитых Сасрыквой.

Напились нарты мясного отвара и досыта наелись мяса. Ну можно ли было после всего этого не уважать Сасрыкву, если даже у него и другой отец?

(Абхазские сказания о нартах печатаются по книге: Приключения нарта Сасрыквы и его девяноста девяти братьев. М.: ГИХЛ, 1962.)

1. Какие особенности быта абхазцев отразились в данном фрагменте?
2. Как описаны в эпосе первые часы жизни маленького нарта? Какой символический смысл вложен в это описание?
3. Чем отличался Сасрыква от своих 99 братьев? Проанализируйте его отношение к братьям, сцену с великаном.
4. Попробуйте сравнить Сасрыкву и Илью Муромца. Чего больше в этих образах – сходного или различного? Какие мечты и надежды народы воплотили в своих богатырях?
5. Какой жанр русского народного эпоса напомнило вам «Сказание о нартах»? Почему?

Манас

Киргизский эпос

Рождение Манаса (фрагмент)

<...>

И шумел и гремел Акбалта:
«Я хорошую весть привез!»
У Джакыпа дрожали уста,
Проливал он потоки слез:

«Неужели я сыном богат?
Не рождению сына я рад:
Встретить радость тогда я готов,
Если будет он жив и здоров.
Слишком долго знавал я беду,
Сколько дум передумал о том,
Что из мира бездетным уйду!»

Он стоял на ногах с трудом,
А в глазах его свет погас.
Акбалты услышав рассказ,
Потерял сознание Джакып,
Он упал, он почти не дышал.
Акбалта к нему подбежал.
Теребил его, в ухо кричал,
Но Джакып лежал недвижим,
Будто сделался миру чужим.
Акбалта, в испуге, в тоске,
Шапку взял и пошел к реке,
Неуклюжей походкой пошел,
Каждый шаг ему был тяжел.
Возвратился назад Акбалта,
И Джакыпа, что был как
мертвец,

Он обрызгал водой изо рта.
Приподнявшись,
счастливый отец
От холодной воды задрожал,
Акбалту увидел и сказал:
«Ты откуда приехал, старик?
Предо мной ты внезапно
возник.
Ты обрызгал меня водой,
Я смотрю на тебя, как слепой.
Ты подъехал с какой стороны?
Я смотрю, а глаза темны,
Ничего не вижу вокруг.
Говори: так жаден мой слух,
Так пылает моя душа!
Говори: я жду, не дыша!
Ты откуда приехал, старик?
Говори, если есть язык!»
Говори, если есть слова!»

«Я сказал не раз и не два:
Сына ты приобрел, Джакып!
Сына ты приобрел, Джакып!
Что ты дашь мне за эти слова?
Повторять их не надо мне.
Ну, а будет награда мне?»
Так шумел, гремел Акбалта.
«Это правда или мечта?
Отвечай как мужчина мне.

Сам ты видел, что сына мне
Принесла моя Чийырды?
Мальчугана ты видел сам
Иль поверил чужим глазам?
Или женская это молва?
Повтори мне свои слова,
Повтори, повтори, старик,
Я к таким словам не привык!»
Так расспрашивал много раз,
Обезумев от счастья, Джакып.
Акбалта повторял рассказ:
«Правды хочешь ты? Вот она:
Родила тебе сына жена.
Крепче мальчика не найти, —
Можешь радоваться, старик.
Расстояние суток пути
Огласил его первый крик.
Я из юрты¹ крик услышал,
Он мне прямо в душу проник.
Молодухи все говорят,
И старухи все говорят,
И джигиты, и старики:
Он родился с кровью в руках,
Руки сжаты его в кулаки.
Как мужчина могучих лет,
Твой ребенок тяжел, говорят.
Только что родился на свет,
А глядит, как орел, говорят.
Говорят: он тигра сильней. <...>

Услыхав, что вернулся Джакып,
Вышли женщины встретить отца.
«Пусть мой сын живет

без конца!» —

Так сказав, нагнулся Джакып,
В юрту с радостным сердцем
вошел.

Он супругу здоровой нашел,
Сына нянчила Чийырды,
Не осталось от боли следа.
Приказал он Багдоолёт:
«Принеси-ка мне сына сюда».
Сына к сердцу прижал Джакып,
Стал барахтаться мальчуган,
И тогда задрожал Джакып,

Гордой радостью обуян.
Присмотрелся к сыну отец:
Видом грозен, видом храбрец.
Лоб высокий, узка голова,
Рот широкий, глаза — как у льва,
Крепки щеки, а взор глубок.
Тонок станом, в груди широк,
И в плечах он раздался вширь,
Не младенец, а богатырь!
В нем и гнев, и сила слона,
Широка, могуча спина,
Руки силою налились,
Над глазами брови срослись,
Уши волчьи, тигриная грудь,
На ладонях начертан путь
Предводителя удалцов,
Победителя храбрецов!
Говорил счастливый отец:
«Если сына дал мне Творец, —
Сохраню его, радость познав!»

Изменился Джакыпа нрав,
Щедрым сделался прежний
скупец.

Это счастье — к сыну прильнуть,
Крепко в щеки его целовать!..

И подумал Джакып тогда:
«Соберу я свои стада.
На веселом, шумном пиру
Всех сородичей соберу.
Извещу туркестанский край
Извещу Андижан и Алай,
Извещу Кабак-Арт, Сары-Кол,
Чтобы каждый ко мне пришел.
Позову я кипчакский род,
Рядом с нами есть тыргоот, —
Пусть придет он, калмыцкий
род,

И калмыков я позову».
Все готовились к торжеству,
Молодые и старики.
Собирались тогда бедняки,
Чтоб одежды свои залатать,
Собирались девицы тогда,

¹ Юрта — переносное жилище конусообразной формы у кочевых народов.

Стали косы свои заплетать,
Воскликая: «Пойдем на пир,
Говорят, удивит он мир!»

Все кибитки Джакып собрал
На урочище¹ Уч-Арал.
Весь аил² поселился там,
Весь аил веселился там.
Леопард на урочище том
Охранял Джакыпа дитя.
Желтый лев с коротким

хвостом

Охранял Джакыпа дитя,
Весь в сиянии золотом,
Небосвод озарял дитя.

Как понять, как постичь умом,
Что дитя на просторе земном
Необычное родилось?
Для младенца имя нашлось,
И назвали его Манас.
Звери, слева обняв его,

Звери, справа обняв его,
Перед ним склонялись тотчас
И, рыча, ложились у ног,
Чтоб, услышав его приказ,
На врага совершить прыжок.

Тихо начал речь Акбалта,
Но дышали весельем уста:
«Ту страну, где родились мы,
Где растили нас, мы найдем!»
Те равнины и те холмы,
Что хранили нас, мы найдем!
Эти речки, где мыли нас,
Где трава цветет, мы найдем!
Край, где грудью кормили нас,
Свой родной народ мы найдем!
Ибо ныне родился Манас,
Богатырь, исполненный сил.
Он киргизам сумеет помочь.
Ты подумай только, Джакып:
День веселый уже наступил,
Наступила счастливая ночь!»

Письмо Каныкёй (фрагмент)

Манас ведет борьбу с врагами киргизов и близких им племен. Он совершает много походов. В большом походе Манас со своим войском захватил столицу враждебного государства Бейджин. Но весть об этой победе не радует жену Манаса Каныкёй. Она предчувствует, что вторжение в чужую страну не принесет ему счастья, и просит мужа скорее вернуться с киргизским войском на родину. В этом фрагменте вы прочитаете, какой ответ дает ей богатырь Манас.

¹ Урочище – местность в горах, где кочевое племя разбивало свою стоянку.

² Аил – стоянка кочевников.

<...>

Эти жалобные слова
Не доходили до сердца льва.
Не думал Манас о том,
Что красавица Каныкей,
Что упрямица Каныкей
В Таласе его заждалась,
Что надо вернуться в Талас.

«Так устроен суетный свет:
В суетном свете вечности нет.
Так посмотрим в глаза стреле,
С честью ляжем в сырой земле!
Ну, какая в Таласе беда?
Сын мой – дитя? Жена молода?
Когда я врагов укрошу,
Дурные дела прекращу,
Власть укреплю свою,
Месть утолю свою, –
Только тогда покину я край,

Где и пророк не бывал!
Разве наш народ воевал,
Разве кровь батыров лилась
Ради ребенка моего
Или ради моей жены?
Разве можно вернуться в Талас,
Не закончив дела войны?
Разве нужен Манасу почет?
Разве жадность меня влечет?
Во мне ее вовсе нет!
Все накопленное добро –
Жемчуг, золото, серебро –
Пропадом пусть пропадет!
Наши земли, родной народ, –
Вот о чем забота моя!
Ради обычая отцов,
Ради величия сынов –
Бранная работа моя!
Враг нападет – врага я сотру.
Смерть нападет – как воин умру!»

(Эпос «Манас» складывался в течение почти тысячелетия. Он состоит из трех поэм: о богатыре Манасе, его сыне Семетее и внуке Сейтеке. Первые записи сделаны во 2-й половине XIX века. Полностью трилогия записывалась с 1920 по 1971 год. Существует запись 1-й части трилогии («Манас») по варианту Сагымбая Оразбакова, всей трилогии – по варианту Саякбая Каралаева. Всего существует более 35 вариантов записей эпоса от разных сказителей.)

1. О каких традициях, обычаях и ценностях киргизского народа, о его взаимоотношениях с другими народами можно узнать из первого отрывка?
2. Во многих эпосах кочевых народов (киргизов, казахов и др.) рождение сына имеет очень большое значение. Если человек, живущий в племени, не имел ребенка, его унижали, презирали, потому что сын – это защитник рода, племени от врагов, продолжатель рода. Обратите внимание, как ведет себя Джакып, узнав о рождении сына.
3. Какое предназначение должен был выполнить Манас?
4. Какими нравственными качествами должен обладать герой-богатырь в представлении киргизского народа?
5. Какова роль монолога в эпосе «Манас»?
6. Перечитайте слова Манаса, которыми завершается второй отрывок. Как вы думаете, могли ли эти слова произнести Илья Муромец, Урал-батыр, Сасрыква? Обоснуйте вашу точку зрения. Какой вывод можно сделать?
7. Согласны ли вы с тем, что герои эпоса разных народов несут в себе и национальное, и общечеловеческое начало?

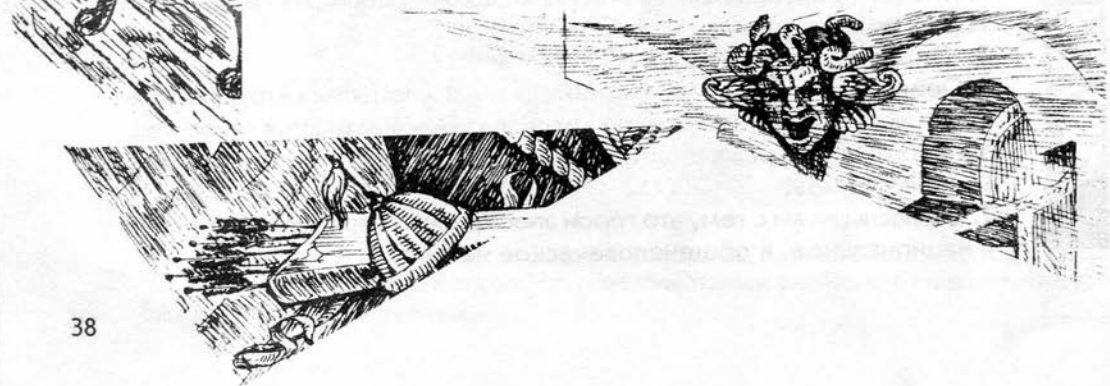
Вечером разговор об эпосе продолжился после того, как Вера прочитала несколько отрывков.

— Верочка, — сказала тетя Лена, — фрагменты эпосов, которые ты читала, я выбирала из произведений, которые подвергались литературной обработке. Они передают общее содержание сюжета, эпизоды, знакомят с образами, но не сохраняют первоизданную форму сказания, его язык, особенности исполнения сказителя. В первоизданном же виде, как сказание записано от сказителя, без правки и переработки, с комментариями и разъяснениями, эпос издается специальной серией книг «Эпос народов Евразии». Их готовят в Институте мировой литературы имени М. Горького Российской академии наук. Наш научно-исследовательский институт уникальный, он находится в Москве на Поварской улице. Наши специалисты занимаются и устным народным творчеством, и российской литературой, и зарубежной, и литературоведением. Большую работу по собиранию, научному изданию эпоса и фольклора ведут научно-исследовательские институты и в других республиках — Якутии, Татарстане, Мордовии, в Узбекистане, в Киргизии и др. Они публикуют записи, сделанные непосредственно от сказителей, разные варианты эпосов.

— А что это такое — **литературоведение**? — спросила Вера.

— **Это наука о литературе. Она изучает законы построения литературных произведений, развития жанров, стилей.** Если хочешь еще подробнее, рекомендую тебе «Энциклопедический словарь юного литературоведа», там есть об этом специальная статья.

А эпос изучает фольклористика. Да, еще я хотела тебе сказать, что героический эпос — это не только повествование о деяниях богатырей. Есть народы, у которых жизнь не была так тесно связана с боевыми походами. У них эпос — это попытка осмысления окружающего мира, картины повседневного быта, охоты, внутрисемейных и племенных отношений. Таков карело-финский эпос «Калевала», якутский эпос и другие.

Калевала

Карело-финский народный эпос (фрагмент)

Руна двадцать третья

(Невесту учат и дают советы, как она
должна жить замужем)

Нужны девушке советы,
Поучить невесту нужно,
Как бы в радости прожить ей,
Как прожить бы с похвалою,
Быть веселой в доме мужа,
Быть хвалимой у свекрови.
В дом чужой войдешь, девица,
Вступишь в чуждое хозяйство.

Этот дом ты покидаешь,
Забери с собой, что хочешь,
Но оставь три вещи дома:
Сны, что ты на дню видала,
Речи матери любезной
И кадушку с свежим маслом!
Забери с собой, что хочешь,
Но оставь мешок со снами
Здесьним девушкам при доме,
На краю широкой печки!
Пенье брось на край скамейки,
К окнам радостные песни,
Брось метле свое веселье,
Шум — к оборкам одеяла,
Шалость брось к печной

скамейке,
Лень свою ты выкинь на пол!
Иль отдай подружке детства,
Брось в подол своей подружке,
Пусть несет ее в кустарник,
В рощу пусть ее забросит!

Нравам новым научайся,
Позабудь бывшие нравы:
Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше! <...>

В продолженье целой жизни
И пока сияет месяц,
Ты нечистых нравов бойся,

Чистоту свою храни ты!
Добродетель в доме ценят,
В добром доме чистых нравов.
Муж пытается нрав супруги,
Лучших в ней достоинств ищет;
Важны знанья по хозяйству,
Если нет порядка в доме;
Там нуждаются в усердии,
Где к нему сам муж негоден.

Пусть старик хоть волком
будет,

Пусть медведицей старуха,
Хоть змеею деверь¹ будет,
Хоть занозою золовка² —
Отдавай им честь такую ж,
Даже кланяйся пониже,
Чем ты кланялась родимой,
Чем ты в горнице отцовской
Пред отцом родным склонялась.
Почитала мать родную!

Припасти должна ты будешь
Мудрый ум и быстрый разум;
Там должна ты постоянно
Быть во всем благоразумной,
Зоркий глаз иметь под вечер,
Без огня работу видеть.
Острый слух иметь под утро,
Петушинный крик слышать!
Прокричал петух один раз,
Не кричал еще в другой раз —
А должна вставать молодка,
Старики пусть спят покойно.

Коль петух кричать не будет,
Не зовет хозяев птица,
Петухом пусть служит месяц,
По Медведице знай время! <...>

¹ Деверь — брат мужа.

² Золовка — сестра мужа.

Коль огня не будет в пепле,
Не найдешь в коробке искры,
Растолкай тогда ты мужа,
Разбуди тогда красавца:
«Дай огня, супруг мой милый,
Дай мне, ягодка, хоть искру!»

Как кусок кремня получишь,
Вместе с ним немного труту¹:
Выбивай огонь поспешно,
Ты воткни в скобу лучинку
И пойдй дорогой к хлеву,
Чтобы там кормить скотину!
Замычит свекрови телка
И заржет там лошадь свекра,
Ждет там деверя корова,
И теленок ждет золовки,
Чтоб скорее дали сена,
Чтобы клевер был наложен.

Ты пройди в загон,
нагнувшись,
Наклонясь, во двор к скотине,
Накорми коров с любовью,
А стада овец с умением!
Брось соломы ты коровам,
Ты подай телятам поила,
Нежных стеблей жеребят,
Сена мягкого ягнятам!
На свиней не натыкайся,
Не толкай ты поросенка,
А поставь кормушку свиньям,
Дай корыто поросят!

Отдыхать не вздумай в хлеве,
Не засни ты там в загоне!
Ты прошла загоном скотным
И скотину осмотрела –
Так спеши скорей оттуда,
Мчись, как снег, скорее к дому!
Там заплакал уж ребенок,
Уж кричит он на постели,
Говорить не может, бедный,
Он не скажет, бессловесный,
Есть ли хочет он, озяб ли
Иль еще что приключилось,
Как остался без родимой,

Речи матери не слышал.

Ты когда войдешь в покои, –
Ты войдешь сама-четверта:
На руке ведро с водою,
А под мышкой свежий веник,
А во рту твоём лучинка –
Вот и выйдет вас четыре!

Подмети ты доски пола,
С пола сор смети почище:
Воду выльешь – вылей на пол,
Не на голову ребенка!
На полу дитя увидишь,
Пусть оно дитя золовки:
Посади его на лавку,
Вытри глазки, гладь головку,
Дай кусочек хлеба в руки,
Да намажь на хлебец масла!
Не найдешь ты в доме хлеба,
Дай ему хоть щепку в руки!

Ты столы захочешь вымыть
Попоздней, в конце недели –
Мой и сверху, мой и сбоку,
Не забудь и ножки вымыть!
Ты облей скамьи водою,
Обмети, как нужно, стены,
По порядку все скамейки
И в длину все стены дома!

Что на стол насело пыли,
Что насело по окошам,
Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою,
Чтобы пыль не разошлась,
К потолку б не поднялась!

С потолка смети ты сажу,

И почисти столб у печки,
Также о шестке² подумай,
На жилье чтоб дом похож был,
Чтоб сочли его жилищем.

Не ходи, смотри, без платья,
Не покрытая платочком,
Не ходи и без платочка,
Не ходи без башмаков ты!
Неприятно это мужу,

¹ Трут – фитиль или высушенный гриб трутник, зажигающийся от искры при высекании огня.

² Шесток – площадка перед устьем русской печи.

Заворчит тогда твой милый!

<...>

Ты, как мышь, ушами слушай,
Ты, как заяц, бегай быстро!
Наклоняй затылок юный,
Молодой сгибайся шеей,
Как растущий можжевельник,
Как черемухи верхушка!

Будь внимательна повсюду
И всегда остерегайся,
Чтоб нигде ты не упала,
Не свалилась бы у печки,
Не запуталась бы в платье,
На постель бы не наткнулась!

Вот вернется с пашни деверь,
А золовка – из овина¹,
Подойдет супруг с работы,
От сохи придет твой милый:

Принеси с водою ковшик,
Принеси и полотенце,
Наклонись к земле пониже,
Молви ласковое слово!

А свекровь в избу вернется,
Ты беги на двор, навстречу,
Поклонись еще пониже
И возьми из рук старухи,
Отнеси муку в покои!

Если ж ты сама не знаешь
И сама не понимаешь,
За какое дело взяться
И какую взять работу,
То спроси ты у старухи:
«Ах, свекровушка родная!
Мне за что теперь приняться
И какую взять работу?»

<...>

(Карельские руны были открыты Элиасом Лёнротом. В 40-е годы XX века он издал композицию этих эпических песен, которая стала всемирно известна под названием карело-финского эпоса «Калевала». Печатается по изданию: Калевала. Петрозаводск, 1970.)

1. Карельские руны исполнялись попеременно двумя певцами, которые «вили песню». Попробуйте так прочесть руну.

2. Какая картина внутрисемейных отношений нарисована в этой руне? По каким деталям можно судить о быте, нравах народа, о положении женщины?

3. Каким советам, по-вашему, могла бы следовать современная девушка, готовящаяся выйти замуж?

(П) 4. Что является источником непобедимости героев рун? Каких героев русского былинного эпоса также отличает это качество?

¹ Овин – строение для сушки снопов перед молотьюбой.

Глава 15

Тетя Лена работала за столом, но, увидев Веру, с удовольствием оторвалась от книг и рукописей.

— Верочка, я все думаю, что наш разговор об эпосе будет неполным, если я тебе не расскажу вот о чем. Есть произведения фольклора, которые известны во всем мире в виде литературных обработок и в пересказе. Это французский историко-героический эпос «Песнь о Роланде», немецкий «Песнь о нибелунгах», «Песнь о Гайавате» американских индейцев. Ты удивись, наверное, если я скажу, что у «Песни о Гайавате» есть автор — Гэнри Лонгфелло. Он создал это произведение на основе народных преданий, а на русском языке ты можешь его прочесть в блестящем переводе поэта Ивана Алексеевича Бунина.

Гэнри Лонгфелло Песнь о Гайавате (отрывки)

Вступление

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».

Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага, —
Я скажу вам, я отвечу:

«В гнездах певчих птиц, по
рощам,

На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.
Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных,
Читовзйк, зук, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».

Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу!» —
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такую речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, долины,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый — летом,
Белый — в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их – весною,
По ольхам серебристым – летом,
По туману – в день осенний,
По руслу – зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате, –
О его рождение дивном,
О его великой жизни:
Как постился и молился;
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив.
Чтоб он шел к добру и правде».

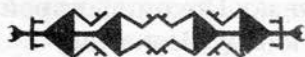
Вы, кто любите природу –
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень, и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, –
Вам принес я эти саги.
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, –
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом
сердце
Сохранилась вера в Бога,
В искру Божью в человеке;

Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провидение незримо, –
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забывается порою
На заброшенном погосте
И читаете в раздумье
На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры, –
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

IV

Гайавата и Мэджекивис

Миновали годы детства,
Возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной,
Стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи сноровки –
Все постиг он, все изведal.

Резвы ноги Гайаваты!
Запустив стрелу из лука,
Он бежал за ней так быстро,
Что стрелу опережал он.
Мощны руки Гайаваты!
Десять раз, не отдыхая,
Мог согнуть он лук упругий
Так легко, что догоняли
На лету друг друга стрелы.

Рукавицы Гайаваты,
Рукавицы Минджикэвон,
Из оленьей мягкой шкуры
Обладали дивной силой:
Сокрушать он мог в них скалы,
Раздроблять в песчинки камни.
Мокасины Гайаваты
Из оленьей мягкой шкуры
Волшебство в себе таили:
Привязавши их к лодыжкам,
Прикрепив к ногам ремнями,
С каждым шагом Гайавата
Мог по целой миле делать.

Об отце своем нередко
Он расспрашивал Нокомис,
И поведала Нокомис
Внуку тайну роковую:
Рассказала, как прекрасна,
Как нежна была Венона,
Как сгубил ее изменой
Вероломный Мэджекивис,
И, как уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Он сказал Нокомис старой:
«Я иду к отцу, Нокомис,
Я хочу его провести
В царстве Западного Ветра,
У преддверия Заката».

Из вигвама выходил он,
Снарядившись в путь далекий,
В рукавицах Минджикэвон,
И волшебных мокалинах.
Весь наряд его богатый
Из оленьей мягкой шкуры
Зернью вампума украшен
И щетиной дикобраза.
Голова его — в орлиных
Развевающихся перьях,
За плечом его, в колчане —
Из дубовых веток стрелы,
Оперенные искусно
И оправленные в яшму,
А в руках его — упругий
Лук из ясеня, согнутый
Тетивой из жил оленя.

Осторожная Нокомис
Говорила Гайавате:
«Не ходи, о Гайавата,
В царство Западного Ветра:
Он убьет тебя коварством,
Волшебством своим погубит».

Но отважный Гайавата
Не внимал ее советам.
Уходил он от вигвама,
С каждым шагом делал милю.
Мрачным лес ему казался,
Мрачным — свод небес над лесом,
Воздух — душным и горячим,
Полным дыма, полным гари,
Как в пожар лесов и прерий:
Словно уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

Так держал он путь далекий
Все на запад и на запад,
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона.
Переплыл он Эсконабо,
Переплыл он Миссисипи,
Миновал Степные Горы,
Миновал степные страны
И Лисиц и Черноногих,
И пришел к Горам Скалистым,
В царство Западного Ветра,
В царство бурь, где на вершинах
Восседал Владыка Ветров,
Престарелый Мэджекивис.

С тайным страхом Гайавата
Пред отцом остановился:
Дико в воздухе клубились,
Облаками развевались
Волоса его седые,
Словно снег, они блестели,
Словно пламенные косы
Ишкуды, они сверкали.

С тайной радостью увидел
Мэджекивис Гайавату:
Это молодости годы
Перед ним воскресли к жизни,
Это встала из могилы
Красота Веноны нежной.

«Будь здоров, о Гайавата! —
Так промолвил Мэджекивис. —
Долго ждал тебя я в гости
В царство Западного Ветра!
Годы старости — печальны,
Годы юности — отрадны.
Ты напомнил мне былое,
Юность пылкую напомнил
И прекрасную Венону!»

Много дней прошло в беседе,
Долго мощный Мэджекивис
Похвалялся Гайавате
Прежней доблестью своею,
Приключениями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорил, что дивной силой
Он от смерти заколдован.

Молча слушал Гайавата,
Как хвалился Мэджекивис,
Терпеливо и с улыбкой
Он сидел и молча слушал.
Ни угрозой, ни укором,
Ни одним суровым взглядом
Он не выказал досады,
Но, как уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

И сказал он: «Мэджекивис!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»
И могучий Мэджекивис
Величаво, благосклонно
Отвечал: «Ничто на свете,
Кроме вон того утеса,
Кроме Вавбика, утеса!»
И, взглянув на Гайавату
Взором мудрости спокойной,
По-отечески любуясь
Красотой его и мощью,
Он сказал: «О Гайавата!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»

Помолчал одну минуту
Осторожный Гайавата,
Помолчал, как бы в сомненье,

Помолчал, как бы в раздумье,
И сказал: «Ничто на свете.
Лишь один тростник, Эпóква,
Лишь вон тот камыш высокий!»
И как только Мэджекивис,
Встав, простер к Эпокве руку,
Гайавата в страхе крикнул,
В лицемерном страхе крикнул:
«Кáго, кáго! — Не касайся!»
«Полно! — молвил Мэджекивис. —
Успокойся, — я не трону».

И опять они беседу
Продолжали; говорили
И о Вёбоне прекрасном,
И о тучном Шавондáзи,
И о злом Кабибонóкке;
Говорили о Веноне,
О ее рожденье дивном,
О ее кончине грустной, —
Обо всем, что рассказала
Внуку старая Нокомис.

И воскликнул Гайавата:
«О коварный Мэджекивис!
Это ты убил Венону,
Ты сорвал цветок весенний,
Растоптал его ногами!
Признавайся! Признавайся!»
И могучий Мэджекивис
Тихо голову седую
Опустил в тоске глубокой
В знак безмолвного согласия.

Быстро встал тогда, сверкая
Грозным взором, Гайавата,
На утес занес он руку
В рукавице, Минджикéвон,
Разломил его вершину,
Раздробил его в осколки,
Стал в отца швырять свирепо:
Словно уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Но могучий Мэджекивис
Камни гнал назад дыханьем,
Бурей гневного дыханья
Гнал назад, на Гайавату.

Он схватил рукой Эпокву,
Вырвал с мочками, с корнями, —
Над рекой из вязкой тины
Вырвал бешено Эпокву
Он под хохот Гайаваты.

И начался бой смертельный
Меж Скалистыми Горами!
Сам Орел Войны могучий
На гнезде поднялся с криком,
С резким криком сел на скалы,
Хлопал крыльями над ними.
Словно дерево под бурей,
Рассекал Эпоква воздух,
Словно град, летели камни
С треском с Вавбика, утеса,
И земля окрест дрожала,
И на тяжкий грохот боя
По горам гремело эхо,
Отзывалось: «Бэм-Вава!»

Отступать стал Мэджеквис,
Устремился он на запад,
По горам на дальний запад,
Отступал три дня, сражаясь,
Убегал, гонимый сыном,
До преддверия Заката,
До границ своих владений,
До конца земли, где солнце
В красном блеске утопает
На ночлег в воздушной бездне,
Опускаясь, как фламинго
Опускается зарею
На печальное болото.

«Удержись, о Гайавата! —
Наконец вскричал он громко. —
Ты убить меня не в силах,
Для бессмертного нет смерти.

Испытать тебя хотел я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужил ты!

Возвратись в родную землю,
К своему вернись народу,
С ним живи и с ним работай.
Ты расчистить должен реки,
Сделать землю плодородной,
Умертвить чудовищ злых,
Змей, Кинэбик, и гигантов,
Как убил я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву.

А когда твой час настанет
И заблещут над тобою
Очи Погока из мрака, —
Разделю с тобой я царство,
И владыкою ты будешь
Над Кивайдином вовеки!»

Вот такая разыгралась
Битва в грозные дни Ша-ша,
В дни далекого былого,
В царстве Западного Ветра.
Но следы той славной битвы
И теперь охотник видит
По холмам и по долинам.
Видит шпажник исполинский
На прудах и вдоль потоков,
Видит Вавбика осколки
По холмам и по долинам.

На восток, в родную землю,
Гайавата путь направил:
Позабыл он горечь гнева,
Позабыл о мщении думы,
И вокруг него отрадой
И весельем все дышало.

<http://kurokam.ru>

1. Из каких деталей складывается образ Гайаваты? Составьте описание Гайаваты по тексту «Вступления».
2. За что Мэджекивис наградил Гайавату? Какой была эта награда?
3. В чем состояло предназначение Гайаваты? В каком эпосе вы встречали похожие мысли?
4. Какой фрагмент «Вступления» показался вам наиболее поэтичным? Объясните свой выбор.
5. Прочитайте самостоятельно другие фрагменты «Песни ...». Докажите, что «добро и красота незримо разлиты» в ней.
6. Попробуйте взглянуть на мир глазами древних индейцев. Что и каким вы увидите? Обратите внимание, что все сущее в этом мире носит собственные имена.
7. Как вы думаете, какому читателю адресована «Песнь о Гайавате»?

Домашнее чтение.

Прочитайте самостоятельно фрагменты средневекового французского эпоса «Песнь о Роланде» (например, сцену сражения французов с сарацинами – строфы LXXXI–CLXXIII и др.), подумайте над вопросами:

1. Какой смысл мы вкладываем в слово «рыцарь» сегодня и какой смысл это слово имело в Средние века?
2. Найдите и прочитайте ключевую фразу выбранного фрагмента, которая раскрывает его смысл.
- (П) 3. Какими вам представляются Роланд и Оливье? Как речь героев помогает понять их характеры?
4. Покажите на примере образа Роланда, в чем состоят «нормы героического поведения».
5. Сравните приемы создания характера героя в русском былинном эпосе (гипербола, антитеза, контраст, особая лексика) и в «Песне о Роланде».

Н.А. Кун

Легенды и мифы Древней Греции (фрагменты)

Олимп

Высоко на светлом Олимпе царит Зевс¹, окруженный сонмом богов. Здесь и супруга его Гёра, и златокудрый Аполло́н с сестрой своей Артеми́дой, и златая Афродита, и могучая дочь Зевса Афи́на², и много других богов. Три прекрасные Оры охраняют вход на высокий Олимп и поднимают закрывающее врата густое облако, когда боги нисходят на землю или возносятся в светлые чертоги Зевса. Высоко над Олимпом широко раскинулось голубое, бездонное небо, и льется с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далекую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяются несчастьем и горем. Правда, и боги знают печали, но они скоро проходят, и снова водворяется радость на Олимпе.

Пируют боги в своих золотых чертогах, построенных сыном Зевса Гефёстом³. Царь Зевс сидит на высоком золотом троне. Величием и гордо-спокойным сознанием власти и могущества дышит мужественное, божественно прекрасное лицо Зевса. У трона его – богиня мира Эйрёна и постоянная спутница Зевса крылатая богиня победы Нй́ка. Вот входит прекрасная, величественная богиня Гера, жена Зевса. Зевс чтит свою жену; почетом окружают Геру, покровительницу брака, все боги Олимпа. Когда, блистая своей красотой, в пышном наряде, великая Гера входит в пиршественный зал, все боги встают и склоняются перед женой громовержца Зевса. А она, гордая своим могуществом, идет к золотому трону и садится рядом с царем богов и людей – Зевсом. Около трона Геры стоит ее посланница, богиня радуги, легкокрылая Ири́да, всегда готовая быстро нестись на радужных крыльях исполнять повеления Геры в самые дальние края земли.

Пируют боги. Дочь Зевса, юная Ге́ба, и сын царя Трои, Ганиме́д, любимец Зевса, получивший от него бессмертие, подносят им амброзию и нектар⁴ – пищу и напиток богов. Прекрасные хари́ты⁵ и музы улаживают их пением и танцами. Взявшись за руки, водят они хороводы, а боги любят их легкими движениями и дивной, вечно юной красотой. Веселее становится пир олимпийцев. На этих пирах решают боги все дела, на них определяют они судьбу мира и людей.

¹ У римлян – Юпи́тер.

² У римлян греческим богиням Гёре, Артеми́де, Афродите и Афи́не соответствовали: Юно́на, Ди́ана, Венéра и Минéрва.

³ У римлян – Вулкан.

⁴ Амброзия (амбро́зия) и нектар – пища и питье богов, дающие им бессмертие и вечную юность.

⁵ У римлян – гра́ции.

Гелиос – бог солнца на колеснице

С Олимпа рассылает людям Зевс свои дары и утверждает на земле порядок и законы. В руках Зевса судьба людей; счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть – все в его руках. Два больших сосуда стоят у врат дворца Зевса. В одном сосуде дары добра, в другом – зла. Зевс черпает в них добро и зло и посылает людям. Горе тому человеку, которому громовержец черпает дары только из сосуда со злом. Горе и тому, кто нарушает установленный Зевсом порядок на земле и не соблюдает его законов. Грозно сдвинет сын Крона свои густые брови, черные тучи заволокут тогда небо. Разгневается великий Зевс, и страшно подымутся волосы на голове его, глаза загорятся нестерпимым блеском; взмахнет он своей десницей¹ – удары грома раскатятся по всему небу, сверкнет пламенная молния и сотрясется высокий Олимп.

Зевс

Гефест при рождении Афины

Ника

¹ Десница – (стар.) правая рука.

Не один Зевс хранит законы. У его трона стоит хранящая законы богиня Феміда. Она созывает, по повелению громовержца, собрания богов на светлом Олимпе и народные собрания на земле, наблюдая, чтобы не нарушился порядок и закон. На Олимпе и дочь Зевса, богиня Дикэ, наблюдающая за правосудием. Строго карает Зевс неправедных судей, когда Дикэ доносит ему, что не соблюдают они законов, данных Зевсом. Богиня Дикэ — защитница правды и враг обмана.

Зевс хранит порядок и правду в мире и посылает людям счастье и горе. Но хотя посылает людям счастье и несчастье Зевс, все же судьбу людей определяют неумолимые богини судьбы — мойры¹, живущие на светлом Олимпе. Судьба самого Зевса в их руках. Властвует рок над смертными и над богами. Никому не уйти от велений неумолимого рока. Нет такой силы, такой власти, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и смертным. Лишь смиренно склониться можно перед роком и подчиниться ему. Одни мойры знают веления рока. Мойра Клóто прядет жизненную нить человека, определяя срок его жизни. Оборвется нить, и кончится жизнь. Мойра Лахесис вынимает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определенной мойрами судьбы, так как третья мойра, Атрóнос, все, что назначили в жизни человеку ее сестры, заносит в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно. Неумолимы великие, суровые мойры.

Есть и еще на Олимпе богиня судьбы — это богиня Тíхе², богиня счастья и благоденствия. Из рога изобилия, рога божественной козы Амалфе́и, молоком которой был вскормлен сам Зевс, сыплет она дары людям, и счастлив тот человек, который встретит на своем жизненном пути богиню счастья Тихе; но как редко это бывает, и как несчастлив тот человек, от которого отвернется богиня Тихе, только что дававшая ему свои дары!

Так царит окруженный сонмом светлых богов на Олимпе великий царь людей и богов Зевс, охраняя порядок и правду во всем мире.

Посейдóн и божества моря

Глубоко в пучине моря стоит чудесный дворец великого брата громовержца Зевса, колебателя земли Посейдóна³. Властвует над царями Посейдон, и волны моря послушны малейшему движению его руки, вооруженной грозным трезубцем. Там, в глубине моря, живет с Посейдоном и его прекрасная супруга Амфитрíта, дочь морского вещего старца Нерéя, которую похитил великий властитель морской глубины Посейдон у ее отца. Он увидел однажды, как водила она хоровод со своими сестрами-нерейдами на берегу острова Нákсoса. Пленился бог моря прекрасной Амфитритой

¹ У римлян — пáрки.

² У римлян — Фортúна.

³ У римлян — Нептýн.

и хотел увезти ее на своей колеснице. Но Амфитрита укрылась у титана Атласа, который держит на своих могучих плечах небесный свод. Долго не мог Посейдон найти прекрасную дочь Нереея. Наконец открыл ему ее убежище дельфин; за эту услугу Посейдон поместил дельфина в число небесных созвездий. Посейдон похитил у Атласа прекрасную дочь Нереея и женился на ней.

С тех пор живет Амфитрита с мужем своим Посейдоном в подводном дворце. Высоко над дворцом шумят морские волны. Сонм морских божеств окружает Посейдона, послушный его воле. Среди них сын Посейдона Тритон, громовым звуком своей трубы из раковины вызывающий грозные бури. Среди божеств – и прекрасные сестры Амфитриты, nereиды. Посейдон властвует над морем. Когда он на своей колеснице, запряженной дивными конями, мчится по морю, тогда расступаются вечно шумящие волны и дают дорогу повелителю Посейдону. Равный красотой самому Зевсу, быстро несется он по безбрежному морю, а вокруг него играют дельфины, рыбы выплывают из морской глубины и теснятся вокруг его колесницы. Когда же взмахнет Посейдон своим грозным трезубцем, тогда, словно горы, вздымаются морские волны, покрытые белыми гребнями пены, и бушует на море свирепая буря. Бьются тогда с шумом морские валы о прибрежные скалы и колеблют землю. Но простирает Посейдон свой трезубец над волнами, и они успокаиваются. Стихает буря, снова спокойно море, ровно, как зеркало, и чуть слышно плещется у берега – синее, беспредельное.

Много божеств окружает великого брата Зевса, Посейдона; среди них вещей морской старец Нерей, ведающий все сокровенные тайны будущего. Нерею чужды ложь и обман; только правду открывает он богам и смертным. Мудры советы, которые дает вещей старец. Пятьдесят прекрасных дочерей у Нереея. Весело плещутся юные nereиды в волнах моря, сверкая среди них своей божественной красотой. Взявшись за руки, вереницей выплывают они из морской пучины и водят хоровод на берегу под ласковый плеск тихо набегающих на берег волн спокойного моря. Эхо прибрежных скал повторяет тогда звуки их нежного пения, подобного тихому рокоту моря. Нереиды покровительствуют мореходу и дают ему счастливое плавание.

Среди божеств моря – и старец Протей, меняющий, подобно морю, свой образ и превращающийся, по желанию, в различных животных и чудовищ. Он тоже вещей бог, нужно только уметь застигнуть его неожиданно, овладеть им и заставить его открыть тайну будущего. Среди спутников колебателя земли Посейдона и бог Главк, покровитель моряков и рыбаков, и он обладает даром прорицания. Часто, всплывая из

Посейдон

глубины моря, открывал он будущее и давал мудрые советы смертным. Могучи боги моря, велика их власть, но властвует над всеми ними великий брат Зевса Посейдон.

Все моря и все земли обтекает седой Океан¹ – бог-титан, равный самому Зевсу по почету и славе. Он живет далеко на границах мира, и не тревожат его сердце дела земли. Три тысячи сыновей – речных богов и три тысячи дочерей – океанид, богинь ручьев и источников, у Океана. Сыновья и дочери великого бога Океана дают благоденствие и радость смертным своей вечнокатящейся живящей водой, они поят ею всю землю и все живое.

Царство мрачного Аида (Плутона)²

Глубоко под землей царит неумолимый, мрачный брат Зевса, Аид. Полно мрака и ужасов его царство. Никогда не проникают туда радостные лучи яркого солнца. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в печальное царство Аида. Мрачные реки текут в нем. Там протекает все леденящая священная река Стикс, водами которой клянутся сами боги.

Катят там свои волны Коцит и Ахеронт; души умерших оглашают своим стенанием, полным печали, их мрачные берега. В подземном царстве струятся и дающие забвение всего земного воды источника Леты³. По мрачным полям царства Аида, заросшим бледными цветами асфодэла⁴, носятся бесплотные легкие тени умерших. Они сетуют на свою безрадостную жизнь без света и без желаний. Тихо раздаются их стоны, едва уловимые, подобные шелесту увядших листьев, гонимых осенним ветром. Нет никому возврата из этого царства печали. Трехглавый адский пес Кёрбер⁵, на шее которого движутся с грозным шипением змеи, сторожит выход. Суровый старый Харон, перевозчик душ умерших, не повезет через мрачные воды Ахеронта ни одну душу обратно, туда, где светит ярко солнце жизни. На вечное безрадостное существование обречены души умерших в мрачном царстве Аида.

В этом-то царстве, до которого не доходят ни свет, ни радость, ни печали земной жизни, правит брат Зевса, Аид. Он сидит на золотом троне со своей женой Персефой. Ему служат неумолимые богини мщения Эринии. Грозные, с бичами и змеями, преследуют они пре-

¹ Древние греки утверждали, что всю землю обтекает поток, катящий свои воды в вечном водовороте.

² Древние греки представляли себе царство Аида, царство душ умерших, мрачным и страшным, а «загробную жизнь» – несчастьем. Недаром тень Ахилла, вызванная Одиссеем из подземного царства, говорит, что лучше быть последним батраком на земле, чем царем в царстве Аида.

³ Отсюда выражение: «кануло в Лету», т. е. забыто навсегда.

⁴ Асфодэл – дикий тюльпан.

⁵ Иначе – Цёрбер.

Аполло́н¹

РОЖДЕНИЕ АПОЛЛОНА

Бог света, златокудрый Аполлон, родился на острове Делос. Мать его Лато́на, гонимая гневом богини Геры, нигде не могла найти себе приюта. Преследуемая посланным Герой драконом Пифо́ном, она скиталась по всему свету и наконец укрылась на Делосе, носившемся в те времена по волнам бурного моря. Лишь только вступила Латона на Делос, как из морской пучины поднялись громадные столбы и остановили этот пустынный остров. Он стал незыблемо на том самом месте, где стоит и до сих пор. Кругом Делоса шумело море. Уныло подымались скалы Делоса, обнаженные, без малейшей растительности. Лишь чайки морские находили приют на этих скалах и оглашали их своим печальным криком. Но вот родился бог света Аполлон, и всюду разлились потоки яркого света. Как золотом, залили они скалы Делоса. Все кругом зацвело, засверкало: и прибрежные скалы, и гора Кинт, и долина, и море. Громко славили родившегося бога собравшиеся на Делос богини, поднося ему амброзию и нектар. Вся природа вокруг ликовала вместе с богинями.

АПОЛЛОН И МУЗЫ

Весной и летом на склонах лесистого Гелико́на, там, где таинственно журчат священные воды источника Гиппокρέны, и на высоком Парна́се, у чистых вод Кастальского родника, Аполлон водит хороводы с девятью музами. Юные, прекрасные музы, дочери Зевса и Мнемозíны², – постоянные спутницы Аполлона. Он предводительствует хором муз и сопровождает их пение игрой на своей золотой кифаре. Величаво идет Аполлон впереди хора муз, увенчанный лавро-

¹ Аполло́н – один из древнейших богов Греции. В его культе ясно сохранились следы тотемизма. Так, например, в Аркадии поклонялись Аполлону, изображенному в виде барана. Первоначально Аполлон был богом, охраняющим стада. Постепенно он все больше становился богом света. Позднее его стали считать покровителем переселенцев, покровителем основывающихся греческих колоний, а затем покровителем искусства, поэзии и музыки. Поэтому и в Москве на здании Большого академического театра стоит статуя Аполлона с лирой в руках, едущего на колеснице, запряженной четверкой коней. Кроме того, Аполлон стал богом, предсказывающим будущее. Во всем древнем мире славилось его святилище в Дельфах, где жрица Пифия давала предсказания. Предсказания эти, конечно, составляли жрецы, хорошо знавшие все, что делалось в Греции, и составляли так, что их можно было толковать и в ту, и в другую сторону. Известно было в древности предсказание, данное в Дельфах царю Лидии Кр́езу во время его войны с Персией. Ему сказали: «Если ты перейдешь реку Га́лис, то погубишь великое царство», – но какое царство, свое или персидское, этого не было сказано.

² Богиня памяти.

вым венком, за ним следуют все девять муз: Каллио́па — муза эпической поэзии, Эвте́рпа — муза лирики, Эра́то — муза любовных песен, Мельпоме́на — муза трагедии, Та́лия — муза комедии, Терпсихо́ра — муза танцев, Клио́ — муза истории, Ура́ния — муза астрономии и Полигимния — муза священных гимнов. Торжественно гремит их хор, и вся природа, как зачарованная, внимает их божественному пению.

Когда же Аполлон в сопровождении муз появляется в сонме богов на светлом Олимпе и раздаются звуки его кифа́ры и пение муз, тогда замолкает все на Олимпе. Забывает Аре́с¹ о шуме кровавых битв, не сверкает молния в руках тучегонителя Зевса, боги забывают раздоры, мир и тишина воцаряются на Олимпе. Даже орел Зевса опускает свои могучие крылья и закрывает свои зоркие очи, не слышно его грозного клекота, он тихо дремлет на жезле Зевса. В полной тиши торжественно звучат струны кифары Аполлона. Когда же Аполлон весело ударяет по золотым струнам кифары, тогда светлый, сияющий хоровод движется в пиршественном зале богов. Музы, хариты, вечно юная Афродита, Арес с Гермесом — все участвуют в веселом хороводе, а впереди всех идет величественная дева, сестра Аполлона, прекрасная Артеми́да². Залитые потоками золотого света, пляшут юные боги под звуки кифары Аполлона.

Нарцисс

Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы»

Но кто не чтит златую Афродиту, кто отвергает дары ее, кто противится ее власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она сына речного бога Ке́фиса и нимфы Лаврио́ны, прекрасного, но холодного, гордого Нарцисса. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

Однажды, когда он заблудился в густом лесу во время охоты, увидела его нимфа Эхо. Нимфа не могла сама заговорить с Нарциссом. Над ней тяготело наказание богини Геры: молчать должна была нимфа Эхо, а отвечать на вопросы она могла лишь тем, что повторяла их последние слова. С восторгом смотрела Эхо на стройного красавца-юношу, скрытая от него лесной чащей. Нарцисс огляделся кругом, не зная, куда ему идти, и громко крикнул:

- Эй, кто здесь?
- Здесь! — раздался громкий ответ Эхо.
- Иди сюда! — крикнул Нарцисс.
- Сюда! — ответила Эхо.

С изумлением смотрит прекрасный Нарцисс по сторонам. Никого нет. Удивленный этим, он громко воскликнул:

- Сюда, скорей ко мне!
- И радостно откликнулась Эхо:
- Ко мне!

¹ У римлян — Марс (бог войны).

² У римлян — Диана (богиня охоты).

Протягивая руки, спешит к Нарциссу нимфа из леса, но гневно оттолкнул ее прекрасный юноша. Ушел он поспешно от нимфы и скрылся в темном лесу.

Спряталась в лесной непроходимой чаще и отвергнутая нимфа. Она страдает от любви к Нарциссу, никому не показывается и только печально отзывается на всякий возглас несчастная Эхо. А Нарцисс остался по-прежнему гордым, самовлюбленным. Он отвергал любовь всех. Многих нимф сделала несчастными его гордость. И раз одна из отвергнутых им нимф воскликнула: «Полюби же и ты, Нарцисс! И пусть не отвечает тебе взаимностью человек, которого ты полюбишь!»

Исполнилось пожелание нимфы. Разгневалась богиня любви Афродита на то, что Нарцисс отвергает ее дары, и наказала его. Однажды весной во время охоты Нарцисс подошел к ручью и захотел напиться студеной воды. Еще ни разу не касались вод этого ручья ни пастух, ни горные козы, ни разу не падала в ручей сломанная ветка, даже ветер не заносил в ручей лепестков пышных цветов. Вода его была чиста и прозрачна. Как в зеркале, отражалось в ней все вокруг: и кусты, разросшиеся по берегу, и стройные кипарисы, и голубое небо. Нагнулся Нарцисс к ручью, опершись руками на камень, выступавший из воды, и отразился в ручье весь, во всей своей красе. Тут-то постигла его кара Афродиты. В изумлении смотрит он на свое отражение в воде, и сильная любовь овладевает им. Полными любви глазами смотрит он на свое изображение в воде, он манит его, зовет, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу вод, чтобы поцеловать свое отражение, но целует только студеною, прозрачную воду ручья. Все забыл Нарцисс; он не уходит от ручья; не отрываясь, любитесь самим собой. Он не ест, не пьет, не спит. Наконец, полный отчаяния, восклицает Нарцисс, простирая руки к своему отражению: <http://kurokam.ru>

— О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только полоска воды, и все же не можем мы быть с тобой вместе. Выйди же из ручья!

Задумался Нарцисс, глядя на свое отражение в воде. Вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и тихо шепчет он своему отражению, наклоняясь к самой воде:

— О горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты — я сам! Я люблю самого себя. Я чувствую, что немного осталось мне жить. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня; смерть принесет конец мукам любви.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но все-таки не может оторваться от своего отражения. Плачет Нарцисс. Падают его слезы в прозрачные воды ручья. По зеркальной поверхности воды пошли круги, и пропало прекрасное изображение. Со страхом воскликнул Нарцисс:

— О, где ты! Вернись! Останься! Не покидай меня, ведь это жестоко. О, дай хоть смотреть на тебя!

Но вот опять спокойна вода, опять появилось отражение, опять, не отрываясь, смотрит на него Нарцисс. Тает он, как роса на цветах в лу-

чах горячего солнца. Видит и несчастная нимфа Эхо, как страдает Нарцисс. Она по-прежнему любит его; страдания Нарцисса болью сжимают ей сердце.

— О, горе! — восклицает Нарцисс.

— Горе! — отвечает Эхо.

Наконец, измученный, слабеющим голосом воскликнул Нарцисс, глядя на свое отражение:

— Прощай!

И еще тише, чуть слышно прозвучал отклик нимфы Эхо:

— Прощай!

Склонилась голова Нарцисса на зеленую прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи. Умер Нарцисс. Плакали в лесу младые нимфы, и плакала Эхо. Приготовили нимфы юному Нарциссу могилу, но когда пришли за его телом, то не нашли его. На том месте, где склонилась на траву голова Нарцисса, вырос белый душистый цветок — цветок смерти; нарцисс зовут его.

1. Как в мифах отразились представления древних греков об устройстве мира?
2. Какая особенность отличает всех древнегреческих богов? Чем они были похожи на людей и чем отличались от них?
3. Какие мифы о происхождении богов вам особенно запомнились?
4. Зачем люди сочиняли мифы?
5. Найдите в стихах А.С. Пушкина упоминание богов, населявших древний Олимп. Сделайте вывод. Составьте устное описание одного из богов, не называя его, так чтобы по описаниям можно было догадаться, о ком идет речь.

Домашнее чтение.

Прочитайте самостоятельно мифы о Геракле («Рождение и воспитание Геракла», «Геракл в Фивах», «Геракл на службе у Эврисфея» и др.) и подумайте над вопросами:

1. Чем отличается Геракл от богов и людей? Как вы думаете, почему так подробно описывается воспитание Геракла?
2. Какие качества почитали в человеке древние греки?
3. С кем из героев русских былин, эпоса других народов вы могли бы сравнить Геракла? Почему допустимо такое сравнение?

Одиссэй у циклопов (из поэмы «Одиссея»)

- 1 <...> Все на суда собралися и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды.
Далее поплыли мы, сокрушенные сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.

<...>

- 5 К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром¹, пространную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведен, и стояли
10 Частым забором вокруг черноглавые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
15 Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно, с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
20 С ними; и мы запаслися вина драгоценного полным мехом².

<...>

- Шагом поспешным к пещере приблизились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу недалеко.
Начали всё мы в пещере пространной осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах; в отдельных закутах
25 Заперты были козлята, барашки, по возрастам разным
в порядке

Там размещенные: старшие – с старшими, средние – подле
Средних и с младшими – младшие; ведра и чаши
Были до самых краев налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб, запасшись сырами,

¹ Лавр – южное вечнозеленое дерево с душистыми листьями.

² Мех – здесь: кожаный мешок для вина.

- 30 Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все мы скорее,
Взявши в за́кутах отборных козлят и барашков, с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море пустились.
Я на беду отказался полезный совет их исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас угостивши,
35 Даст нам подарок: но встретиться с ним не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере
Ждать, чтоб со стадом в нее возвратился хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерняя пищи, явился
40 Он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере,
Маток в нее он впустил, а самцов, и козлов и баранов,
Прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил.
45 Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза четырехколесных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной
Был он; его подхвативши и вход им в пещеру задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим порядком,
50 Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
Клал сосуна. Половину отлив молока в плетеницы¹,
В них он оставил его, чтоб оно огустело до сыра;
Все ж молоко остальное разлил по сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити² стадо пригнавши.
55 Кончив с заботливым спехом³ работу свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь всюду,
Взад и вперед по морям, как добычники вольные⁴, мчась,
60 Жизнью играя своей и беды приключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое сердце:
Голос гремющий и образ чудовища в трепет привел нас.
Но, ободрясь, напоследок отвечив так я циклопу:
«Все мы ахейцы⁵: плывем от далекия Трои; сюда же
65 Бурею нас принесло по волнам беспредельного моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угодно могучему Зевсу. <...>
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять и подарок

¹ Плетени́ца – сосуд в плетеной корзине.

² Па́жить – пастбище.

³ С заботливым спехом – старательно и быстро.

⁴ Добы́чники вольные – морские разбойники.

⁵ Ахе́йцы – одно из племен древних греков. Гомер называет ахейцами вообще всех греков.

- 70 Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго небесный
Кронийон¹. <...>
- Так я сказал; с неописанной злостью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалека иль вовсе безумен, пришелец,
75 Если мог вздумать, что я побоюсь или уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; <...>
Страх громовержца Зевеса разгневать меня не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то угодно.
- 80 Ты же теперь мне скажи, где корабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко отсюда стоит он? То ведать
Должен я». Так искушая, он хитро спросил. Остерегшись,
Хитрыми сам я словами ответствовал злому циклопу:
«Бог Посидон², колебатель земли, мой корабль уничтожил,
85 Бросив его недалеко от здешнего берега на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись удалось».
Так я сказал, и, ответа не дав никакого, он быстро
Прянул³, как бешеный зверь, и, огромные вытянув руки,
90 Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом пещеру. <...>
Страшную пищу запив молоком, людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле растянулся.
Тут подошел я к нему с дерзновенным намереньем сердца,
95 Острый свой меч обнаживши, чудовищу мстящую медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесен; но иное на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа пещеры
- 100 Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явленья божественной Эос⁴;
Вышла из мрака младая с перстами пурпурными Эос.
Встал он, огонь разложил и доить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку ее он
- 105 Клал сосуна; окончавши с заботливым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее стадо из темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утес приворотный, им двери
Снова он запер, как легкою кровлей колчан запирают.

¹ Зевс был сыном Крона, бога земледелия и времени, поэтому его часто называют Кронийоном или Кронидом.

² Посидон (Посейдон) – бог морей.

³ Прянул – здесь: неожиданно прыгнул.

⁴ Эос – богиня утренней зари.

- 110 С свистом погнал он на горное пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключение оставленный, начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите Палладу¹.
Вот что, размыслив, нашел, наконец, я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова, свежий
- 115 Ствол им обрубленной маслины дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять с ним;
подобен
Нам показался он матче, какая на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне бывает; <...>
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши три локтя²,
- 120 Выглядить чисто отрубок велел я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою его заострил я;
После, обжегши на угольях острый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в смрадной пещере циклопа.
- 125 Кончив, своих пригласил я спутников жеребий³ кинуть,
Кто между ними колом обожженным поможет пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он предастся.
Жеребий дал четырех мне, и самых надежных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал, не по жеребью, пятый.
- 130 Вечером, жирное стадо гоня, людоед возвратился;
Но, отворивши пещеру, в нее он уж полное стадо

¹ Паллада — одно из имен богини Афины, победительницы гиганта Палланта.

² Локоть — старинная мера длины (около 50 см).

³ Жеребий — жребий.

- Ввел, не оставив на внешнем дворе ни козла, ни барана <...>
 Тут подошел я отважно и речь обратил к людоеду,
 Полную чашу вина золотого ему предлагая:
- 135 «Выпей, циклоп, золотого вина...
 <...>узнаешь, какой драгоценный напиток на нашем
 Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
 Милость в тебе обрести; но свирепствуешь ты нестерпимо».
 Так говорил я; взяв чашу, ее осушил он, и вкусным
 Крепкий напиток ему показался, другой попросил он
- 140 Чаши: «Налей мне, – сказал он, – еще и свое назови мне
 Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный подарок.
 Твой же напиток – амврозия чистая с нектаром сладким¹».
 Так он сказал, и другую я чашу вином искрометным
 Налил. Еще попросил он, и третью безумцу я подал.
- 145 Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
 Я обратился к нему с обольстительно-сладкою речью:
 «Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,
 С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок.
 Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
- 150 Мать и отец, и товарищи так все меня величают».
 С злобной насмешкою мне отвечал людоед зверонравный:
 «Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый
 последний
 Съеден, когда я разделаюсь с прочими, – вот мой подарок».
 Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый; и набок
- 155 Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
 Сон овладел им; <...>
 Кол свой достав, мы его острием на огонь положили,
 Тотчас зардел² он; тогда я, товарищей выбранных кликнув,
 Их ободрил, чтоб со мною решительны были в опасном
- 160 Деле. Уже начинал положенный на уголья кол наш
 Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был; поспешно
 Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
 Стали боков – божество в них, конечно, вложило
 отважность;
- Кол обхватили они и его острием раскаленным
- 165 Втиснули спящему в глаз; <...>
 Дико завыл людоед – застонала от воя пещера.
 В страхе мы кинулись прочь; с несказанной свирепостью
 вырвав
 Кол из пронзенного глаза, облитый кипучею кровью,
 Сильной рукой от себя он его отшвырнул; в иступленье

¹ Твой же напиток – амврозия чистая с нектаром сладким – превосходный, чудесный напиток.

² Зардел – здесь: покраснел.

- 170 Начал он криком циклопов сзывать, обитавших в глубоких
Гротах¹ окрест и на горных, лобзаемых ветром вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюда сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифём? Что случилось? На что ты
- 175 Сладкий наш сон и спокойствие ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из темной пещеры отчаянно диким
Ревом: «*Никто!* Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
- 180 Силой не мог повредить мне». В сердцах закричали
циклопы:
«Если никто, для чего же один так реवेशь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, ее не избежнешь.
В помощь отца своего призови, Посидона-владыку».
- Так говорили, они, удаляясь. Во мне же смеялось
- 185 Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.
Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,
- 190 Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.
- 195 Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно² их, как шелк, волновалось.
Я потихоньку сплетенными крепкими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому циклопу,
- 200 По три барана связал; человек был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам защищенный; на каждом
Трех был один из товарищей наших, а сам я?.. Дебелый³,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде баран;
обхвативши
Мягкую спину его, я повис на руках под шершавым
- 205 Брюхом, а руки (в руно несказанно-густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос.
Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы, и бараны; <...>

¹ Грот – искусственная или естественная пещера.

² Руно – здесь: шерсть.

³ Дебелый – здесь: упитанный, откормленный.

- 210 Господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать не способен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью; последний
Шел мой баран; и медлительным шагом он шел, отягченный
- 215 Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то время
о многом.
Спину ощутив его, с ним циклоп разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же пещеру
последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг выходил ты
- 220 Сладкоцветущей травой питаться; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался в пещеру
Вечером. Ныне ж идешь ты последний; знать, чувствуешь
сам ты,
Бедный, что око мое за тобой уж не смотрит; лишен я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он вином мне
- 225 Ум отуманил; его называют *Никто*; но еще он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раздернув; отместил бы
- 230 Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный разбойник,
Здесь мне нанес». Так сказав, он барана пустил на свободу.
Я ж, недалеко от входа пещеры и внешней ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал и немедленно
С ними все стадо козлов тонконогих и жирных баранов
- 235 Собрал; обходами многими их мы погнали на взморье¹
К нашему судну. И сладко товарищам было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых погибших
Плакать они; но мигнув им глазами, чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш немедленно
- 240 Я повелел: отойти мне от берега в море хотелось.
Люди мои собрались и, севши на лавках у весел,
Разом могучими веслами вспенили темные воды;
Но, на такое отплыть расстояние, в каком человеческий
Явственно голос доходит до нас, закричал я циклопу:
- 245 «Слушай, циклоп беспощадный, вперед беззащитных
гостей ты
В гроте глубоком своем не губи и не ешь; святотатным²
Делом всегда на себя навлекаем мы верную гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом посетивших,

¹ Взморье – берег моря.

² Святотатный (поступок) – дерзкое нарушение общепринятого обычая или правила.

- Зверски сожрать – наказали тебя и Зевес, и другие
250 Боги блаженные». Так я сказал; он, ужасно взбешенный,
Тяжкий утес от вершины горы отломил и с размаха
На голос кинул; утес, пролетевши над судном, в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого носа
Чуть не расшиб; всколыхалось море от падшей громады;
255 Хлынув, большая волна побежала стремительно к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш помчался.
Длинною жердью я в берег песчаный уперся и судно
Прочь отвалил; а товарищам молча кивнул головою,
Их побуждая всей силой на весла налечь, чтоб избегнуть
260 Близкой беды; все, нагнувшись, разом ударили в весла.
Быв на двойном расстоянье от страшного берега, опять я
Начал кричать, вызывая циклопа. Товарищи в страхе
Все убеждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкий, – они говорили, – зачем ты чудовище дразнишь?
265 В море швырнувши утес, он едва с кораблем нас не бросил
На берег снова; едва не постигла нас верная гибель.
Если теперь он чей голос иль слово какое услышит,
Голову нам раздробит и корабль наш в куски изломает,
Бросив утес остробокий: до нас же он верно добросит».
270 Так говорили они, но, упорствуя дерзостным сердцем,
Я продолжал раздражать оскорбительной речью циклопа:
– Если, циклоп, у тебя из людей земнородных кто спросит,
Как истреблен твой единственный глаз, ты на это ответствуй:
«Царь Одиссей, городов сокрушитель, героя Лаэрта
275 Сын, знаменитый властитель Итаки, мне выколол глаз мой».

Перевод В.А. Жуковского

1. На чем основан эпос Гомера? Найдите в тексте отражение мифов и легенд.
2. Чем Одиссей не похож на героев героического эпоса других народов?
3. Докажите примерами из текста, что Одиссея по праву именуют хитроумным.
4. Как Гомер рисует циклопа Полифема? Какими известными вам приемами он при этом пользуется?
5. Сравните прочитанный вами отрывок из «Одиссеи» с героическим эпосом других народов. Что объединяет эти произведения, в чем состоит их отличие?
6. Определите особенности стихотворной речи «Одиссеи», точно переданные В.А. Жуковским. Почему ее называют торжественной?
7. Попробуйте, используя гекзаметр, рассказать о каком-либо событии.

ВОПРОСЫ К РАЗДЕЛУ 3

1. Что такое эпос как род литературы; героический эпос, богатырская сказка?
2. Как вы поняли смысл названия этого раздела? Прокомментируйте эпиграф к разделу 3.
3. Что объединяет все произведения этого раздела?
4. Объясните, почему все народы стремятся сохранять, изучать произведения фольклора.
5. Что может дать современному человеку чтение произведений устного народного творчества, в частности героического эпоса?
6. Чем вы можете объяснить уважительное, почтительное отношение народа к сказителям?
7. Какая форма – проза или стихи – более характерна для героического эпоса? Для мифов и легенд?

Подведем итоги

Теперь мы можем проследить становление эпоса как литературного рода. Свои первые представления о мире человек отразил в мифах. Именно мифы объясняли происхождение и устройство мира, и создавались они тогда, когда еще не было литературы. (Приведите примеры, как древнегреческие мифы рассказывают о происхождении мира и богов.) Большая группа мифов повествует о героях-людях, равных богам по храбрости, уму, силе. Героический эпос (в том числе и древнегреческий) возник на основе этой группы мифов. (Вспомните, что из прочитанного вами героического эпоса напрямую связано с мифами и легендами.) Так на смену мифу пришел **фольклор** (устное народное творчество) со всем многообразием эпических жанров (героический эпос, былина, сказка, быль, сказ и др.). Главным предметом изображения в произведениях фольклора становится человек. При этом в центре оказывается не внутренний мир героя, а его поступок, действие. Отсюда, например, использование гиперболы, повторов в фольклоре. (Объясните причину частого применения гиперболы в конкретных эпических жанрах.)

В литературных эпических жанрах (рассказ, новелла, литературная сказка, повесть, роман и др.) тоже изображаются люди и их действия, поступки, описываются различные события. Однако автора литературного произведения интересуют характер героя, его мысли и чувства. Для создания характера используются различные приемы: речь героя, портрет, пейзаж и т.д. (Приведите примеры из прочитанного в 1-м и 2-м разделах.) Все это позволяет читателю понять других людей и самого себя, познать мир вокруг.

Темы сочинений.

1. Мой любимый былинный герой.
2. Волнующие страницы героического эпоса.
3. Как рождалась литература.

Раздел 4

Открывая мир вокруг...

Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни, вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи вдруг совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись другой, неизвестной еще стороной?

Л.Н. Толстой «Отрочество», глава 3

Глава 17

Вера прибежала из школы домой, надеясь застать тетю Лену. Но тети уже не было. Мама протянула расстроенной девочке конверт.

«Верунчик, дорогой, – прочитала она, – извини: сдаем в печать книгу, совсем не было возможности задержаться. Вспоминаю наши с тобой разговоры о фольклоре, о богатырях и героях. Мне так приятно, что ты прочитала и смогла понять те произведения, которые я тебе предложила. Знаешь, о чем я думаю сейчас? Я жалею, что не успела поговорить с тобой о самом главном – о том, что чтение книг помогает человеку открыть мир вокруг себя: мир человеческих взаимоотношений, поступков, характеров, помогает понять других людей и самого себя. Конечно, я говорю о настоящих книгах, о большой литературе и не имею в виду «произведений» графоманов – людей, страдающих болезненной страстью к сочинительству. Настоящий писатель, прежде всего, по-настоящему талантлив. У него особый склад души, особое видение мира. С каждым из своих героев он проживает целую жизнь, радуется и страдает вместе с ними. Может быть, поэтому произведения настоящих писателей не оставляют нас равнодушными. Рассказывают, что, когда Александр Дюма писал продолжение «Трех мушкетеров», где по сюжету погибает Портос, друзья застали писателя плачущим. Они предложили Дюма изменить сюжет и «воскресить» героя, но писатель только развел руками: «Я ничего не могу сделать, его убили...».

Однако мало прочувствовать и прожить жизнь вместе с героями, нужно еще суметь написать так, чтобы заставить читателя соразмышлять и сопереживать.

Я бы очень хотела прочитать вместе с тобой несколько произведений и помочь тебе увидеть, как писатели открывают для нас мир вокруг. Ты говорила мне, что любишь Паустовского. Давай начнем с его небольшой новеллы¹, которая входит в его книгу «Золотая роза».

Ребята, мы предлагаем вам принять участие в этом разговоре. Прочитайте новеллу и подумайте, почему именно с этого произведения К.Г. Паустовского мы начинаем новый раздел. Какие мысли писателя заставили вас задуматься?

¹ Новелла – разновидность рассказа, отличающаяся остротой конфликта,

Старик в станционном буфете

Худой старик с колючей щетиной на лице сидел в углу станционного буфета в Майори. Над Рижским заливом свистящими полосами проносились зимние шквалы. У берегов стоял толстый лед. Сквозь снежный дым было слышно, как грохочет прибой, налетая на крепкую ледяную закраину.

Старик зашел в буфет, очевидно, погреться. Он ничего не заказывал и понуро сидел на деревянном диване, засунув руки в рукава неумело залатанной рыбацкой куртки.

Вместе со стариком пришла белая мохнатая собачка. Она сидела, прижавшись к его ноге, и дрожала.

Рядом за столиком шумно пили пиво молодые люди с тугими, красными затылками. Снег таял у них на шляпах. Талая вода капала в стаканы с пивом и на бутерброды с копченой колбасой. Но молодые люди спорили о футбольном матче и не обращали на это внимания.

Когда один из молодых людей взял бутерброд и откусил сразу половину, собачка не выдержала. Она подошла к столику, стала на задние лапы и, заискивая, начала смотреть в рот молодому человеку.

— Петя! — тихо позвал старик. — Как же тебе не стыдно! Зачем ты беспокоишь людей, Петя?

Но Петя продолжала стоять, и только передние лапы у нее все время дрожали и опускались от усталости. Когда они касались мокрого живота, собачка спохватывалась и подымала их снова.

Но молодые люди не замечали ее. Они были увлечены разговором и то и дело подливали себе в стаканы холодное пиво.

Снег залеплял окна, и дрожь пробегала по спине при виде людей, пьющих в такую стужу совершенно ледяное пиво.

— Петя! — снова позвал старик. — А Петя! Ступай сюда!

Собачка несколько раз быстро мотнула хвостом, как бы давая понять старику, что она его слышит и извиняется, но ничего с собой поделать не может. На старика она не взглянула и даже отвела глаза совсем в другую сторону. Она как бы говорила: «Я сама знаю, что это нехорошо. Но ты же не можешь купить мне такой бутерброд».

— Эх, Петя, Петя! — шепотом сказал старик, и голос его чуть дрогнул от огорчения.

Петя снова вильнула хвостом и вскользь, умоляюще посмотрела на старика. Она как бы просила его больше ее не звать и не стыдить, потому что у нее самой нехорошо на душе и она, если бы не крайность, никогда бы, конечно, не стала просить у чужих людей.

Наконец один из молодых людей, скуластый, в зеленой шляпе, заметил собаку.

– Просишь, стерва? – спросил он. – А где твой хозяин?

Пети радостно вильнула хвостом, взглянула на старика и даже чуть взвизгнула.

– Что же это вы, гражданин! – сказал молодой человек. – Раз собаку держите, так должны кормить. А то некультурно получается. Собака у вас милостыню выпрашивает. Нищенство у нас запрещено законом.

Молодые люди захохотали.

– Ну и отмочил, Валька! – крикнул один из них и бросил собачке кусок колбасы.

– Пети, не смей! – крикнул старик. Обветренное его лицо и тощая, жилистая шея покраснели.

Собачка сжалась и, опустив хвост, подошла к старику, даже не взглянув на колбасу.

– Не смей брать у них ни крошки! – сказал старик.

Он начал судорожно рыться в карманах, достал немного серебряной и медной мелочи и начал пересчитывать ее на ладони, сдувая мусор, прилипший к монетам. Пальцы у него дрожали.

– Еще обижается! – сказал скуластый молодой человек. – Какой независимый, скажи пожалуйста!

– А, брось ты его! На что он тебе сдался? – примирительно сказал один из молодых людей, наливая всем пиво.

Старик ничего не ответил. Он подошел к стойке и положил горсть мелких денег на мокрый прилавок.

– Один бутерброд! – сказал он хрипло.

Собачка стояла рядом с ним, поджав хвост.

Продавщица подала старику на тарелке два бутерброда.

– Один! – сказал старик.

– Берите! – тихо сказала продавщица. – Я на вас не разорюсь...

– Палдисе! – сказал старик. – Спасибо!

Он взял бутерброды и вышел на платформу. Там никого не было. Один шквал прошел, второй подходил, но был еще далеко на горизонте. Даже слабый солнечный свет упал на белые леса за рекой Лиелупа.

Старик сел на скамейку, дал один бутерброд Пети, а другой завернул в серый носовой платок и спрятал в карман.

Собачка судорожно ела, а старик, глядя на нее, говорил:

– Ах, Пети, Пети! Глупая собака!

Но собачка не слушала его. Она ела. Старик смотрел на нее и вытирал рукавом глаза – они у него слезились от ветра.

Вот, собственно, и вся маленькая история, случившаяся на станции Майори на Рижском взморье.

Зачем я ее рассказал?

Начав писать ее, я думал совсем о другом. Как это ни покажется странным, я размышлял о значении подробностей в прозе, вспомнил эту историю и решил, что если ее описать без одной главной подробности – без того, что собака всем своим видом извинялась перед хозяи-

ном, без этого *жеста* маленькой собаки, то история эта станет грубее, чем она была на самом деле.

А если выбросить и другие подробности – неумело заплатанную куртку, свидетельствующую о вдовстве или одиночестве, капли талой воды, падавшие со шляп молодых людей, ледяное пиво, мелкие деньги с прилипшим к ним сором из кармана, да, наконец, даже шквалы, налетавшие с моря белыми стенами, то рассказ от этого стал бы значительно суше и бескровнее.

В последние годы подробности начали исчезать из нашей беллетристики¹, особенно в вещах молодых писателей.

Без подробности вещь не живет. Любой рассказ превращается в ту сухую палку от копченого сига, о какой упоминал Чехов. самого сига нет, а торчит одна тощая щепка.

Смысл подробности заключается в том, чтобы, по словам Пушкина, *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно, в глаза всем.

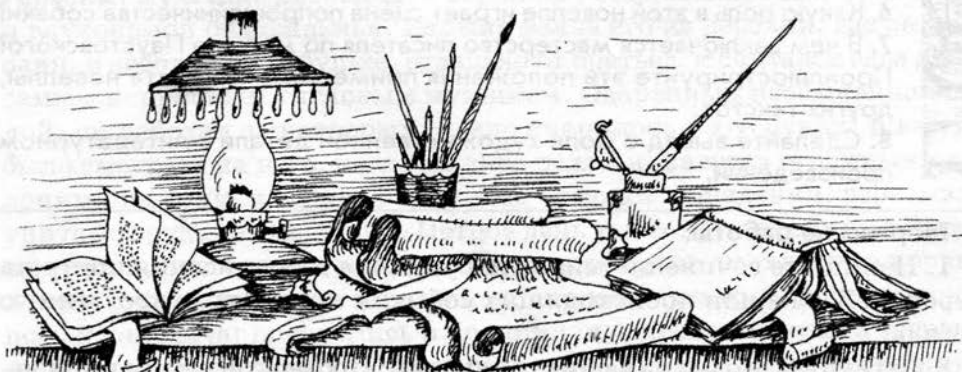
С другой стороны, есть писатели, страдающие утомительной и скучной наблюдательностью. Они заваливают свои сочинения горами подробностей – без отбора, без понимания того, что подробность имеет право жить и необходимо нужна только в том случае, если она характерна, если она может сразу, как лучом света, вырвать из темноты любого человека или любое явление.

Например, чтобы дать представление о начавшемся крупном дожде, достаточно написать, что первые его капли громко щелкали по газете, валявшейся на земле под окном.

Или, чтобы дать страшное ощущение смерти грудного ребенка, достаточно сказать об этом так, как сказал Алексей Толстой в «Хождении по мукам»:

«Измученная Даша уснула, а когда проснулась, ее ребенок был мертв и легкие волосы у него на голове поднялись».

«– Покуда спала, к нему пришла смерть... – сказала Даша, плача, Телегину. – Пойми же – у него волосики встали дыбом... Один мучился... Я спала.

¹ Беллетристика – повествовательная художественная литература.

Никакими уговорами нельзя было отогнать от нее видение одинокой борьбы мальчика со смертью».

Эта подробность (легкие детские волосы, вставшие дыбом) стоит многих страниц самого точного описания смерти.

Обе эти подробности верно бьют в цель. Только такой и должна быть подробность – определяющей целое и, кроме того, обязательной.

В поисках и определении подробностей нужен строжайший выбор.

Подробность теснейшим образом связана с тем явлением, которое мы называем интуицией.

Интуицию я представляю себе как способность по отдельной частности, по подробности, по одному какому-либо свойству восстановить картину целого.

Интуиция помогает историческим писателям воссоздавать не только подлинную картину жизни прошедших эпох, но самый их воздух, самое состояние людей, их психику, что по сравнению с нашей была, конечно, несколько иной.

Интуиция помогла Пушкину, никогда не бывшему в Испании и в Англии, написать великолепные испанские стихи, написать «Каменного гостя», а в «Пире во время чумы» дать картину Англии, не худшую, чем это могли бы сделать Вальтер Скотт или Бёрнс – уроженцы этой туманной страны.

Хорошая подробность вызывает и у читателя интуитивное и верное представление о целом – или о человеке и его состоянии, или о событии, или, наконец, об эпохе.

1. Вы уже встречались с понятием «художественная деталь». Что же это такое?
2. Какие детали (подробности) в описании старика помогают понять его характер, дают представление о его жизни?
3. Как вы поняли, почему старик запретил собаке брать еду у молодых людей?
4. Хотели ли молодые люди обидеть старика?
5. Какие детали в тексте позволяют понять, что за взаимоотношения были у старика и собаки?
6. Какую роль в этой новелле играет сцена попрошайничества собаки?
7. В чем заключается мастерство писателя по мнению Паустовского? Проиллюстрируйте эти положения примерами из текста новеллы, других текстов.
8. Сделайте вывод о роли художественной детали в литературном произведении.

Творческие работы.

1. Напишите сочинение-миниатюру, найдя для описания портрета героя, пейзажа или происходящих событий яркую художественную деталь.

2. Перечитайте одно из ваших сочинений. Проверьте, нет ли в нем ненужных подробностей, следует ли добавить яркие детали. Исправьте работу.

Глава 18 (продолжение письма)

«Верочка, надеюсь, на тебя произвел впечатление рассказ Паустовского? Меня всегда поражала способность этого писателя в небольшом эпизоде, в нескольких картинах сказать о жизни очень много...

Я хочу продолжить наш разговор об открытии мира через книги и попробовать как-то определить, сформулировать, что я под этим понимаю. Литературу не случайно называют «человековедением», потому что она вся — о нем: о человеке среди людей и наедине с самим собой, об одиночестве и счастье общения, взаимопонимания; о характере, который по-разному проявляется в мирной повседневной жизни и в дни войны; о различных сторонах человеческой натуры: любви и ненависти, добре и жестокости, самопожертвовании и эгоизме, душевной щедрости и равнодушии, патриотизме и предательстве. И о том, что каждый человек индивидуален, неповторим...

И.С. Тургенев

Муму

В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолюю и покривившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленною дворней. Сыновья ее служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединенно доживала последние годы своей скупой и скучающей старости. День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер ее был чернее ночи.

Из числа всей ее челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухонемой от рождения. Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одаренный необычайной силой, он работал за четверых — дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошаденки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой березовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трехаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твердые мышцы его плечей. Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе. Славный он был мужик, и не будь его несчастье, всякая девка охотно пошла бы за него замуж... Но вот Гера-

сима привезли в Москву, купили ему сапоги, сшили кафтан на лето, на зиму тулуп, дали ему в руки метлу и лопату и определили его дворником.

Крепко не полюбилось ему сначала его новое житье. С детства привык он к полевым работам, к деревенскому быту. Отчужденный несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле... Переселенный в город, он не понимал, что с ним такое деется, — скучал и недоумевал, как недоумевает молодой, здоровый бык, которого только что взяли с нивы, где сочная трава росла ему по брюхо, — взяли, поставили на вагон железной дороги — и вот, обдавая его тучное тело то дымом с искрами, то волнистым паром, мчат его теперь, мчат со стуком и визгом, а куда мчат — бог весть! Занятия Герасима по новой его должности казались ему шуткой после тяжких крестьянских работ; в полчаса все у него было готово, и он опять то останавливался посреди двора и глядел, разинув рот, на всех проходящих, как бы желая добиться от них решения загадочного своего положения, то вдруг уходил куда-нибудь в уголок и, далеко швырнув метлу и лопату, бросался на землю лицом и целые часы лежал на груди неподвижно, как пойманный зверь. Но ко всему привыкает человек, и Герасим привык наконец к городскому житью. Дела у него было немного; вся обязанность его состояла в том, чтобы двор содержать в чистоте, два раза в день привезти бочку с водой, натаскать и наколоть дров для кухни и дома, да чужих не пускать и по ночам караулить. И надо сказать, усердно исполнял он свою обязанность: на дворе у него никогда ни щепок не валялось, ни сору; застрянет ли в грязную пору где-нибудь с бочкой отданная под его начальство разбитая кляча-водовозка, он только двинет плечом — и не только телегу, самое лошадь спихнет с места; дрова ли примется он колоть, топор так и звенит у него, как стекло, и летят во все стороны осколки и поленья; а что насчет чужих, так после того, как он однажды ночью, поймав двух воров, стукнул их друг о дружку лбами, да так стукнул, что хоть в полицию их потом не води, все в околотке очень стали уважать его; даже днем проходившие, вовсе уже не мошенники, а просто незнакомые люди при виде грозного дворника отмахивались и кричали на него, как будто он мог слышать их крики. Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских — они его побаивались, — а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться на его место в застолье. Вообще Герасим был нрава строгого и серьезного, любил во всем порядок; даже петухи при нем не смели драться, — а то беда! Увидит, тотчас схватит за ноги, повертит раз десять на воздухе колесом и бросит врозь. На дворе у барыни водились тоже гуси; но гусь, известно, птица важная и рассудительная; Герасим чувствовал к ним уважение, ходил за ними и кормил их; он сам смахивал на степенного гусака. Ему отвели над кухней каморку; он устроил ее себе сам, по своему вкусу, соорудил в ней кровать из дубовых досок на четырех

чурбанах – истинно богатырскую кровать; сто пудов можно было положить на нее – не погнулась бы; под кроватью находился дюжий сундук; в уголку стоял столик такого же крепкого свойства, а возле столика – стул на трех ножках, да такой прочный и приземистый, что сам Герасим, бывало, поднимет его, уронит и ухмыльнется. Каморка запиралась на замок, напоминавший своим видом калач, только черный; ключ от этого замка Герасим всегда носил с собой на пояске. Он не любил, чтобы к нему ходили.

Так прошел год, по окончании которого с Герасимом случилось небольшое происшествие.

Старая барыня, у которой он жил в дворниках, во всем следовала древним обычаям и прислугу держала многочисленную; в доме у ней находились не только прачки, швеи, столяры, портные и портнихи, – был даже один шорник, он же считался ветеринарным врачом и лекарем для людей, был домашний лекарь для госпожи, был, наконец, один башмачник, по имени Капитон Климов, пьяница горький. Климов почитал себя существом обиженным и не оцененным по достоинству, человеком образованным и столичным, которому не в Москве бы жить, без дела, в каком-то захолустье, и если пил, как он сам выражался с расстановкой и стуча себя в грудь, то пил уже именно с горя. Вот зашла однажды о нем речь у барыни с ее главным дворецким, Гаврилой, человеком, которому, судя по одним его желтым глазкам и утиному носу, сама судьба, казалось, определила быть начальствующим лицом. Барыня сожалела об испорченной нравственности Капитона, которого накануне только что отыскивали где-то на улице.

– А что, Гаврила, – заговорила вдруг она, – не женить ли нам его, как ты думаешь? Может, он остепенится.

– Отчего же не женить-с! Можно-с, – ответил Гаврила, – и очень даже будет хорошо-с.

– Да; только кто за него пойдет?

– Конечно-с. А впрочем, как вам будет угодно-с. Все же он, так сказать, на что-нибудь может быть потребен; из десятка его не выкинешь.

– Кажется, ему Татьяна нравится?

Гаврила хотел было что-то возразить, да сжал губы.

– Да!.. пусть посватает Татьяну, – решила барыня, с удовольствием понюхивая табачок, – слышишь?

– Слушаю-с, – произнес Гаврила и удалился.

Возвратясь в свою комнату (она находилась во флигеле и была почти вся загромождена кованными сундуками), Гаврила сперва выслал вон свою жену, а потом подсел к окну и задумался. Неожданное распоряжение барыни его, видимо, озадачило. Наконец он встал и велел кликнуть Капитона. Капитон явился... Но прежде чем мы передадим читателям их разговор, считаем нелишним рассказать в немногих словах, кто была эта Татьяна, на которой приходилось Капитону жениться, и почему повеление барыни смутило дворецкого.

Татьяна, состоявшая, как мы сказали выше, в должности прачки (впрочем, ей, как искусной и ученой прачке, поручалось одно тонкое

белье), была женщина лет двадцати осьми, маленькая, худая, белокурая, с родинками на левой щеке. Родинки на левой щеке почитаются на Руси худой приметой – предвещанием несчастной жизни... Татьяна не могла похвалиться своей участью. С ранней молодости ее держали в черном теле; работала она за двоих, а ласки никакой никогда не видала; одевали ее плохо, жалованье она получала самое маленькое; родни у ней все равно что не было: один какой-то старый ключник, оставленный за негодностью в деревне, доводился ей дядей, да другие дядья у ней в мужиках состояли, – вот и всё. Когда-то она слыла красавицей, но красота с нее очень скоро соскочила. Нрава она была весьма смирного, или, лучше сказать, запуганного, к самой себе она чувствовала полное равнодушие, других боялась смертельно; думала только о том, как бы работу к сроку кончить, никогда ни с кем не говорила и трепетала при одном имени барыни, хотя та ее почти в глаза не знала. Когда Герасима привезли из деревни, она чуть не обмерла от ужаса при виде его громадной фигуры, всячески старалась не встречаться с ним, даже жмурилась, бывало, когда ей случалось пробежать мимо него, спеша из дома в прачечную. Герасим сперва не обращал на нее особенного внимания, потом стал посмеиваться, когда она ему попадалась, потом и заглядываться на нее начал, наконец и вовсе глаз с нее не спускал. Полюбилась она ему; кротким ли выражением лица, робостью ли движений – бог его знает! Вот однажды пробиралась она по двору, осторожно поднимая на растопыренных пальцах накрахмаленную барынину кофту... кто-то вдруг сильно схватил ее за локоть; она обернулась и так и вскрикнула: за ней стоял Герасим. Глупо смеясь и ласково мыча, протягивал он ей пряничного петушка, с сусальным золотом на хвосте и крыльях. Она было хотела отказаться, но он насильно впихнул его ей прямо в руку, покачал головой, пошел прочь и, обернувшись, еще раз промычал ей что-то очень дружелюбное. С того дня он уж ей не давал покоя: куда, бывало, она ни пойдет, он уж тут как тут, идет ей навстречу, улыбается, мычит, махает руками, ленту вдруг вытащит из-за пазухи и всучит ей, метлой перед ней пыль расчистит. Бедная девка просто не знала, как ей быть и что делать. Скоро весь дом узнал о проделках немого дворника; насмешки, прибауточки, колкие словечки посыпались на Татьяну. Над Герасимом, однако, глумиться не все решались: он шуток не любил; да и ее при нем оставляли в покое. Рада не рада, а попала девка под его покровительство. Как все глухонемые, он очень был догадлив и очень хорошо понимал, когда над ним или над ней смеялись. Однажды за обедом кастелянша, начальница Татьяны, принялась ее, как говорится, шпынять и до того ее довела, что та, бедная, не знала куда глаза деть и чуть не плакала с досады. Герасим вдруг приподнялся, протянул свою огромную ручищу, наложил ее на голову кастелянши и с такой угрюмой свирепостью посмотрел ей в лицо, что та так и пригнулась к столу. Все умолкли. Герасим снова взялся за ложку и продолжал хлебать щи. «Вишь, глухой черт, леший!» – пробормотали все вполголоса, а кастелянша встала да ушла в девичью. А то в другой раз,

заметив, что Капитон, тот самый Капитон, о котором сейчас шла речь, как-то слишком любезно раскалялся с Татьяной, Герасим подозвал его к себе пальцем, отвел в каретный сарай да, ухватив за конец стоявшее в углу дышло¹, слегка, но многозначительно погрозил ему им. С тех пор уж никто не заговаривал с Татьяной. И все это ему сходило с рук. Правда, кастелянша, как только прибежала в девичью, тотчас упала в обморок и вообще так искусно действовала, что в тот же день довела до сведения барыни грубый поступок Герасима; но причудливая старуха только рассмеялась, несколько раз, к крайнему оскорблению кастелянши, заставила ее повторить, как, дескать, он принагнул тебя своей тяжелой ручкой, и на другой день выслала Герасиму целковый. Она его жаловала как верного и сильного сторожа. Герасим порядком ее побаивался, но все-таки надеялся на ее милость и собирался уже отправиться к ней с просьбой, не позволит ли она ему жениться на Татьяне. Он только ждал нового кафтана, обещанного ему дворецким, чтоб в приличном виде явиться перед барыней, как вдруг этой самой барыне пришла в голову мысль выдать Татьяну за Капитона.

Читатель теперь легко сам поймет причину смущения, овладевшего дворецким Гаврилой после разговора с госпожой. «Госпожа, — думал он, посиживая у окна, — конечно, жалует Герасима (Гавриле хорошо это было известно, и оттого он сам ему потакал), все же он существо бессловесное; не доложить же госпоже, что вот Герасим, мол, за Татьяной ухаживает. Да и наконец, оно и справедливо, какой он муж? А с другой стороны, стоит этому, прости Господи, лешему узнать, что Татьяну выдают за Капитона, ведь он все в доме переломает, ей-ей. Ведь с ним не столкуешь; ведь его, черта этакого, согрешил я, грешный, никаким способом не уломаешь... право!..»

Появление Капитона прервало нить Гаврилиных размышлений. Легкомысленный башмачник вошел, закинул руки назад и, развязно прислонясь к выдающемуся углу стены подле двери, поставил правую ножку крестообразно перед левой и встряхнул головой. «Вот, мол, я. Чего вам нужно?» <http://kurokam.ru>

¹ Дышло — толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней оси повозки при парной запряжке.

Гаврила посмотрел на Капитона и застучал пальцами по косяку окна. Капитон только прищурил немного свои оловянные глазки, но не опустил их, даже усмехнулся слегка и провел рукой по своим беле-соватым волосам, которые так и ерошились во все стороны. «Ну да, я, мол, я. Чего глядишь?»

– Хорош, – проговорил Гаврила и помолчал. – Хорош, нечего сказать!

Капитон только плечиками передернул. «А ты небось лучше?» – подумал он про себя.

– Ну, посмотри на себя, ну, посмотри, – продолжал с укоризной Гаврила, – ну, на кого ты похож?

Капитон окинул спокойным взглядом свой истасканный и оборванный скюртук, свои заплатанные панталоны, с особенным вниманием осмотрел он свои дырявые сапоги, особенно тот, о носок которого так щеголевато опиралась его правая ножка, и снова уставился на дворецкого.

– А что-с?

– Что-с? – повторил Гаврила. – Что-с? Еще ты говоришь: что-с? На черта ты похож, согрешил я, грешный, вот на кого ты похож.

Капитон проворно замигал глазками.

«Ругайтесь, мол, ругайтесь, Гаврила Андреич», – подумал он опять про себя.

– Ведь вот ты опять пьян был, – начал Гаврила, – ведь опять? А? ну, отвечай же.

– По слабости здоровья спиртным напиткам подвергался действительно, – возразил Капитон.

– По слабости здоровья!.. Мало тебя наказывают – вот что; а в Питере еще был в ученье... Многому ты выучился в ученье! Только хлеб даром ешь.

– В этом случае, Гаврила Андреич, один мне судья: сам Господь Бог, и больше никого. Тот один знает, каков я человек на сем свете суть и точно ли даром хлеб ем. А что касается в соображении до пьянства, то и в этом случае виноват не я, а более один товарищ: сам же меня он сманул, да и сполитиковал, ушел то есть, а я...

– А ты остался, гусь, на улице. Ах ты, забубённый человек! Ну, да дело не в том, – продолжал дворецкий, – а вот что. Барыне... – тут он помолчал, – барыне угодно, чтоб ты женился. Слышишь? Оне полагают, что ты остепенишься, женившись. Понимаешь?

– Как не понимать-с.

– Ну, да. По-моему, лучше бы тебя хорошенько в руки взять. Ну, да это уж их дело. Что ж? ты согласен?

Капитон осклабился.

– Женильба дело хорошее для человека, Гаврила Андреич; и я, с своей стороны, с очень моим приятным удовольствием.

– Ну, да, – возразил Гаврила и подумал про себя: «Нечего сказать, аккуратно говорит человек». – Только вот что, – продолжал он вслух, – невесту-то тебе приискали неладную.

— А какую, позвольте полюбопытствовать?..

— Татьяну.

— Татьяну?

И Капитон вытаращил глаза и отделился от стены.

— Ну, чего ж ты всполохнулся?.. Разве она тебе не по нраву?

— Какое не по нраву, Гаврила Андреич! Девка она ничего, работница, смирная девка... Да ведь вы сами знаете, Гаврила Андреич, ведь тот-то, леший, кикимора-то степная, ведь он за ней...

— Знаю, брат, все знаю, — с досадой прервал его дворецкий, — да ведь...

— Да помилуйте, Гаврила Андреич! ведь он меня убьет, ей-богу убьет, как муху какую-нибудь прихлопнет; ведь у него рука, ведь вы изволите сами посмотреть, что у него за рука; ведь у него просто Минина и Пожарского рука. Ведь он глухой, бьет и не слышит, как бьет! Словно во сне кулачищами-то махает. И унять его нет никакой возможности; почему? потому, вы сами знаете, Гаврила Андреич, он глух и, вдобавку, глуп, как пятка. Ведь это какой-то зверь, идол, Гаврила Андреич, — хуже идола... осина какая-то; за что же я теперь от него страдать должен? Конечно, мне уже теперь все нипочем: обдержался, обтерпелся человек, обмаслился, как коломенский горшок, — все же я, однако, человек, а не какой-нибудь в самом деле ничтожный горшок.

— Знаю, знаю, не расписывай...

— Господи Боже мой! — с жаром продолжал башмачник, — когда же конец? когда, Господи! Горемыка я, горемыка неисходная! Судьба-то, судьба-то моя, подумаешь! В молодых летах был я бит через немца хозяина; в лучший сустав жизни моей бит от своего же брата, наконец в зрелые годы вот до чего дослужился...

— Эх ты, мочальная душа, — проговорил Гаврила. — Чего распространяешься, право!

— Как чего, Гаврила Андреич! Не побоев я боюсь, Гаврила Андреич. Накажи меня господин в стенах, да подай мне при людях приветствие, и все я в числе человек, а тут ведь от кого приходится...

— Ну, пошел вон, — нетерпеливо перебил его Гаврила.

Капитон отвернулся и поплелся вон.

— А положим, его бы не было, — крикнул ему вслед дворецкий, — ты-то сам согласен?

— Изъявляю, — возразил Капитон и удалился.

Красноречие не покидало его даже в крайних случаях.

Дворецкий несколько раз прошелся по комнате.

— Ну, позовите теперь Татьяну, — промолвил он наконец.

Через несколько мгновений Татьяна вошла чуть слышно и остановилась у порога.

— Что прикажете, Гаврила Андреич? — проговорила она тихим голосом.

Дворецкий пристально посмотрел на нее.

— Ну, — промолвил он, — Танюша, хочешь замуж идти? Барыня тебе жениха сыскала.

— Слушаю, Гаврила Андреич. А кого они мне в женихи назначают? — прибавила она с нерешительностью.

— Капитона, башмачника.

— Слушаю-с.

— Он легкомысленный человек — это точно. Но госпожа в этом случае на тебя надеется.

— Слушаю-с.

— Одна беда... ведь этот глухарь-то, Гараська, он ведь за тобой ухаживает. И чем ты этого медведя к себе приворожила? А ведь он убьет тебя, пожалуй, медведь этакой...

— Убьет, Гаврила Андреич, бесприменно убьет.

— Убьет... Ну, это мы увидим. Как это ты говоришь: убьет! Разве он имеет право тебя убивать, посуди сама.

— А не знаю, Гаврила Андреич, имеет ли, нет ли.

— Экая! Ведь ты ему этак ничего не обещала...

— Чего изволите-с?

Дворецкий помолчал и подумал: «Безответная ты душа!»

— Ну, хорошо, — прибавил он, — мы еще поговорим с тобой, а теперь ступай, Танюша; я вижу, ты точно смиренница.

Татьяна повернулась, оперлась легонько о притолку и ушла.

«А может быть, барыня-то завтра и забудет об этой свадьбе, — подумал дворецкий, — я-то из чего растревожился? Озорника-то мы этого скрутим; коли что — в полицию знать дадим...» — Устинья Федоровна! — крикнул он громким голосом своей жене, — поставьте-ка самоварчик, моя почтенная...

Татьяна почти весь тот день не выходила из прачечной. Сперва она всплакнула, потом утерла слезы и принялась по-прежнему за работу. Капитон до самой поздней ночи просидел в заведении с каким-то приятелем мрачного вида и подробно ему рассказал, как он в Питере проживал у одного барина, который всем бы взял, да за порядками был наблюдателен и притом одной ошибкой маленечко произволялся: хмелем гораздо забирал, а что до женского пола, просто во все качества доходил... Мрачный товарищ только поддакивал; но когда Капитон объявил наконец, что он, по одному случаю, должен завтра же руку на себя наложить, мрачный товарищ заметил, что пора спать. И они разошлись грубо и молча.

Между тем ожидания дворецкого не сбылись. Барыню так заняла мысль о Капитоновой свадьбе, что она даже ночью только об этом разговаривала с одной из своих компаньенок, которая держалась у ней в доме единственно на случай бессонницы и, как ночной извозчик, спала днем. Когда Гаврила вошел к ней после чаю с докладом, первым ее вопросом было: а что наша свадьба, идет? Он, разумеется, отвечал, что идет как нельзя лучше и что Капитон сегодня же к ней явится с поклоном. Барыне что-то нездоровилось; она недолго занималась делами. Дворецкий возвратился к себе в комнату и созвал совет. Дело точно требовало особенного обсуждения. Татьяна не прекословила, конечно; но Капитон объявлял во всеуслышание, что у него одна голова, а не две

и не три. Герасим сурово и быстро на всех поглядывал, не отходил от девичьего крыльца и, казалось, догадывался, что затевается что-то для него недоброе. Собравшиеся (в числе их присутствовал старый буфетчик, по прозвищу дядя Хвост, к которому все с почтеньем обращались за советом, хотя только и слышали от него, что: вот оно как, да: да, да, да) начали с того, что на всякий случай, для безопасности, заперли Капитона в чуланчик с водоочистительной машиной и принялись думать крепкую думу. Конечно, легко было прибегнуть к силе; но боже сохрани! выйдет шум, барыня обеспокоится — беда! Как быть? Думали, думали и выдумали наконец. Неоднократно было замечено, что Герасим терпеть не мог пьяниц... Сидя за воротами, он всякий раз, бывало, с негодованием отворачивался, когда мимо его неверными шагами и с козырьком фуражки на ухе проходил какой-нибудь нагрузившийся человек. Решили научить Татьяну, чтобы она притворилась хмельной и прошла бы, пошатываясь и покачиваясь, мимо Герасима. Бедная девка долго не соглашалась, но ее уговорили; притом она сама видела, что иначе она не отделается от своего обожателя. Она пошла. Капитона выпустили из чуланчика: дело все-таки до него касалось. Герасим сидел на тумбочке у ворот и тыкал лопатой в землю... Из-за всех углов, из-под штор за окнами глядели на него...

Хитрость удалась как нельзя лучше. Увидев Татьяну, он сперва, по обыкновению, с ласковым мычаньем закивал головой; потом взгляделся, уронил лопату, вскочил, подошел к ней, придвинул свое лицо к самому ее лицу... Она от страха еще более зашаталась и закрыла глаза... Он схватил ее за руку, помчал через весь двор и, войдя с нею в комнату, где заседал совет, толкнул ее прямо к Капитону. Татьяна так и обмерла... Герасим постоял, поглядел на нее, махнул рукой, усмехнулся и пошел, тяжело ступая, в свою каморку... Целые сутки не выходил он оттуда. Форейтор Антипка сказывал потом, что он сквозь щелку видел, как Герасим, сидя на кровати, приложив к щеке руку, тихо, мерно и только изредка мыча — пел, то есть покачивался, закрывал глаза и встряхивал головой, как ямщики или бурлаки, когда они затягивают свои заунывные песни. Антипке стало жутко, и он отошел от щели. Когда же на другой день Герасим вышел из каморки, в нем особенной перемены нельзя было заметить. Он только стал как будто поугрюмее, а на Татьяну и на Капитона не обращал ни малейшего внимания. В тот же вечер они оба с гусями под мышкой отправились к барыне и через неделю женились. В самый день свадьбы Герасим не изменил своего поведения ни в чем; только с реки он приехал без воды: он как-то на дороге разбил бочку; а на ночь в конюшне он так усердно чистил и тер свою лошадь, что та шаталась, как былинка на ветру, и переваливалась с ноги на ногу под его железными кулаками.

Все это происходило весною. Прошел еще год, в течение которого Капитон окончательно спился с кругом и, как человек решительно никуда не годный, был отправлен с обозом в дальнюю деревню, вместе с своею женой. В день отъезда он сперва очень храбрился и уверял, что, куда его ни пошли, хоть туда, где бабы рубахи моют да вальки на небо

кладут, он все не пропадет; но потом упал духом, стал жаловаться, что его везут к необразованным людям, и так ослабел наконец, что даже собственную шапку на себя надеть не мог; какая-то сострадательная душа надвинула ее ему на лоб, поправила козырек и сверху ее прихлопнула. Когда же все было готово и мужики уже держали вожжи в руках и ждали только слов: «С Богом!», Герасим вышел из своей каморки, приблизился к Татьяне и подарил ей на память красный бузьяный платок, купленный им для нее же с год тому назад. Татьяна, с великим равнодушием переносившая до того мгновения все превратности своей жизни, тут, однако, не вытерпела, прослезилась и, садясь в телегу, по-христиански три раза поцеловалась с Герасимом. Он хотел проводить ее до заставы и пошел сперва рядом с ее телегой, но вдруг остановился на Крымском броду, махнул рукой и отправился вдоль реки.

Дело было к вечеру. Он шел тихо и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого щенка, белого с черными пятнами, который, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезть из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил ее одной рукой, сунул ее к себе в пазуху и пустился большими шагами домой. Он вошел в свою каморку, уложил спасенного щенка на кровати, прикрыл его своим тяжелым армяком, сбегал сперва в конюшню за соломой, потом в кухню за чашечкой молока. Осторожно откинув армяк и разостлав солому, поставил он молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, глаза у ней прорезались недавно; один глаз даже казался немножко больше другого; она еще не умела пить из чашки и только дрожала и щурилась. Герасим взял ее легонько двумя пальцами за голову и принагнул ее мордочку к молоку. Собачка вдруг начала пить с жадностью, фыркая, трясаясь и захлебываясь. Герасим глядел, глядел да как засмеется вдруг... Всю ночь он возился с ней, укладывал ее, обтирал и заснул наконец сам возле нее каким-то радостным и тихим сном.

Ни одна мать так не ухаживает за своим ребенком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. (Собака оказалась сучкой.) Первое время она была очень слаба, тщедушна и собой некрасива, но понемногу справилась и выровнялась, а месяцев через восемь, благодаря неусыпным попечениям своего спасителя, превратилась в очень ладную собачку испанской породы, с длинными ушами, пушистым хвостом в виде трубы и большими выразительными глазами. Она страстно привязалась к Герасиму и не отставала от него ни на шаг, все ходила за ним, повиливая хвостиком. Он и кличку ей дал — немые знают, что мычанье их обращает на себя внимание других, — он назвал ее Муму. Все люди в доме ее полюбили и тоже кликали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам ее любил без памяти... и ему было неприятно, когда другие ее гладили: боялся он, что ли, за нее, ревновал ли он к ней — бог

весть! Она его будила по утрам, дергая его за полу, приводила к нему за повод старую водовозку, с которой жила в большой дружбе, с важностью на лице отправлялась вместе с ним на реку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Он нарочно для нее прорезал отверстие в своей двери, и она как будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, и потому, войдя в нее, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала вовсе, но не лаяла без разбору, как иная глупая дворняжка, которая, сидя на задних лапах и подняв морду и зажмурив глаза, лает просто от скуки, так, на звезды, и обыкновенно три раза сряду, — нет! тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох... Словом, она сторожила отлично. Правда, был еще, кроме ее, на дворе старый пес желтого цвета, с бурыми крапинами, по имени Волчок, но того никогда, даже ночью, не спускали с цепи, да и он сам, по дряхлости своей, вовсе не требовал свободы — лежал себе, свернувшись в своей конуре, и лишь изредка издавал сиплый, почти беззвучный лай, который тотчас же прекращал, как бы сам чувствуя всю его бесполезность. В господский дом Муму не ходила и, когда Герасим носил в комнаты дрова, всегда оставалась назади и нетерпеливо его выжидала у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево, при малейшем стуке за дверями...

Так прошел еще год. Герасим продолжал свои дворнические занятия и очень доволен был своей судьбой, как вдруг произошло одно неожиданное обстоятельство... а именно:

В один прекрасный летний день барыня с своими приживалками расхаживала по гостиной. Она была в духе, смеялась и шутила: приживалки смеялись и шутили тоже, но особенной радости они не чувствовали: в доме не очень-то любили, когда на барыню находил веселый час, потому что, во-первых, она тогда требовала от всех немедленного и полного сочувствия и сердилась, если у кого-нибудь лицо не сияло удовольствием, а во-вторых, эти вспышки у ней продолжались недолго и обыкновенно заменялись мрачным и кислым расположением духа. В тот день она как-то счастливо встала; на картах ей вышло четыре валета: исполнение желаний (она всегда гадала по утрам) — и чай ей показался особенно вкусным, за что горничная получила на словах похвалу и деньгами гривенник. С сладкой улыбкой на сморщенных губах гуляла барыня по гостиной и подошла к окну. Перед окном был разбит палисадник, и на самой средней клумбе, под розовым кусточком, лежала Муму и тщательно грызла кость. Барыня увидела ее.

— Боже мой! — воскликнула она вдруг, — что это за собака?

Приживалка, к которой обратилась барыня, заметалась, беденькая, с тем тоскливым беспокойством, которое обыкновенно овладевает подвластным человеком, когда он еще не знает хорошенько, как ему понять восклицание начальника.

— Н... н...е знаю-с, — пробормотала она, — кажется, немного.

– Боже мой! – прервала барыня, – да она премиленькая собачка! Велите ее привести. Давно она у него? Как же я это ее не видала до сих пор?.. Велите ее привести.

Приживалка тотчас порхнула в переднюю.

– Человек, человек! – закричала она, – приведите поскорей Муму! Она в палисаднике.

– А ее Муму зовут, – промолвила барыня, – очень хорошее имя.

– Ах, очень-с! – возразила приживалка. – Скорей, Степан!

Степан, дюжий парень, состоявший в должности лакея, бросился сломя голову в палисадник и хотел было схватить Муму, но та ловко вывернулась из-под его пальцев и, подняв хвост, пустилась во все лопатки к Герасиму, который в то время у кухни выколачивал и вытряхивал бочку, перевертывая ее в руках, как детский барабан. Степан побежал за ней вслед, начал ловить ее у самых ног ее хозяина; но проворная собачка не давалась чужому в руки, прыгала и увертывалась. Герасим смотрел с усмешкой на всю эту возню; наконец Степан с досадой приподнялся и поспешно растолковал ему знаками, что барыня, мол, требует твою собаку к себе. Герасим немного изумился, однако подозвал Муму, поднял ее с земли и передал Степану. Степан принес ее в гостиную и поставил на паркет. Барыня начала ее ласковым голосом подзывать к себе. Муму, отроду еще не бывавшая в таких великолепных покоях, очень испугалась и бросилась было к двери, но, оттолкнутая услужливым Степаном, задрожала и прижалась к стене.

– Муму, Муму, подойди же ко мне, подойди к барыне, – говорила госпожа, – подойди, глупенькая... не бойся...

– Подойди, подойди, Муму, к барыне, – твердили приживалки, – подойди.

Но Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места.

– Принесите ей что-нибудь поесть, – сказала барыня. – Какая она глупая! к барыне не идет. Чего боится?

– Оне не привыкли еще, – произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок.

Степан принес блюдечко с молоком, поставил перед Муму, но Муму даже и не понюхала молока и все дрожала и озиралась по-прежнему.

– Ах, какая же ты! – промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку...

Произошло мгновенное молчание. Муму слабо визгнула, как бы жалуюсь и извиняясь... Барыня отошла и нахмурилась. Внезапное движение собаки ее испугало.

– Ах! – закричали разом все приживалки, – не укусила ли она вас, сохрани бог! (Муму в жизнь свою никого никогда не укусила.) Ах, ах!

– Отнести ее вон, – проговорила изменившимся голосом старуха. – Скверная собачонка! какая она злая!

И, медленно повернувшись, направилась она в свой кабинет. Приживалки робко переглянулись и пошли было за ней, но она остано-

лась, холодно посмотрела на них, промолвила: «Зачем это? ведь я вас не зову» — и ушла.

Приживалки отчаянно замахали руками на Степана; тот подхватил Муму и выбросил ее поскорей за дверь, прямо к ногам Герасима, — а через полчаса в доме уже царствовала глубокая тишина, и старая барыня сидела на своем диване мрачнее грозовой тучи.

Какие безделицы, подумаешь, могут иногда расстроить человека!

До самого вечера барыня была не в духе, ни с кем не разговаривала, не играла в карты и ночь дурно провела. Вздумала, что одеколон ей подали не тот, который обыкновенно подавали, что подушка у ней пахнет мылом, и заставила кастеляншу все белье перенюхать, — словом, волновалась и «горячилась» очень. На другое утро она велела позвать Гаврилу часом ранее обыкновенного.

— Скажи, пожалуйста, — начала она, как только тот, не без некоторого внутреннего лепетания, переступил порог ее кабинета, — что это за собака у нас на дворе всю ночь лаяла? мне спать не дала!

— Собака-с... какая-с... может быть, немого собака-с, — произнес он не совсем твердым голосом.

— Не знаю, немого ли, другого ли кого, только спать мне не дала. Да я и удивляюсь, на что такая пропасть собак! Желая знать. Ведь есть у нас дворная собака?

— Как же-с, есть-с. Волчок-с.

— Ну чего еще, на что нам еще собака? Только одни беспорядки заводить. Старшего нет в доме — вот что. И на что немому собака? Кто ему позволил, собак у меня на дворе держать? Вчера я подошла к окну, а она в палисаднике лежит, какую-то мерзость притащила, грызет, — а у меня там розы посажены...

Барыня помолчала.

— Чтоб ее сегодня же здесь не было, слышишь?

— Слушаю-с.

— Сегодня же. А теперь ступай. К докладу я тебя потом позову.

Гаврила вышел.

Проходя через гостиную, дворецкий для порядка переставил колокольчик с одного стола на другой, втихомолочку высморкал в зале

свой утиный нос и вышел в переднюю. В передней на конике спал Степан, в положении убитого воина на батальной картине, судорожно вытянув обнаженные ноги из-под сюртука, служившего ему вместо одеяла. Дворецкий растолкал его и вполголоса сообщил ему какое-то приказание, на которое Степан отвечал полузевком, полухохотом. Дворецкий удалился, а Степан вскочил, натянул на себя кафтан и сапоги, вышел и остановился у крыльца. Не прошло пяти минут, как появился Герасим с огромной вязанкой дров за спиной, в сопровождении неразлучной Муму. (Барыня свою спальню и кабинет приказывала протапливать даже летом.) Герасим стал боком перед дверью, толкнул ее плечом и ввалился в дом с своей ношей. Муму, по обыкновению, осталась его дожидаться. Тогда Степан, уловив удобное мгновение, внезапно бросился на нее, как коршун на цыпленка, придавил ее грудью к земле, сгреб в охапку и, не надев даже картуза, выбежал с нею на двор, сел на первого попавшегося извозчика и поскакал в Охотный ряд. Там он скоро отыскал покупателя, которому уступил ее за полтинник, с тем только, чтобы он по крайней мере неделю продержал ее на привязи, и тотчас вернулся; но, не доезжая до дому, слез с извозчика и, обойдя двор кругом, с заднего переулка, через забор перескочил на двор; в калитку-то он побоялся идти, как бы не встретить Герасима.

Впрочем, его беспокойство было напрасно: Герасима уже не было на дворе. Выйдя из дому, он тотчас хватился Муму; он еще не помнил, чтоб она когда-нибудь не дождалась его возвращения, стал повсюду бегать, искать ее, кликать по-своему... бросился в свою каморку, на сеновал, выскочил на улицу – туда-сюда... Пропала! Он обратился к людям, с самыми отчаянными знаками спрашивал о ней, показывая на пол-аршина от земли, рисовал ее руками... Иные точно не знали, куда девалась Муму, и только головами качали, другие знали и посмеивались ему в ответ, а дворецкий принял чрезвычайно важный вид и начал кричать на кучеров. Тогда Герасим побежал со двора долой.

Уже смеркалось, как он вернулся. По его истомленному виду, по неверной походке, по запыленной одежде его можно было предполагать, что он успел обежать пол-Москвы. Он остановился против барских окон, окинул взором крыльцо, на котором столпилось человек семь дворовых, отвернулся и промычал еще раз: «Муму!» – Муму не отозвалась. Он пошел прочь. Все посмотрели ему вслед, но никто не улыбнулся, не сказал слова... а любопытный фореитор Антипка рассказывал на другое утро в кухне, что немой-де всю ночь охал.

Весь следующий день Герасим не показывался, так что вместо его за водой должен был съездить кучер Потап, чем кучер Потап очень остался недоволен. Барыня спросила Гаврилу, исполнено ли ее приказание. Гаврила отвечал, что исполнено. На другое утро Герасим вышел из своей каморки на работу. К обеду он пришел, поел и ушел опять, никому не поклонившись. Его лицо, и без того безжизненное, как у всех глухонемых, теперь словно окаменело. После обеда он опять уходил со двора, но ненадолго, вернулся и тотчас отправился на сеновал. Наста-

ла ночь, лунная, ясная. Тяжело вздыхая и беспрестанно поворачиваясь, лежал Герасим и вдруг почувствовал, как будто его дергают за полу; он весь затрепетал, однако не поднял головы, даже зажмурился; но вот опять его дернули, сильнее прежнего; он вскочил... Перед ним, с обрывком на шее, вертелась Муму. Протяжный крик радости вырвался из его безмолвной груди; он схватил Муму, стиснул ее в своих объятьях; она в одно мгновение облизала ему нос, глаза, усы и бороду... Он постоял, подумал, осторожно слез с сеника, оглянулся и, удостоверившись, что никто его не увидит, благополучно пробрался в свою каморку. Герасим уже прежде догадался, что собака пропала не сама собой, что ее, должно быть, свели по приказанию барыни; люди-то ему объяснили знаками, как его Муму на нее окрысилась, — и он решился принять свои меры. Сперва он накормил Муму хлебушком, обласкал ее, уложил, потом начал соображать, да всю ночь напролет и соображал, как бы получше ее спрятать. Наконец он придумал весь день оставлять ее в каморке и только изредка к ней наведываться, а ночью выводить. Отверстие в двери он плотно заткнул старым своим армяком и чуть свет был уже на дворе, как ни в чем не бывало, сохраняя даже (невинная хитрость!) прежнюю унылость на лице. Бедному глухому в голову не могло прийти, что Муму себя визгом своим выдаст: действительно, все в доме скоро узнали, что собака немого воротилась и сидит у него взаперти, но, из сожаления к нему и к ней, а отчасти, может быть, и из страха перед ним, не давали ему понять, что проведали его тайну. Дворецкий один почесал у себя в затылке, да махнул рукой. «Ну, мол, бог с ним! Авось до барыни не дойдет!» Зато никогда немой так не усердствовал, как в тот день: вычистил и выскреб весь двор, выполол все травки до единой, собственноручно повыдергивал все колышки в заборе палисадника, чтобы удостовериться, довольно ли они крепки, и сам же их потом вколотил, — словом, возился и хлопотал так, что даже барыня обратила внимание на его радение. В течение дня Герасим раза два украдкой ходил к своей затворнице; когда же наступила ночь, он лег спать вместе с ней в каморке, а не на сеновале, и только во втором часу вышел погулять с ней на чистом воздухе. Походив с ней довольно долго по двору, он уже было собирался вернуться, как вдруг за забором, со стороны переулка, раздался шорох. Муму наострила уши, зарычала, подошла к забору, понюхала и залилась громким и пронзительным лаем. Какой-то пьяный человек вздумал там угнездиться на ночь. В это самое время барыня только что засыпала после продолжительного «нервического волнения»: эти волнения у ней всегда случались после слишком сытного ужина. Внезапный лай ее разбудил; сердце у ней забилося и замерло. «Девки, девки! — простонала она. — Девки!» Перепуганные девки вскочили к ней в спальню. «Ох, ох, умираю! — проговорила она, тоскливо разводя руками. — Опять, опять эта собака!.. Ох, пошлите за доктором. Они меня убить хотят... Собака, опять собака! Ох!» — и она закинула голову назад, что должно было означать обморок. Бросились за доктором, то есть за домашним лекарем Харитоном. Этот лекарь, которого все

искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно брать за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, остальное время все вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями, – этот лекарь тотчас прибежал, покурил жжеными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднес ей на серебряном подносике рюмку с заветными каплями. Барыня приняла их, но тотчас же слезливым голосом стала опять жаловаться на собаку, на Гаврилу, на свою участь, на то, что ее, бедную, старую женщину, все бросили, что никто о ней не сожалеет, что все хотят ее смерти. Между тем несчастная Муму продолжала лаять, а Герасим напрасно старался отозвать ее от забора. «Вот... вот... опять...» – пролепетала барыня и снова подкатила глаза под лоб. Лекарь шепнул девке, та бросилась в переднюю, растолкала Степана, тот побежал будить Гаврилу, Гаврила сгоряча велел поднять весь дом.

Герасим обернулся, увидал замелькавшие огни и тени в окнах и, почуввав сердцем беду, схватил Муму под мышку, вбежал в каморку и заперся. Через несколько мгновений пять человек ломались в его дверь, но, почувствовав сопротивление засова, остановились. Гаврила прибежал в страшных попыхах, приказал им всем оставаться тут до утра и караулить, а сам потом ринулся в девичью и через старшую компаньонку Любовь Любимовну, с которой вместе крал и учитывал чай, сахар и прочую бакалею, велел доложить барыне, что собака, к несчастью, опять откуда-то прибежала, но что завтра же ее в живых не будет и чтобы барыня сделала милость не гневалась и успокоилась. Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь второпях вместо двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала – через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно; а Герасим лежал, весь бледный, на своей кровати и сильно сжимал пасть Муму.

На следующее утро барыня проснулась довольно поздно. Гаврила ожидал ее пробуждения для того, чтобы дать приказ к решительному натиску на Герасимово убежище, а сам готовился выдержать сильную грозу. Но грозы не приключилось. Лежа в постели, барыня велела позвать к себе старшую приживалку.

– Любовь Любимовна, – начала она тихим и слабым голосом; она иногда любила прикинуться загнанной и сиротливой страдальцей; нечего и говорить, что всем людям в доме становилось тогда очень неловко, – Любовь Любимовна, вы видите, каково мое положение; подите, душа моя, к Гавриле Андреичу, поговорите с ним: неужели для него какая-нибудь собачонка дороже спокойствия, самой жизни его барыни? Я бы не желала этому верить, – прибавила она с выражением глубокого чувства, – подите, душа моя, будьте так добры, подите к Гавриле Андреичу.

Любовь Любимовна отправилась в Гаврилину комнату. Неизвестно, о чем происходил у них разговор; но спустя некоторое время целая толпа людей подвигалась через двор в направлении каморки Герасима: впереди выступал Гаврила, придерживая рукою картуз, хотя ветру не

было; около него шли лакеи и повара; из окна глядел дядя Хвост и распоряжался, то есть только так руками разводил; позади всех прыгали и кривлялись мальчишки, из которых половина набежала чужих. На узкой лестнице, ведущей к каморке, сидел один караульщик; у двери стояли два других, с палками. Стали взбираться по лестнице, заняли ее во всю длину. Гаврила подошел к двери, стукнул в нее кулаком, крикнул:

— Отвори.

Послышался сдавленный лай; но ответа не было.

— Говорят, отвори! — повторил он.

— Да, Гаврила Андреич, — заметил снизу Степан, — ведь он глухой — не слышит.

Все рассмеялись.

— Как же быть? — возразил сверху Гаврила.

— А у него там дыра в двери, — отвечал Степан, — так вы палкой-то пошевелите.

Гаврила нагнулся.

— Он ее армяком каким-то заткнул, дыру-то.

— А вы армяк пропихните внутрь.

Тут опять раздался глухой лай.

— Вишь, вишь, сама сказывается, — заметили в толпе и опять рассмеялись.

Гаврила почесал у себя за ухом.

— Нет, брат, — продолжал он наконец, — армяк-то ты пропихивай сам, коли хочешь.

— А что ж, извольте!

И Степан вскарабкался наверх, взял палку, просунул внутрь армяк и начал болтать в отверстии палкой, приговаривая: «Выходи, выходи!» Он еще болтал палкой, как вдруг дверь каморки быстро распахнулась — вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы, Гаврила прежде всех. Дядя Хвост запер окно.

— Ну, ну, ну, ну, — кричал Гаврила с двора, — смотри у меня, смотри!

Герасим неподвижно стоял на пороге. Толпа собралась у подножия лестницы. Герасим глядел на всех этих людишек в немецких кафтан-нах сверху, слегка уперши руки в бока; в своей красной крестьянской рубашке он казался каким-то великаном перед ними. Гаврила сделал шаг вперед.

— Смотри, брат, — промолвил он, — у меня не озорничай.

И он начал ему объяснять знаками, что барыня, мол, непременно требует твоей собаки: подавай, мол, ее сейчас, а то беда будет.

Герасим посмотрел на него, указал на собаку, сделал знак рукою у своей шеи, как бы затягивая петлю, и с вопросительным лицом взглянул на дворецкого.

— Да, да, — возразил тот, кивая головой, — да, непременно.

Герасим опустил глаза, потом вдруг встряхнулся, опять указал на Муму, которая все время стояла возле него, невинно помахивая хвостом и с любопытством поводя ушами, повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берет на себя уничтожить Муму.

— Да ты обманешь, — замахал ему в ответ Гаврила.

Герасим поглядел на него, презрительно усмехнулся, опять ударил себя в грудь и захлопнул дверь. Все молча переглянулись.

— Что ж это такое значит? — начал Гаврила. — Он заперся?

— Оставьте его, Гаврила Андреич, — промолвил Степан, — он сделает, коли обещал. Уж он такой... Уж коли он обещает, это навверное. Он на это не то, что наш брат. Что правда, то правда. Да.

— Да, — повторили все и трякнули головами. — Это так. Да.

Дядя Хвост отворил окно и тоже сказал: «Да».

— Ну, пожалуй, посмотрим, — возразил Гаврила. — А караул все-таки не снимать. Эй ты, Ерошка! — прибавил он, обращаясь к какому-то бледному человеку, в желтом нанковом казакине, который считался садовником, — что тебе делать? Возьми палку да сиди тут, и чуть что, тотчас ко мне беги!

Ерошка взял палку и сел на последнюю ступеньку лестницы. Толпа разошлась, исключая немногих любопытных и мальчишек, а Гаврила вернулся домой и через Любовь Любимовну велел доложить барыне, что все исполнено, а сам на всякий случай послал форейтора к хозя-лому. Барыня завязала в носовом платке узелок, налила на него одеко-лону, понюхала, потерла себе виски, накушалась чаю и, будучи еще под влиянием лавровишневых капель, заснула опять.

Спустя час после всей этой тревоги дверь каморки растворилась и показался Герасим. На нем был праздничный кафтан; он вел Муму на веревочке. Ерошка посторонился и дал ему пройти. Герасим направил-ся к воротам. Мальчишки и все бывшие на дворе проводили его глаза-ми, молча. Он даже не обернулся; шапку надел только на улице. Гав-рила послал вслед за ним того же Ерошку в качестве наблюдателя. Ерошка увидел издали, что он вошел в трактир вместе с собакой, и стал дожидаться его выхода.

В трактире знали Герасима и понимали его знаки. Он спросил себе щей с мясом и сел, опершись руками на стол. Муму стояла подле его стула, спокойно поглядывая на него своими умными глазками. Шерсть на ней так и лоснилась: видно было, что ее недавно вычесали. Принесли Герасиму щей. Он накрошил туда хлеба, мелко изрубил мясо и поставил тарелку на пол. Муму принялась есть с обычной своей вежливостью, едва прикасаясь мордочкой до кушанья. Герасим долго глядел на нее; две тяжелые слезы выкатились вдруг из его глаз: одна упала на крутой лобик собачки, другая — во щи. Он заслонил лицо свое рукой. Муму съела полтарелки и отошла, облизываясь. Герасим встал, заплатил за щи и вышел вон, сопровождаемый несколько недоумевающим взглядом полового. Ерошка, увидав Герасима, заскочил за угол и, пропустив его мимо, опять отправился вслед за ним.

Герасим шел не торопясь и не спускал Муму с веревочки. Дойдя до угла улицы, он остановился, как бы в раздумье, и вдруг быстрыми шагами отправился прямо к Крымскому броду. На дороге он зашел на двор дома, к которому пристроивался флигель, и вынес оттуда два кирпича под мышкой. От Крымского брода он повернул по берегу, дошел до одного места, где стояли две лодочки с веслами, привязанными к колышкам (он уже заметил их прежде), и вскочил в одну из них вместе с Муму. Хромой старичишка вышел из-за шалаша, поставленного в углу огорода, и закричал на него. Но Герасим только закивал головой и так сильно принялся грести, хотя и против течения реки, что в одно мгновение умчался саженой на сто. Старик постоял, постоял, почесал себе спину сперва левой, потом правой рукой и вернулся, хромя, в шалаш.

А Герасим все греб да греб. Вот уже Москва осталась позади. Вот уже потянулись по берегам луга, огороды, поля, рощи, показались избы. Повеяло деревней. Он бросил весла, приник головой к Муму, которая сидела перед ним на сухой перекладинке — дно было залито водой — и остался неподвижным, скрестив могучие руки у ней на спине, между тем как лодку волной помаленьку относило назад к городу. Наконец Герасим выпрямился, поспешно, с каким-то болезненным озлоблением на лице, окутал веревкой взятые им кирпичи, приделал петлю, надел ее на шею Муму, поднял ее над рекой, в последний раз посмотрел на нее... Она доверчиво и без страха поглядывала на него и слегка махала хвостиком. Он отвернулся, нахмурился и разжал руки... Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплескивали они о бок лодки, и только далеко позади к берегу разбегались какие-то широкие круги.

Ерошка, как только Герасим скрылся у него из виду, вернулся домой и донес все, что видел.

— Ну да, — заметил Степан, — он ее утопит. Уж можно быть спокойным. Коли он что обещал...

В течение дня никто не видел Герасима. Он дома не обедал. Настал вечер; собрались к ужину все, кроме его.

— Экой чудной этот Герасим! — пропищала толстая прачка, — можно ли эдак из-за собаки прокляжаться!.. Право!

— Да Герасим был здесь, — воскликнул вдруг Степан, загребая себе ложкой каши.

— Как? когда?

— Да вот часа два тому назад. Как же. Я с ним в воротах повстречался; он уж опять отсюда шел, со двора выходил. Я было хотел спросить его насчет собаки-то, да он, видно, не в духе был. Ну, и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай, — да такого необыкновенного леща мне в становую жилу поднес, важно так, что ой-ой-ой! — И Степан с невольной усмешкой пожался и потер себе затылок. — Да, — прибавил он, — рука у него благодатная рука, нечего сказать.

Все посмеялись над Степаном и после ужина разошлись спать.

А между тем в ту самую пору по Т...у шоссе усердно и безостановочно шагал какой-то великан, с мешком за плечами и с длинной палкой в руках. Это был Герасим. Он спешил без оглядки, спешил домой, к себе в деревню, на родину. Утопив бедную Муму, он прибежал в свою каморку, проворно уложил кой-какие пожитки в старую попону, связал ее узлом, взвалил на плечо да и был таков. Дорогу он хорошо заметил еще тогда, когда его везли в Москву; деревня, из которой барыня его взяла, лежала всего в двадцати пяти верстах от шоссе. Он шел по нем с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях... Только что наступившая летняя ночь была тиха и тепла; с одной стороны, там где солнце закатилось, край неба еще белел и слабо румянился последним отблеском исчезающего дня, — с другой стороны уже вздымался синий, седой сумрак. Ночь шла оттуда. Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его проносили сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу, ветер с родины, ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу — дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчетные звезды, светившие его пути, и, как лев, выступал сильно и бодро, так что, когда восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...

Через два дня он уже был дома, в своей избенке, к великому изумлению солдатки, которую туда поселили. Помолясь перед образами, тотчас же отправился он к старосте. Староста сначала было удивился; но сенокос только что начинался: Герасиму, как отличному работнику, тут же дали косу в руки – и пошел косить он по-старинному, косить так, что мужиков только пробирало, глядя на его размахи да загребы...

А в Москве, на другой день после побега Герасима, хватились его. Пошли в его каморку, обшарили ее, сказали Гавриле. Тот пришел, посмотрел, пожал плечами и решил, что немой либо бежал, либо утоп вместе с своей глупой собакой. Дали знать полиции, доложили барыне. Барыня разгневалась, расплакалась, велела отыскать его во что бы то ни стало, уверяла, что она никогда не приказывала уничтожать собаку, и наконец такой дала нагоняй Гавриле, что тот целый день только потряхивал головой да приговаривал: «Ну!», пока дядя Хвост его не урезонил, сказав ему: «Ну-у!» Наконец пришло известие из деревни о прибытии туда Герасима. Барыня несколько успокоилась; сперва было отдала приказание немедленно вытребовать его назад в Москву, потом, однако, объявила, что такой неблагодарный человек ей вовсе не нужен. Впрочем, она скоро сама после того умерла; а наследникам ее было не до Герасима: они и остальных-то матушкиных людей распустили по оброку.

И живет до сих пор Герасим бобылем в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за четырех по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит. «Впрочем, – толкуют мужики, – его же счастье, что ему не надобеть бабья; а собака – на что ему собака? К нему на двор вора оселом не затащить!» Такова ходит молва о богатырской силе немого.

1. Что вы чувствовали, читая рассказ? За кого из персонажей особенно переживали?
2. О чем этот рассказ? Какие вопросы ставит перед читателями автор?
3. Расскажите о характере Герасима. Какую роль в создании характера Герасима играют портрет героя, интерьер, пейзаж?
4. Какие события происходят в усадьбе барыни, какие – вне? Как поступки Герасима связаны с местом действия? Какова роль места действия в повествовании?
5. Попробуйте оценить и объяснить поступки Герасима.
6. Можно ли Герасима назвать человеком борющимся? Аргументируйте свою точку зрения.

Творческая работа.

Озвучьте внутренний монолог Герасима в сцене спасения Муму.

И.С. Тургенев

Записки охотника

БИРЮК

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжей по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины – следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону – та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

– Кто ты? – спросил звучный голос.

– А ты кто сам?

– Я здешний лесник.

Я назвал себя.

– А, знаю! Вы домой едете?

– Домой. Да видишь, какая гроза...

– Да, гроза, – отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

– Не скоро пройдет, – продолжал лесник.

– Что делать!

– Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, – отрывисто проговорил он.

– Сделай одолжение.

– Извольте сидеть.

Он подошел к голове лошади, взял ее за узду и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжело шле-

пала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покрывалом, с фонарем в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину... — сказал он ей. — А я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом, — сердце во мне заныло: невесело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег свечу.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и потряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу — Бирюк¹.

— А! ты Бирюк!

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись, как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на

¹ Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый.

голову, и ты не думай сопротивляться, – силен, дескать, и ловок, как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет – не дается».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

– Так ты Бирюк, – повторил я, – я, брат, слыхал про тебя. Говорят, ты никому спуска не даешь.

– Должность свою справляю, – отвечал он угрюмо, – даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

– Аль у тебя хозяйки нет? – спросил я его.

– Нет, – отвечал он и сильно махнул топором.

– Умерла, знать?

– Нет... да... умерла, – прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

– С прохожим мещанином сбежала, – произнес он с жестокой улыбкой. Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке. – На, дай ему, – проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. – Вот и его бросила, – продолжал он вполголоса, указывая на ребенка. Он подошел к двери, остановился и обернулся.

– Вы, чай, барин, – начал он, – нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба...

– Я не голоден.

– Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели не шевелясь.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Улитой, – проговорила она, еще более понутив свое печальное личико.

Лесник вошел и сел на лавку.

– Гроза проходит, – заметил он после небольшого молчанья, – коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружье и осмотрел полку.

– Это зачем? – спросил я.

– А в лесу шалят... У Кобыльского Вёрху¹ дерево рубят, – прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

– Будто отсюда слышно?

– Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка попыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки

мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдемте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушиваться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» — Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновение — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался...

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались наконец из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрипели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, позаячи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдешь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошел. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

– Отпусти его, – шепнул я на ухо Бирюку, – я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» – промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьмите», – пробормотал мужик. «Зачем ему пропадать?» – сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шел позади... Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошаденку посреди двора, ввел мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

– Эх его, какой полил, – заметил лесник, – переждать придется. Не хотите ли прилечь?

– Спасибо.

– Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, – продолжал он, указывая на мужика, – да, вишь, засов...

– Оставь его тут, не трогай, – перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие желтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

– Фома Кузьмич, – заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, – а, Фома Кузьмич.

– Чего тебе?

– Отпусти.

Бирюк не отвечал.

– Отпусти... с голодухи... отпусти.

– Знаю я вас, – угрюмо возразил лесник, – ваша вся слобода такая – вор на воре.

– Отпусти, – твердил мужик, – приказчик... разорены, во как... отпусти!

– Разорены!.. Воровать никому не след.

– Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

– Отпусти, – повторял он с унылым отчаяньем, – отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится.

– А ты все-таки воровать не ходи.

– Лошаденку, – продолжал мужик, – лошаденку-то, хоть ее-то... один живот и есть... отпусти!

– Говорят, нельзя... Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

– Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

– Знаю я вас!

– Да отпусти!

– Э, да что с тобой толковать: сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, – начал он, прищурив глаза и опустив углы губ, – на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

– Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

– Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? – заговорил с изумлением лесник. – С ума сошел, что ли?

– Пьян!.. не на твои деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

– Ах, ты... да я тебя...

– А мне что? Все едино – пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби – один конец: что с голоду, что так – все едино. Пропадай все: жена, дети – околевай все... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюк приподнялся.

– Бей, бей, – подхватил мужик свирепым голосом, – бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей!

– Молчать! – загремел лесник и шагнул два раза.

– Полно, полно, Фома, – закричал я, – оставь его... бог с ним.

– Не стану я молчать, – продолжал несчастный. – Все едино – околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! зятянут тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

– Не троньте, барин! – крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

– Убирайся к черту с своею лошадыо! – закричал он ему вслед, – да смотри, в другой раз у меня...

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

– Ну, Бирюк, – промолвил я наконец, – удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

– Э, полноте, барин, – перебил он меня с досадой, – не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, – прибавил он, – знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

– Вишь, поплелся! – пробормотал он. – Да я его!

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

1. За что лесник получил свое прозвище – Бирюк?
2. Какую роль для понимания характера героя играет его портрет, описание картин природы?
3. Какие эпизоды рассказа дают читателю возможность понять истоки нелюбимости лесника?
4. Почему Бирюк все же нарушил свой долг? Этот поступок говорит в его пользу или против него?
5. В чем смысл эпизода с девочкой – дочкой лесника, которая заснула у ног связанного мужика?
6. Можно ли сказать, что у Бирюка сильный характер? Объясните, как вы это понимаете.
7. Какое впечатление о рассказчике сложилось у вас после чтения рассказа?
8. Проанализируйте портрет Бирюка или описание девочки. Определите авторское отношение к герою.
9. О чем заставил вас задуматься этот рассказ?
10. Как вам кажется, вы умеете разбираться в людях? Добавили ли что-то к вашему умению рассказы И.С. Тургенева?

Творческая работа.

Проанализируйте сцену поимки мужика «шалившего» в лесу. Докажите, что рассказчик – человек наблюдательный и понимающий людей.

Подготовьте творческий пересказ этой сцены от лица Бирюка или мужика.

Глава 19 (продолжение письма)

«Чем дальше мы ведем наш разговор, тем серьезнее он становится, – писала тетя Лена. – К сожалению, история человечества – это не только торжество разума и развития, но и агрессия, жестокость, стремление решить проблемы силой. Человеческой природе, я уверена, чужда агрессивность. Да, людям часто приходилось и приходится защищать от врагов свою землю, свои дома и семьи, но и освободительные войны – это всегда кровь, страдания, смерть, потери... и остановка в развитии цивилизации. Человек на войне, человек и война – это особая тема в литературе. Во-первых, потому, что очень велика сила ее эмоционального воздействия на читателя, во-вторых, война позволяет высветить и все лучшее в человеке, и все дурное, заставляет размышлять о таких категориях, как героизм, сила духа, патриотизм, мужество, подвиг и – трусость, предательство, вероломство...

Я бы хотела предложить тебе прочитать несколько произведений: рассказ Л.Н.Толстого «Севастополь в декабре месяце» из цикла «Севастопольские рассказы», стихи М.Ю. Лермонтова и стихи поэтов XX века, написанные в годы Великой Отечественной войны. Ты сама почувствуешь, что их объединяет и в чем проявляется индивидуальность каждого писателя в раскрытии темы».

Ребята, это задание и для вас, но сначала мы хотели бы предложить вам подумать над вопросами:

1. Почему «человек на войне» — особая тема в литературе? Какие другие «особые» темы вы знаете?
2. Уточните значение понятий: **агрессия, гуманизм, гуманный человек, сила духа, предательство, вероломство**. Приведите необходимые примеры из рассказов И.С. Тургенева и других произведений.
3. Назовите писателей, которых по праву можно отнести к гуманистам. Объясните свой выбор.

Л.Н. Толстой

Севастополь в декабре месяце (в сокращении)

Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; темно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском; с бухты несет холодом и туманом; снега нет — все черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами, и далекий немолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра. На кораблях глухо бьет восьмая склянка.

На набережной шумно шевелятся толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. Бабы продают булки, русские мужики с самоварами кричат: *сбитень горячий*, и тут же на первых ступенях валяются заржавевшие ядра, бомбы, картечи и чугунные пушки разных калибров. Немного далее большая площадь, на которой валяются какие-то огромные брусья, пушечные станки, спящие солдаты; стоят лошади, повозки, зеленые орудия и ящики, пехотные козлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дети, купцы; ездят телеги с сеном, с кулями и с бочками; кой-где проедут казак и офицер верхом, генерал на дрожках. Направо улица загорожена баррикадой, на которой в амбразурах стоят какие-то маленькие пушки, и около них сидит матрос, покуривая трубочку. Налево красивый дом с римскими цифрами на фронте, под которым стоят солдаты и окровавленные носилки, — везде вы видите неприятные следы военного лагеря. Первое впечатление ваше непременно самое неприятное: странное смешение лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака¹ не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; вам даже покажется, что все перепуганы, суетятся, не знают, что делать. Но взгляните ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймете совсем другое. Посмотрите хоть на этого фуражничего солдата, который ведет поить какую-то гнедую тройку и так спокойно

¹ Бивуак — привал, расположение войск вне населенного пункта.

мурлыкает себе что-то под нос, что, очевидно, он не заблудится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполняет свое дело, какое бы оно ни было – поить лошадей или таскать оружие, – так же спокойно, и самоуверенно, и равнодушно, как бы все это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих, солдат, с носилками дожидającychся на крыльце бывшего Собрании, и в лице этой девицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкам перепрыгивает через улицу.

Да! вам непременно предстоит разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости, – ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнете себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о геройстве защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида и звуков с Северной стороны. Но прежде чем сомневаться, сходите на бастионы, посмотрите защитников Севастополя на самом месте защиты или лучше зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским собранием и на крыльце которого стоят солдаты с носилками, – вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища.

Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы отворили дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас. Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, – это дурное чувство, – идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли *смотреть* на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия. Вы проходите посередине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

– Ты куда ранен? – спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто перенес их.

– В ногу, – отвечает солдат; но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. – Слава богу теперь, – прибавляет он, – на выписку хочу.

– А давно ты уже ранен?

– Да вот шестая неделя пошла, ваше благородие!

– Что же, болит у тебя теперь?

– Нет, теперь не болит, ничего; только как будто в икре ноет, когда непогода, а то ничего.

– Как же ты это был ранен?

– На пятом баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, таким манером, к другой амбразуре, как *он* ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет.

– Неужели больно не было в эту первую минуту?

– Ничего; только как горячим чем меня пхнули в ногу.

– Ну, а потом?

– И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, *не думать много*: как не думаешь, оно тебе и ничего. Все больше оттого, что думает человек.

В это время к вам подходит женщина в сереньком полосатом платье и повязанная черным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как, бывши ранен, остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как великие князья говорили с ним и пожаловали ему двадцать пять рублей, и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря все это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который, отвернувшись и как будто не слушая ее, щиплет у себя на подушке корпию¹, и глаза ее блестят каким-то особенным восторгом.

– Это хозяйка моя, ваше благородие! – замечает вам матрос с таким выражением, как будто говорит: «Уж вы ее извините. Известно, ба́бье дело – глупые слова говорит».

Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему свое сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, – и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством. <...>

Теперь, ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый под влиянием хлороформа. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; уви-

¹ Щипать корпию – щипать из тряпок нитки, употреблявшиеся прежде вместо ваты.

дите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, — увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...

Выходя из этого дома страданий, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но вместе с тем в созерцании этих страданий почерпнете сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости пойдете на бастионы...

«Что значит смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?» Но вид чистого неба, блестящего солнца, красивого города, отворенной церкви и движущегося по разным направлениям военного люда скоро приведет ваш дух в нормальное состояние легкомыслия, маленьких забот и увлечения одним настоящим. <...>

Недалекий свист ядра или бомбы, в то самое время как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймете, и совсем иначе, чем понимали прежде, значение тех звуков выстрелов, которые вы слушали в городе. Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснет в вашем воображении; собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему, и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, — вы заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору. Только что вы немного взобрались на гору, справа и слева от вас начинают жужжать штуцерные пули, и вы, может быть, призадумаетесь, не идти ли вам по траншее, которая ведет параллельно с дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена, что вы непременно выберете дорогу по горе, тем более что вы видите, *все идут по дороге*. Пройдя шагов двести, вы входите в изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон турами, насыпями, погребями, платформами, землянками, на которых стоят большие чугунные орудия и правильными кучами лежат ядра. Все это кажется вам нагроможденным без всякой цели, связи и порядка. Где на батарее сидит кучка матросов, где посередине площадки, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка, где пехотный солдатик, с ружьем переходящий через батареи и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи; везде, со всех сторон и во всех местах, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, следы лагеря, и все это затопленное в жидкой, вязкой грязи. Как вам кажется, недалеко от себя слышите вы

удар ядра, со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль — жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как струна, — слышите ужасный гул выстрела, потрясающий всех вас, и который вам кажется чем-то ужасно страшным.

«Так вот он, четвертый бастион, вот оно, это страшное, действительно ужасное место!» — думаете вы себе, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не четвертый бастион. Это Язоновский редут — место сравнительно очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на четвертый бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрел пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобуваются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугунок во всевозможных видах. Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под бруствером, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытного, с удовольствием покажет вам свое хозяйство и все, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свертывает папироску из желтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно, без малейшей аффектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно расспрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам, — но только, ежели вы его расспросите, — про бомбардирование пятого числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось восемь человек, и как все-таки на другое утро шестого он *палил*¹ из всех орудий; расскажет вам, как пятого попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет

¹ Моряки все говорят палить, а не стрелять. (Прим. Л.Н. Толстого.)

вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь как в тридцати-сорока саженях. Одного я боюсь, что под влиянием жужжания пуль, высываясь из амбразуры, чтобы посмотреть неприятеля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этот белый каменистый вал, который так близко от вас и на котором вспыхивают белые дымки, этот-то белый вал и есть неприятель — он, как говорят солдаты и матросы.

Даже очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. «Послать комендора и прислугу к пушке», — и человек четырнадцать матросов живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, подойдут к пушке и зарядят ее. Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства. <...>

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, — идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди беспрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине. Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и все-таки не

было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — о временах, когда этот герой, достойный Древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», — и наши русские, не способные к фразерству, отвечали: «Умрем! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...

Уже вечерееет. Солнце перед самым закатом вышло из-за серых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им.

Севастополь. 1885 года, 25 апреля

1. Из каких картин складывается панорама обороны Севастополя?
2. Как ведут себя люди в осажденном городе? Что поражает рассказчика в их поведении? Какие истины он открывает для себя?
3. Л.Н. Толстой показывает в этом рассказе «войну в настоящем ее выражении». Как вы поняли, что это значит?
4. Какие главные черты, составляющие силу русского народа, увидел рассказчик в лицах солдат, в их поведении?
5. В чем видит Л.Н. Толстой побудительную причину самоотверженности защитников Севастополя. Почему он считает, что это чувство «стыдливое в русском»?
6. С какой целью автор так подробно описывает собственные переживания, состояние своей души?
7. Как писатель делает читателей сопричастными всему происходящему?

М.Ю. Лермонтов

Сон

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь сочилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня – но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена:

И снилась ей долина Дагестана:
Знакомый труп лежал в долине той:
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841г.

1. О чем, по-вашему, это стихотворение: о предчувствии гибели? о смерти солдата? о трагедии оборванной жизни?..
2. В чем драматизм этого стихотворения? Что делает мир враждебным герою?
3. Как вы понимаете смысл заглавия этого стихотворения?
4. Прочитайте стихи о войне поэтов XX века. Найдите в каждом мысли и чувства, созвучные стихотворению Лермонтова.

Семен Гудзенко

Перед атакой

Когда на смерть идут – поют,
а перед этим –
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв.

И умирает друг.
И, значит, смерть проходит
мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним
идет охота.
Будь проклят
сорок первый год.
и вмерзшая в снега пехота.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв.

И лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
не в силах ждать.

И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шеи.

Был бой короткий.

А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

Октябрь 1942 г.

Булат Окуджава

До свидания, мальчики...

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли,
Повзрослели они до поры.
На пороге едва помаячили
И ушли – за солдатом солдат...
До свидания, мальчики!

Мальчики,
Постарайтесь вернуться назад!
Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
Не жалейте ни пуль, ни гранат,
И себя не падайте ...
Но все-таки
Постарайтесь вернуться назад!
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
Вместо свадеб – разлуки и дым.

Наши девочки платица белые
Раздарили сестренкам своим.
Сапоги – ну куда от них денешься! –
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки,
Мы сведем с ними счеты потом!
Пусть болтают, что верить вам не во что,
Что идете войной наугад...
До свидания, девочки!

Девочки,
Постарайтесь вернуться назад!

Константин Симонов

Жди меня

В.С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: – Повезло. –
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941г.

Мария Петровых

Апрель 1942 года

Свирепая была зима,
Полгода лютовал мороз.
Наш городок сходил с ума,
По грудь сугробами зарос.
Казалось, будет он сметен –
Здесь ветры с четырех сторон,
Сквозь город им привольно дуть,
Сшибаясь грудь о грудь.
Они продрогший городок
Давно бы сдули с ног,
Но разбивалась в прах пурга
О тяжкие снега.

И вот апрель в календаре,
Земля в прозрачном серебре,
Хрустящем на заре.
И солнце светит горячей,
И за ручьем бежит ручей.
Скворцы звенят наперебой,
И млеет воздух голубой.
И если б только не война,
Теперь была б весна.

1942 г.

Лошади в океане

Лошади умеют плавать,
Но – не хорошо. Недалеко.

«Глория» по-русски значит «Слава», –
Это вам запомнится легко.

Шел корабль, своим названием гордый,
Океан старался перевозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков четыре тыщи!
Счастья все ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
Нету мест на лодках и плотках?

Плыл по океану рыжий остров.
В море в синем остров плыл гнедой.

И сперва казалось – плавать просто,
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края.
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

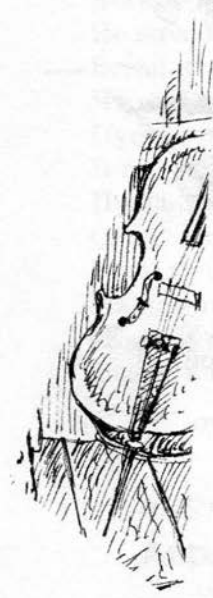
Вот и все. А все-таки мне жаль их –
Рыжих, не увидевших земли.

1. Как продолжает стихотворение Б. Окуджавы тему стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон»?
2. Какой вы увидели войну в стихотворениях С. Гудзенко и Б. Окуджавы? Что объединяет эти два стихотворения?
3. Перечитайте последние две строчки стихотворения С. Гудзенко. Каков смысл этой детали, подробности?
4. Как вы поняли две последние строчки стихотворения М. Петровых? С чем сравнивает войну поэтесса?
5. Как по-разному поэты показывают противоестественность и бессмысленность войны?
6. О каких человеческих ценностях заставляют задуматься все эти стихотворения?
7. Попробуйте сформулировать отношение к войне авторов, чьи стихи вы прочитали.

Глава 20 (продолжение письма)

«Верочка, тебе пришлось прочитать несколько тяжелых, очень серьезных произведений. Но, наверное, нельзя до конца понять, что такое счастье, если не знаешь, что такое горе, и оценить до конца то, что имеешь, можно только тогда, когда возникает реальная угроза все это потерять. Чем больше я читаю и думаю о людях, тем больше понимаю, что человек – удивительное существо. Он может совершать и прекрасные, и чудовищные поступки, в нем соединяется и высокое, и мелкое, ничтожное; и дурное, и хорошее. Поэтому невозможно, по моему, судить о человеке однозначно: плохой – хороший, все гораздо сложнее. Подумай об этом, когда будешь читать два следующих рассказа. Автор одного из них – Александр Грин, автор второго – американский писатель О.Генри».

Ребята, прежде чем вы читаете эти произведения, мы просим вас ответить на такие вопросы:

1. Что вы вкладываете в понятия «хороший человек», «плохой человек»?
2. Как вы отличаете хорошие поступки от плохих?

А. Грин

Четырнадцать футов¹

I

Итак, она вам отказала обоим? — спросил на прощанье хозяин степной гостиницы. — Что вы сказали?

Род молча приподнял шляпу и зашагал; так же поступил Кист. Рудокопы досадовали на себя за то, что разболтались вчера вечером, под властью винных паров. Теперь хозяин пытался подтрунить над ними; по крайней мере, этот его последний вопрос почти не скрывал усмешки.

Когда гостиница исчезла за поворотом, Род, неловко усмехаясь, сказал:

— Это ты захотел водки. Не будь водки, у Кэт не горели бы щеки от стыда за наш разговор, даром что девушка за две тысячи миль от нас. Какое дело этой акуле...

— Но что же особенного узнал трактирщик? — хмуро возразил Кист. — Ну... любил ты... любил я... любили одну. Ей — все равно... Вообще, был ведь разговор этот о женщинах.

— Ты не понимаешь, — сказал Род. — Мы сделали нехорошо по отношению к ней: произнесли ее имя в... за стойкой. Ну, и довольно об этом.

Несмотря на то что девушка крепко сидела у каждого в сердце, они остались товарищами. Не известно, что было бы в случае предпочтения. Сердечное несчастье даже сблизило их; оба они, мысленно, смотрели на Кэт в телескоп, а никто так не сроден друг другу, как астрономы. Поэтому их отношения не нарушались.

Как сказал Кист: «Кэт было все равно». Но не совсем. Однако она молчала.

II

«**К**то любит, тот идет до конца». Когда оба — Род и Кист — пришли попрощаться, она подумала, что вернуться и снова повторить объяснение должен самый сильный и стойкий в чувстве своем. Так, может быть немного жестоко, рассуждал восемнадцатилетний Соломон в юбке. Между тем оба нравились девушке. Она не понимала, как можно отойти от нее далее четырех миль без желания вернуться через двадцать четыре часа. Однако серьезный вид рудокопов, их плотно уложенные мешки и те слова, какие говорят только при настоящей разлуке, немного разозлили ее. Ей было душевно трудно, и она отомстила за это.

— Ступайте, — сказала Кэт. — Свет велик. Не все же будете вы вдвоем припадать к одному окошку.

¹ Фут — мера длины, равная примерно 0,30 м.

Говоря так, думала она вначале, что скоро, очень скоро явится веселый, живой Кист. Затем прошел месяц, и внушительность этого срока перевела ее мысли к Роду, с которым она всегда чувствовала себя проще. Род был большеголов, очень силен и малоразговорчив, но смотрел на нее так добродушно, что она однажды сказала ему: «Цып-цып...»

III

Прямой путь в Солнечные Карьеры лежал через смещение скал – отрог цепи, пересекающий лес. Здесь были тропинки, значение и связь которых путники узнали в гостинице. Почти весь день они шли, придерживаясь верного направления, но к вечеру начали понемногу сбиваться. Самая крупная ошибка произошла у Плоского Камня – обломка скалы, некогда сброшенного землетрясением. От усталости память о поворотах изменила им, и они пошли вверх, когда надо было идти мили полторы влево, а затем начать восхождение.

На закате солнца, выбравшись из дремучих дебрей, рудокопы увидели, что путь им прегражден трещиной. Ширина пропасти была значительна, но в общем казалась, на подходящих для того местах, доступной скачку коня.

Видя, что заблудились, Кист разделился с Родом: один пошел направо, другой – налево; Кист выбрался к непроходимым обрывам и возвратился; через полчаса вернулся и Род – его путь привел к разделению трещины на ложа потоков, падавших в бездну.

Путники сошлись и остановились в том месте, где вначале увидели трещину.

IV

Так близко, так доступно коротенькому мостку стоял перед ними противоположный край пропасти, что Кист с досадой топнул и почесал затылок. Край, отделенный трещиной, был сильно покат к отвесу: и покрыт щебнем, однако из всех мест, по которым они прошли, разыскивая обход, это место являло наименьшую ширину. Забросив бечевку с привязанным к ней камнем, Род смерил досадное расстояние: оно было почти четырнадцать футов. Он оглянулся: сухой, как щетка, кустарник полз по вечернему плоскогорью; солнце садилось.

Они могли бы вернуться, потеряв день или два, но далеко впереди, внизу, блестела тонкая петля Асценды, от закругления которой направо лежал золотоносный отрог Солнечных Гор. Одолеть трещину – значило сократить путь не меньше как дней на пять. Между тем обычный путь с возвращением на старый свой след и путешествие по изгибу реки составляли большое римское «S», которое теперь предстояло им пересечь по прямой линии.

– Будь дерево, – сказал Род, – но нет этого дерева. Нечего перекинуть и не за что уцепиться на той стороне веревкой. Остается прыжок.

Кист осмотрелся, затем кивнул. Действительно, разбег был удобен: слегка покато он шел к трещине.

– Надо думать, что перед тобой натянута черное полотно, – сказал Род, – только и всего. Представь, что пропасти нет.

– Разумеется, – сказал Кист рассеянно. – Немного холодно... Точно купаться.

Род снял с плеч мешок и перебросил его; так же поступил и Кист. Теперь им не оставалось ничего другого, как следовать своему решению.

– Итак... – начал Род, но Кист, более нервный, менее способный нести ожидание, отстраняюще протянул руку, – сначала я, а потом ты, – сказал он. – Это совершенные пустяки. Чепуха! Смотри.

Действуя сгоряча, чтобы предупредить приступ простительной трусости, он отошел, разбежался и, удачно поддав ногой, перелетел к своему мешку, брякнувшись плашмя грудью. В зените этого отчаянного прыжка Род сделал внутреннее усилие, как бы помогая прыгнувшему всем своим существом.

Кист встал. Он был немного бледен.

– Готово, – сказал Кист. – Жду тебя с первой почтой.

Род медленно отошел на возвышение, рассеянно потер руки и, нагнув голову, помчался к обрыву. Его тяжелое тело, казалось, рванется с силой птицы. Когда он разбежался, а затем поддал, отделившись на воздух, Кист, неожиданно для себя, представил его срывающимся в бездонную глубину. Это была подлая мысль – одна из тех, над которыми человек не властен. Возможно, что она передалась прыгавшему. Род, оставляя землю, неосторожно взглянул на Киста – и это сбило его.

Он упал грудью на край, тотчас подняв руку и уцепившись за руку Киста. Вся пустота низа ухнула в нем, но Кист держал крепко, успев схватить падающего на последнем волоске времени. Еще немного – рука Киста скрылась бы в пустоте. Кист лег, скользя на осыпающихся мелких камнях по пыльному закруглению. Его рука вытянулась и помертвела от тяжести тела Рода, но, царапая ногами и свободной рукой землю, он с бешенством жертвы, с тяжелым вдохновением риска удерживал сдавленную руку Рода.

Род хорошо видел и понимал, что Кист ползет вниз. «Отпусти!» – сказал Род так страшно и холодно, что Кист с отчаянием крикнул о помощи, сам не зная кому. «Ты свалишься, говорю тебе, – продолжал Род, – отпусти меня и не забывай, что именно на тебя посмотрела она особенно».

Так выдал он горькое, тайное свое убеждение. Кист не ответил. Он молча искупал свою мысль – мысль о прыжке Рода вниз. Тогда Род вынул свободной рукой из кармана складной нож, открыл его зубами и вонзил в руку Киста. Рука разжалась...

Кист взглянул вниз, затем, еле удержавшись от падения сам, отполз и перетянул руку платком. Некоторое время он сидел тихо, держась за сердце, в котором стоял гром, наконец лег и начал тихо трястись всем телом, прижимая руку к лицу.

Зимой следующего года во двор фермы Карроля вошел прилично одетый человек и не успел оглянуться, как, хлопнув внутри дома не-

сколькими дверьми, к нему, распутав кур, стремительно выбежала молодая девушка с независимым видом, но с вытянутым и напряженным лицом.

— А где Род? — поспешно спросила она, едва подала руку. — Или вы один, Кист?!

«Если ты сделала выбор, то не ошиблась», — подумал вошедший.

— Род... — повторила Кэт. — Ведь вы были всегда вместе...

Кист кашлянул, посмотрел в сторону и рассказал все.

1. Что объединяет Рода и Киста, кроме любви к Кэт?
2. Как вы думаете, любила ли Кэт кого-нибудь из них?
3. Как вы расцениваете «подлую мысль» Киста? Виновен ли он в гибели Рода?
4. Почему Род не дал погибнуть Кисту?
5. Перечитайте внимательно сцену прихода Киста в дом Кэт. Как вы понимаете ее смысл?
6. Какие детали придают рассказу напряжение и ощущение опасности?
7. Объясните смысл названия рассказа. Как название связано с основной идеей рассказа?

О.Генри

Последний лист

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два.

И вот в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы люди искусства набрали на своеобразный квартал Гринич-Виллидж. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэн, другая — из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, пикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от кали-

форнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крапеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, — сказал он, страхи-вая ртуть в термометре. — И то если она сама захочет жить. Вся наша фармакопоя теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

— Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

— Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать?

— Да нет, доктор, ничего подобного нет.

— Ну, тогда она просто ослабла, — решил доктор. — Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть один раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти вместо одного из десяти.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шепот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать, — произнесла она, и немного погодя: — Одиннадцать, — а потом: — Десять и девять, — а потом: — Восемь и семь — почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое, милая? — спросила Сью.

— Шесть, — едва слышно ответила Джонси. — Теперь они облетают быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

— Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

– Листьев. На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

– Первый раз слышу такую глупость! – с великолепным презрением отпаривала Сью. – Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня утром доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?... Что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь, в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

– Вина тебе покупать больше не надо, – отвечала Джонси, пристально глядя в окно. – Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

– Джонси, милая, – сказала Сью, наклоняясь над ней, – обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать эти иллюстрации завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

– Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? – холодно спросила Джонси.

– Мне бы хотелось посидеть с тобой, – сказала Сью. – А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

– Скажи мне, когда кончишь, – закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, – потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, – лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

– Постарайся уснуть, – сказала Сью. – Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже, под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевельновыми ягодами, в его полутемной каморке нижнего этажа. В одном углу уже двадцать

первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

— Что! — кричал он. — Возможна ли такая глупость — умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать себе голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, — если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

— Вот настоящая женщина! — закричал Берман. — Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

— Подними ее, я хочу посмотреть, — шепотом скомандовала Джонси. Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща — последний! Все еще темно-зеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

— Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

— Да бог с тобой! — сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. — Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему земному. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с

наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низко нависшей голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди, — сказала Джонси. — Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немножко бульона, а потом молока. Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

— Сьюди, я надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные, — сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же день к вечеру Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, — начала она. — Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

Глава 21 (окончание письма)

«Дорогая моя девочка, я очень рада, если смогла доставить тебе удовольствие. Открою секрет: рассказы Грина и О'Генри, которые ты читала, — одни из самых моих любимых. И еще я очень благодарна тебе за то, что ты дала мне возможность вновь вспомнить, перечитать любимые вещи, подумать над ними вместе с тобой. Мне очень приятно, что у нас с тобой появляется все больше тем для разговора, ты уже научилась формулировать свое собственное мнение, а еще для меня самой большая радость в том, что ты научилась любить и понимать настоящий русский литературный язык, его красоту и неповторимость.

Я думала о том, что бы тебе прочесть после таких мастеров слова, как Толстой, Тургенев, Паустовский, Грин, и решила предложить тебе подняться к истокам нашей национальной литературы — к творчеству Пушкина. Без него твое открытие мира не будет полным, как не будет полным и наш разговор о художественной детали, о мастерстве писателя в изображении человека.

А.С. Пушкин

Выстрел

Стрелялись мы.
Баратынский

Я поклялся застрелить его по праву дуэли
(за ним остался еще мой выстрел).
Вечер на бивуаке

I

Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна. Утром ученье, манеж; обед у полкового командира или в жиновском трактире; вечером пунш и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы собирались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где

жил он вместе и бедно и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сертуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, но шампанское лилось притом рекою. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том его спрашивать. У него водились книги, большею частию военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета. Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные. Богатое собрание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он жил. Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить группу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы. Разговор между нами касался часто поединков; Сильвио (так назову его) никогда в него не вмешивался. На вопрос, случалось ли ему драться, отвечал он сухо, что случалось, но в подробности не входил, и видно было, что таковые вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем, нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк. Долго он отказывался, ибо никогда почти не играл; наконец велел подать карты, высыпал на стол полсотни червонцев и сел метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвио имел обыкновение за игрою хранить совершенное молчание, никогда не спорил и не объяснялся. Если понтёру случалось обсчитаться, то он тотчас или доплачивал достальное, или записывал лишнее. Мы уж это знали и не мешали ему хозяйничать по-своему; но между нами находился офицер, недавно к нам переведенный. Он, играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол. Сильвио взял мел и уравнил счет по своему обыкновению. Офицер, думая, что он ошибся, пустился в объяснения. Сильвио молча продолжал метать. Офицер, потеряв терпение, взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным. Сильвио взял мел и записал снова. Офицер, разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным и, в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел отклониться от удара. Мы смутились. Сильвио встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами сказал: «Милостивый государь, извольте выйти, и благодарите Бога, что это случилось у меня в доме».

Мы не сомневались в последствиях и полагали нового товарища уже убитым. Офицер вышел вон, сказав, что за обиду готов отвечать, как будет угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще несколько

минут; но, чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали один за другим и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой вакансии.

На другой день в манеже мы спрашивали уже, жив ли еще бедный поручик, как сам он явился между нами; мы сделали ему тот же вопрос. Он отвечал, что об Сильвио не имел он еще никакого известия. Это нас удивило. Мы пошли к Сильвио и нашли его на дворе, сажающего пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам. Он принял нас по-обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнем происшествии. Прошло три дня, поручик был еще жив. Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? Сильвио не дрался. Он довольствовался очень легким объяснением и помирился.

Это было чрезвычайно повредило ему во мнении молодежи. Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков. Однако ж мало-помалу все было забыто, и Сильвио снова приобрел прежнее свое влияние.

Один я не мог уже к нему приблизиться. Имея от природы романтическое воображение, я всех сильнее прежде сего был привязан к человеку, коего жизнь была загадкою и который казался мне героем таинственной какой-то повести. Он любил меня; по крайней мере со мной одним оставлял обыкновенное свое резкое злоречие и говорил о разных предметах с простодушием и необыкновенною приятностию. Но после несчастного вечера мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной вине, эта мысль меня не покидала и мешала мне обходиться с ним по-прежнему; мне было совестно на него глядеть. Сильвио был слишком умен и опытен, чтобы этого не заметить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мере я заметил раза два в нем желание со мною объясниться; но я избегал таких случаев, и Сильвио от меня отступился. С тех пор видался я с ним только при товарищах, и прежние откровенные разговоры наши прекратились.

Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например об ожидании почтового дня: во вторник и пятницу полковая наша канцелярия бывала полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обыкновенно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную. Сильвио получал письма, адресованные в наш полк, и обыкновенно тут же находился. Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения. Пробегая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не заметили. «Господа, — сказал им Сильвио, — обстоятельства требуют немедленного моего отсутствия; еду сегодня в ночь; надеюсь, что вы не откажетесь отобедать у меня в последний раз. Я жду и вас, — продолжал он, обратившись ко мне, — жду непременно». С сим словом он поспешно вышел; а мы, согласясь соединиться у Сильвио, разошлись каждый в свою сторону.

Я пришел к Сильвио в назначенное время и нашел у него почти весь полк. Все его добро было уже уложено; оставались одни голые, простреленные стены. Мы сели за стол; хозяин был чрезвычайно в духе, и скоро веселость его соделалась общею; пробки хлопали поминутно, стаканы пенились и шипели беспрестанно, и мы со всевозможным усердием желали отъезжающему доброго пути и всякого блага. Встали из-за стола уже поздно вечером. При разборе фуражек Сильвио, со всеми прощаясь, взял меня за руку и остановил в ту самую минуту, как собирался я выйти. «Мне нужно с вами поговорить», — сказал он тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоем, сели друг противу друга и молча закурили трубки. Сильвио был озабочен; не было уже и следов его судорожной веселости. Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола. Прошло несколько минут, и Сильвио прервал молчание.

— Может быть, мы никогда больше не увидимся, — сказал он мне, — перед разлукой я хотел с вами объяснить. Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление.

Он остановился и стал набивать выгоревшую свою трубку; я молчал, потупя глаза.

— Вам было странно, — продолжал он, — что я не требовал удовлетворения от этого пьяного сумасброда Р***. Вы согласитесь, что, имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках, а моя почти безопасна: я мог бы приписать умеренность мою одному великодушию, но не хочу лгать. Если б я мог наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я б ни за что не простил его.

Я смотрел на Сильвио с изумлением. Таковое признание совершенно смутило меня. Сильвио продолжал:

— Так точно: я не имею права подвергать себя смерти. Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив.

Любопытство мое сильно было возбуждено. — Вы с ним не дрались? — спросил я. — Обстоятельства, верно, вас разлучили?

— Я с ним дрался, — отвечал Сильвио, — и вот памятник нашего поединка.

Сильвио встал и вынул из картонной папки с золотой кистью, с галуном (то, что французы называют *bonnet de police*)¹; он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба.

— Вы знаете, — продолжал Сильвио, что я служил в *** гусарском полку. Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолodu это было во мне страстию. В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии. Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым. Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня, как на необходимое зло.

Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моею славою, как определился к нам молодой человек богатой и знатной фамилии (не хочу назвать его). Отроду не встречал счастливец столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами. Первенство мое колебалось. Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества; но я принял его холодно, и он безо всякого сожаления от меня удалился. Я его возненавидел. Успехи его в полку и в обществе женщин приводили меня в совершенное отчаяние. Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, не в пример были веселее: он шутил, а я злобствовал. Наконец однажды на бале у польского помещика, видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною в связи, я сказал ему на ухо какую-то плоскую грубость. Он вспыхнул и дал мне пощечину. Мы бросились к саблям; дамы попадали в обморок; нас растащили, и в ту же ночь поехали мы драться.

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жар уже напевал. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмерили нам двенадцать шагов. Мне должно было стрелять первому: но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел; противник мой не соглашался. Положили бросить жребий: первый номер достался ему, вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равно-

душие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишиться его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. «Вам, кажется, теперь не до смерти, — сказал я ему, — вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать». — «Вы ничуть не мешаете мне, — возразил он, — извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно: выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам». Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился.

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Ныне час мой настал...

Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что *известная особа* скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

— Вы догадываетесь, — сказал Сильвио, — кто эта *известная особа*. Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!

При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно; странные, противоположные чувства волновали меня.

Слуга вошел и объявил, что лошади готовы. Сильвио крепко сжал мне руку; мы поцеловались. Он сел в тележку, где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками. Мы простились еще раз, и лошади поскакали.

II

Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке Н** уезда. Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении. До обеда кое-как еще дотягивал я время, толкуя со старостой, разъезжая по работам или обходя новые заведения; но коль скоро начинало смеркаться, я совершенно не знал куда деваться. Малое число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, были вытвержены мною наизусть. Все сказки, которые только могла запомнить ключница Кириловна, были мне пересказаны; песни баб наводили на меня тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да, признаюсь, побоялся я сделаться *пьяницею с горя*, то есть самым *горьким* пьяницею, чему примеров множество видел я в нашем уезде. Близких соседей около меня не было, кроме двух или трех *горьких*, коих беседа состояла большею частию в икоте и вздыханиях. Уединение было сноснее.

В четырех верстах от меня находилось богатое поместье, принадлежащее графине Б***; но в нем жил только управитель, а графиня посещала свое поместье только однажды, в первый год своего замужества,

и то прожила там не более месяца. Однако ж во вторую весну моего затворничества разнесся слух, что графиня с мужем приедет на лето в свою деревню. В самом деле, они прибыли в начале июня месяца.

Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей. Помещики и их дворовые люди толкуют о том месяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть, и потому в первое воскресенье по ее приезде отправился после обеда в село *** рекомендоваться их сиятельствам, как ближайший сосед и всепокорнейший слуга.

Лакей ввел меня в графский кабинет, а сам пошел обо мне доложить. Обширный кабинет был убран со всевозможною роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало; пол обит был зеленым сукном и устлан коврами. Отвыкнув от роскоши в бедном углу моем и уже давно не видав чужого богатства, я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра. Двери отворились, и вошел мужчина лет тридцати двух, прекрасный собою. Граф приблизился ко мне с видом открытым и дружелюбным; я старался ободриться и начал было себя рекомендовать, но он предупредил меня. Мы сели. Разговор его, свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость; я уже начинал входить в обыкновенное мое положение, как вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего. В самом деле, она была красавица. Граф представил меня; я хотел казаться развязным, но чем больше старался взять на себя вид непринужденности, тем более чувствовал себя неловким. Они, чтоб дать мне время оправиться и привыкнуть к новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною как с добрым соседом и без церемонии. Между тем я стал ходить взад и вперед, осматривая книги и картины. В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание. Она изображала какой-то вид из Швейцарии; но поразила меня в ней не живопись, а то, что картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую.

— Вот хороший выстрел, — сказал я, обращаясь к графу.

— Да, — отвечал он, — выстрел очень замечательный. А хорошо выстреляете? — продолжал он.

— Изрядно, — отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого. — В тридцати шагах промаху в карту не дам, разумеется из знакомых пистолетов.

— Право? — сказала графиня, с видом большой внимательности, — а ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?

— Когда-нибудь, — отвечал граф, — мы попробуем. В свое время я стрелял не худо; но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета.

— О, — заметил я, — в таком случае бьюсь об заклад, что ваше сиятельство не попадете в карту и в двадцати шагах: пистолет требует ежедневного упражнения. Это я знаю на опыте. У нас в полку я считался

одним из лучших стрелков. Однажды случилось мне целый месяц не брать пистолета: мои были в починке; что же бы вы думали, ваше сиятельство? В первый раз, как стал потом стрелять, я дал сряду четыре промаха по бутылке в двадцати пяти шагах. У нас был ротмистр, остряк, забавник; он тут случился и сказал мне: знать, у тебя, брат, рука не подымается на бутылку. Нет, ваше сиятельство, не должно пренебрегать этим упражнением, не то отвыкнешь как раз. Лучший стрелок, которого удалось мне встречать, стрелял каждый день, по крайней мере три раза перед обедом. Это у него было заведено, как рюмка водки.

Граф и графиня рады были, что я разговорился.

— А каково стрелял он? — спросил меня граф.

— Да вот как, ваше сиятельство: бывало, увидит он, села на стену муха: вы смеетесь, графиня? Ей-богу, правда. Бывало, увидит муху и кричит: «Кузька, пистолет!» Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавит муху в стену!

— Это удивительно! — сказал граф, — а как его звали?

— Сильвио, ваше сиятельство.

— Сильвио! — вскричал граф, вскочив со своего места. — Вы знали Сильвио?

— Как не знать, ваше сиятельство; мы были с ним приятели; он в нашем полку принят был как свой брат товарищ; да вот уж лет пять, как об нем не имею никакого известия. Так и ваше сиятельство, стало быть, знали его?

— Знал, очень знал. Не рассказывал ли он вам... но нет; не думаю; не рассказывал ли он вам одного очень странного происшествия?

— Не пощечина ли, ваше сиятельство, полученная им на бале от какого-то повесы?

— А сказывал он вам имя этого повесы?

— Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах! ваше сиятельство, — продолжал я, догадываясь об истине, — извините... я не знал... уж не вы ли?..

— Я сам, — отвечал граф с видом чрезвычайно расстроенным, — а простреленная картина есть памятник последней нашей встречи...

— Ах, милый мой, — сказала графиня, — ради бога не рассказывай; мне страшно будет слушать.

— Нет, — возразил граф, — я все расскажу; он знает, как я обидел его друга: пусть же узнает, как Сильвио мне отомстил.

Граф подвинул мне кресла, и я с живейшим любопытством услышал следующий рассказ.

«Пять лет тому назад я женился. — Первый месяц, the honey-moon¹, провел я здесь, в этой деревне. Этому дому обязан я лучшими минутами жизни и одним из самых тяжелых воспоминаний.

Однажды вечером ездили мы вместе верхом; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой; я поехал вперед. На дворе увидел я дорожную телегу; мне ска-

зали, что у меня в кабинете сидит человек, не хотевший объявить своего имени, но сказавший просто, что ему до меня есть дело. Я вошел в эту комнату и увидел в темноте человека, запыленного и обросшего бородой; он стоял здесь у камина. Я подошел к нему, стараясь припомнить его черты. «Ты не узнал меня, граф?» – сказал он дрожащим голосом. «Сильвио!» – закричал я, и, признаюсь, я почувствовал, как волосы стали вдруг на мне дыбом. «Так точно, – продолжал он, – выстрел за мною; я приехал разрядить мой пистолет; готов ли ты?» Пистолет у него торчал из бокового кармана. Я отмерил двенадцать шагов и стал там в углу, прося его выстрелить скорее, пока жена не воротилась. Он медлил – он спросил огня. Подали свечи. Я запер двери, не велел никому входить и снова просил его выстрелить. Он вынул пистолет и прицелился... Я считал секунды... я думал о ней... Ужасная прошла минута! Сильвио опустил руку. «Жалею, – сказал он, – что пистолет заряжен не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мне все кажется, что у нас не дуэль, а убийство: я не привык целить в безоружного. Начнем сызнова; кинем жребий, кому стрелять первому». Голова моя шла кругом... Кажется, я не соглашался... Наконец мы зарядили еще пистолет; свернули два билета; он положил их в фуражку, некогда мною простреленную; я вынул опять первый номер. «Ты, граф, дьявольски счастлив», – сказал он с усмешкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было и каким образом мог он меня к тому принудить... но – я выстрелил и попал вот в эту картину. (Граф указывал пальцем на простреленную картину; лицо его горело как огонь; графиня была бледнее своего платка; я не мог воздержаться от восклицания.)

– Я выстрелил, – продолжал граф, – и, слава богу, дал промах; тогда Сильвио... (в эту минуту он был, право, ужасен) Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отворились, Маша вбегает и с визгом кидается мне на шею. Ее присутствие возвратило мне всю бодрость. «Милая, – сказал я ей, – разве ты не видишь, что мы шутим? Как же ты перепугалась! поди, выпей стакан воды и приди к нам; я представлю тебе старинного друга и товарища». Маше все еще не верилось. «Скажите, правду ли муж говорит? – сказала она, обращаясь к грозному Сильвио, – правда ли, что вы оба шутите?» – «Он всегда шутит, графиня, – отвечал ей Сильвио, – однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить...» С этим словом он хотел в меня прицелиться... при ней! Маша бросилась к его ногам. «Встань, Маша, стыдно! – закричал я в бешенстве, – а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной? Будете ли вы стрелять или нет?» – «Не буду, – отвечал Сильвио, – я доволен: я видел твое смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести». Тут он было вышел, но остановился в дверях, оглянулся на простреленную мною картину, выстрелил в нее, почти не целясь, и скрылся. Жена лежала в обмороке; люди не смели его остановить и с ужасом на него

глядели; он вышел на крыльцо, кликнул ямщика и уехал, прежде чем успел я опомниться».

Граф замолчал. Таким образом узнал я конец повести, коей начало некогда так поразило меня. С героем оной уже я не встречался. Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами.

1. Найдите в тексте детали, с помощью которых автор характеризует своего героя Сильвио. Какую особенность вы заметили?
2. Почему Сильвио отказался стреляться с офицером Р***?
3. Почему графа так испугало появление Сильвио?
4. Что доказал Сильвио графу? Какова была первопричина их конфликта?
5. Почувствовал ли Сильвио себя отомщенным? Аргументируйте свой ответ.
6. Можно ли назвать графа и Сильвио благородными людьми?
7. Может ли месть быть смыслом жизни?
8. В повести есть одна деталь: внимание рассказчика в доме графа привлекает картина, которая «была прострелена двумя пулями, всажёнными одна на другую». Какой смысл имеет эта подробность?
9. Как вы понимаете смысл эпиграфа?

Домашнее чтение.

Найдите и прочитайте самостоятельно повести А.С.Пушкина «Метель» и «Барышня-крестьянка» из цикла «Повести Белкина», подумайте над вопросами.

1. Показался ли вам необычным сюжет повести «Метель»? Бывает ли так в жизни?
2. Был ли наказан Бурмин за свой легкомысленный поступок?
3. Как вы думаете, почему судьба в конце концов вознаградила Бурмина и Машу?
4. Знакомы ли вам строчки В.А. Жуковского, взятые А.С. Пушкиным в качестве эпиграфа к повести «Метель»? Как вы понимаете смысл эпиграфа?
1. Найдите в тексте слова – авторскую характеристику Лизы. Как автор относится к героине? Есть ли в повести прямые оценки?
2. В чем смысл эпиграфа к повести?
3. Какая из трех прочитанных повестей кажется вам наиболее светлой и оптимистичной? Почему?
4. Как вы думаете, что объединяет все прочитанные вами повести? Почему Пушкин для этих историй выбрал жанр повести?
5. Какой «мир вокруг» открыли вам повести Пушкина?
6. Что такое благородство в понимании героев повестей?

А. С. Пушкин

Дубровский

ТОМ ПЕРВЫЙ

Глава I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи были рады угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия¹ как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе. В одном из флигелей его дома жили 16 горничных, занимаясь рукоделиями, свойственными их полу. Окна во флигеле были загорожены деревянною решеткою; двери запирались замками, от коих ключи хранились у Кирила Петровича. Молодые затворницы в положенные часы сходили в сад и прогуливались там под надзором двух старух. От времени до времени Кирила Петрович выдавал некоторых из них замуж, и новые поступали на их место. С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно; но они тщеславились² богатством и славою своего господина и в свою очередь позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашние занятия Троекурова состояли в разъездах около пространных его владений, в продолжительных пирах и проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали за исключением одного Андрея Гавриловича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик³ гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Троекуров, надменный⁴ в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по

¹ Подобостра́стие – лстивость, угодливость.

² Тщесла́вились – хвалились, кичились.

³ Порúчик – третий по счету офицерский чин в русской армии.

⁴ Надме́нный – высокомерный, кичливый.

службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принужден был выйти в отставку и поселиться в остальной¹ своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф², приехал в свое поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходились отчасти и в характерах и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говаривал Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович: коли в твоём Володьке будет путь, так отдам за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабенки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противуречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай все расстроил и переменял.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъездное поле³. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным⁴ быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперед на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своем собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак под присмотром штаб-лекаря⁵ Тимошки, и отделение, где благородные суки охотились и кормили своих щенят. Кирила Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псарне, окруженный своими гос-

¹ Остальная — последняя.

² Генерал-аншеф — полный генерал, высший армейский чин.

³ Отъездное поле — поле, отведенное для охоты.

⁴ Стремянные — дворовые, готовящие лошадей к выезду.

⁵ Штаб-лекарь — главный врач.

тами и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, вряд ли людям вашим житье такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на свое житье, — сказал он, — благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа¹, а гости вслед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями с псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского, хватился о нем. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить непременно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как еще сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разго-

¹ Холоп — крепостной крестьянин, выполняющий обязанности слуги при дворе помещика, любой из дворовых.

ряченный наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал, Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне пса-ря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопов не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский».

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было бы весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью: «Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили¹. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирила Петровича, который прибил повара, разбил гостей и на возвратном пути со всею своею охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к березовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он поспешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привел их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит: прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решился, вопреки всем понятиям о праве

войны, проучить своих пленников прутьями, коими запаслись они в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сем происшествии в тот же день дошел до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его соседа), разорить ее дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузе и фризовой¹ шинели вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя² Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кирилом Петровичем, отнеся поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый прием приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-нибудь документы или...

— Врешь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой, однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придраться?

— Мудрено, ваше высокопревосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенько.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую³, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! чего ж вам лучше? — в таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

¹ Фризная — из грубого сукна.

² Заседатель — здесь: служащий суда, помощник судьи.

³ Купчая — документ на право владения имуществом.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твое усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчет его владения селцом Кистенёвкой.

Андрей Гаврилович, изумленный неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что селцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябеда¹ и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в делах, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но в последствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте Андрей Гаврилович мало о нем беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени², но мысль соделаться жертвой ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны, Троекуров столь же мало заботился о выигрыше затеянного им дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страдая и подкупая судей и толкуя вкривь и впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года февраля 9 дня, Дубровский получил через городовую полицию приглашение явиться к ** земскому судье³ для выслушивания решения одного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

Глава II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним

¹ Ябеда — донос; здесь: незаконное притязание.

² Чернильное племя — чиновники.

³ Земский судья — выборный судья, ведавший судебными делами дворян в уезде.

приехал и Кирила Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда.

Мы помещаем его вполне, полагая, что всякому приятно будет увидеть один из способов, коими на Руси можем мы лишиться имения, на владение коим имеем неоспоримое право.

«18... года октября 27 дня ** уездный суд рассматривал дело о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским имением, принадлежащим генерал-аншефу Кирилу Петрову сыну Троекурову, состоящим ** губернии в сельце Кистенёвке, мужеска пола ** душами, да земли с лугами и угодьями ** десятин. Из коего дела видно: означенный генерал-аншеф Троекуров прошлого 18... года июня 9 дня взошел в сей суд с прошением в том, что покойный его отец, коллежский асессор и кавалер Петр Ефимов сын Троекуров в 17... году августа 14 дня, служивший в то время в ** наместническом правлении провинциальным секретарем, купил из дворян у канцеляриста Фадея Егорова сына Спицына имение, состоящее ** округи в помянутом сельце Кистенёвке (которое селение тогда по ** ревизии называлось Кистенёвскими выселками), всего значащихся по 4-й ревизии мужеска пола ** душ со всем их крестьянским имуществом, усадьбою, с пашенною и непашенною землею, лесами, сенными покосы, рыбными ловли по речке, называемой Кистенёвке, и со всеми принадлежащими к оному имению угодьями и господским деревянным домом, и, словом, всё без остатка, что ему после отца его, из дворян урядника Егора Терентьева сына Спицына по наследству досталось и во владении его было, не оставляя из людей ни единыя души, а из земли ни единого четверика, ценою за 2500 р., на что и купчая в тот же день в ** палате суда и расправы совершена, и отец его тогда же августа в 26-й день ** земским судом введен был во владение и учинен за него отказ. — А наконец 17... года сентября 6-го дня отец его волею Божиею помер, а между тем он, проситель генерал-аншеф Троекуров, с 17... года почти с малолетства находился в военной службе и по большей части был в походах за границами, почему он и не мог иметь сведения как о смерти отца его, равно и об оставшемся после его имении. Ныне же по выходе совсем из той службы в отставку и по возвращении в имения отца его, состоящие ** и ** губерниях **, ** и ** уездах, в разных селениях, всего 3000 душ, находит, что из числа таковых имений вышеписанными ** душами (коих по нынешней ** ревизии значится в том сельце всего ** душ) с землею и со всеми угодьями владеет без всяких укреплений вышеписанный гвардии поручик Андрей Дубровский, почему, представляя при оном прошении ту подлинную купчую, данную отцу его продавцом Спицыным, просит, отобрав помянутое имение из неправильного владения Дубровского, отдать по принадлежности в полное его, Троекурова, распоряже-

ние. А за несправедливое оного присвоение, с коего он пользовался получаемыми доходами, по учинении об оных надлежащего дознания, положить с него, Дубровского, следующее по законам взыскание и оным его, Троекурова, удовлетворить.

По учинении ж ** земским судом по сему прошению исследований открылось: что помянутый нынешний владелец спорного имения гвардии поручик Дубровский дал на месте дворянскому заседателю объяснение, что владеемое им ныне имение, состоящее в означенном сельце Кистенёвке, ** душ с землею и угодьями, досталось ему по наследству после смерти отца его, артиллерии подпоручика Гаврила Евграфова сына Дубровского, а ему дошедшее по покупке от отца сего просителя, прежде бывшего провинциального секретаря, а потом коллежского асессора Троекурова, по доверенности, данной от него в 17... году августа 30 дня, засвидетельствованной в ** уездном суде, титулярному советнику Григорью Васильеву сыну Соболеву, по которой должна быть от него на имение сие отцу его купчая, потому что во оной именно сказано, что он, Троекуров, всё доставшееся ему по купчей от канцеляриста Спицына имение, ** душ с землею, продал отцу его, Дубровского, и следующие по договору деньги, 3200 рублей, все сполна с отца его без возврата получил и просил одного доверенного Соболева выдать отцу его указную крепость. А между тем отцу его в той же доверенности по случаю заплаты всей суммы владеть тем покупным у него имением и распоряжаться впредь до совершения оной крепости, как настоящему владельцу, и ему, продавцу Троекурову, впредь и никому в то имение уже не вступаться. Но когда именно и в каком присутственном месте таковая купчая от поверенного Соболева дана его отцу, — ему, Андрею Дубровскому, неизвестно, ибо он в то время был в совершенном малолетстве, и после смерти его отца таковой крепости отыскать не мог, а полагает, что не сгорела ли с прочими бумагами и имением во время бывшего в 17... году в доме их пожара, о чем известно было и жителям того селения. А что оным имением со дня продажи Троекуровым или выдачи Соболеву доверенности, то есть с 17... года, а по смерти отца его с 17... года и поныне, они, Дубровские, бесспорно владели, в том свидетельствуется на оковых жителей, которые, всего 52 человека, на опрос под присягою показали, что действительно, как они могут запомнить, означенным спорным имением начали владеть помянутые гг. Дубровские назад сему лет с 70 без всякого от кого-либо спора, но по какому именно акту или крепости, им неизвестно. — Упомянутый же по сему делу прежний покупчик сего имения, бывший провинциальный секретарь Петр Троекуров, владел ли сим имением, они не запомнят. Дом же гг. Дубровских назад сему лет 30 от случившегося в их селении в ночное время пожара сгорел, причем сторонние люди допускали, что доходу означенное спорное имение может приносить, полагая с того времени в сложности, ежегодно не менее как до 2000 р.

Напротив же сего генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров 3-го января сего года взошел в сей суд с прошением, что хотя помяну-

тый гвардии поручик Андрей Дубровский и представил при учиненном следствии к делу сему выданную покойным его отцом Гаврилом Дубровским титулярному советнику Соболеву доверенность на запроданное ему имение, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершение когда-либо оной никаких ясных доказательств по силе генерального регламента 19 главы и указа 1752 года ноября 29 дня не представил. Следовательно, самая доверенность ныне, за смертью самого дателя оной, отца его, по указу 1818 года мая... дня, совершенно уничтожается. — А сверх сего —

велено спорные имения отдавать во владения — крепостные по крепостям, а некрепостные по розыску.

На каковое имение, принадлежащее отцу его, представлен уже от него в доказательство крепостной акт, по которому и следует, на основании означенных узаконений, из неправильного владения помянутого Дубровского отобрать, отдать ему по праву наследства. А как означенные помещики, имея во владении не принадлежащего им имения и без всякого укрепления, и пользовались с оного неправильно и им не принадлежащими доходами, то по исчислении, сколько таковых будет причитаться по силе... взыскать с помещика Дубровского и его, Троекурова, оными удовлетворить. По рассмотрении какового дела и учиненной из оного и из законов выписки в ** уездном суде определено:

Как из дела сего видно, что генерал-аншеф Кирила Петров сын Троекуров на означенное спорное имение, находящееся ныне во владении у гвардии поручика Андрея Гаврилова сына Дубровского, состоящее в сельце Кистенёвке, по нынешней... ревизии всего мужеска пола ** душ, с землею и угодьями, представил подлинную купчую на продажу оного покойному отцу его, провинциальному секретарю, который потом был коллежским ассессором, в 17... году из дворян канцеляристом Фадеем Спицыным, и что сверх сего сей покупатель, Троекуров, как из учиненной на той купчей надписи видно, был в том же году ** земским судом введен во владение, которое имение уже и за него отказано, и хотя напротив сего со стороны гвардии поручика Андрея Дубровского и представлена доверенность, данная тем умершим покупщиком Троекуровым титулярному советнику Соболеву для совершения купчей на имя отца его, Дубровского, но по таковым сделкам не только утверждать крепостные недвижимые имения, но даже и временно владеть по указу... воспрещено, к тому ж и самая доверенность смертию дателя оной совершенно уничтожается. Но чтоб сверх сего действительно была по оной доверенности совершена где и когда на означенное спорное имение купчая, со стороны Дубровского никаких ясных доказательств к делу с начала производства, то есть с 18... года, и по сие время не представлено. А потому сей суд и полагает: означенное имение, **душ, с землею и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во владение за него, г. Троекурова, и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать ** зем-

скому суду. А хотя сверх сего генерал-аншеф Троекуров и просит о взыскании с гвардии поручика Дубровского за неправо владение наследственным его имением воспользовавшихся с оного доходов. Но как оное имение, по показанию старожилых людей, было у гг. Дубровских несколько лет в бесспорном владении, и из дела сего не видно, чтоб со стороны г. Троекурова были какие-либо до сего времени прошения о таком неправильном владении Дубровским оного имения, к тому по уложению

велено, ежели кто чужую землю засеет или усадьбу загородит, и на того о неправильном завладении станут бить челом, и про то сыщется допрямом¹, тогда правому отдавать тую землю и с посеянным хлебом, и городьбою, и строением,

а посему генерал-аншефу Троекурову в изъявленном на гвардии поручика Дубровского иске отказать, ибо принадлежащее ему имение возвращается в его владение, не изъемя из оного ничего. А что при вводе за него оказаться может всё без остатка, предоставля между тем генерал-аншефу Троекурову, буде он имеет о таковой своей претензии какие-либо ясные и законные доказательства, может просить где следует особо. Каковое решение наперед объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызывать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия через полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда».

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под *решением* суда совершенное свое удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднес ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему свое приглашение подписать свое полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния² чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции³ куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, – продолжал он, – псари вводят собак в Божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить

¹ *Здесь*: и то окажется правдой.

² Паче чаяния – вопреки ожиданию.

³ Апелляция – обжалование судебного приговора.

от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постели; уездный лекарь, по счастью не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, представить пиявки и шпанские мухи¹. К вечеру ему стало легче, больной пришел в память. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

Глава III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского все еще было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия; редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребенком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и кроме ее не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всем молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находящегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе² и выпущен был корнетом³ в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дому более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей⁴, Гриша, его камердинер⁵, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочел следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич, — я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается, и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу

¹ Шпанские мухи — укус этих насекомых вводит в организм возбуждающее едкое вещество (контаридин), что использовалось при лечении в XIX веке.

² Кадетский корпус — привилегированное военное училище для детей дворян.

³ Корнет — первый офицерский чин в коннице.

⁴ Курия из янтарей — роскошных курительных трубок из янтаря.

⁵ Камердинер — личный слуга дворянина.

Троекурову, потому что мы-дескать ихние, а мы искони ваши, и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырева.

Посылаю мое материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот уже друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз сряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезен в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романически¹ был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться ее тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца писем и не подумал о нем осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уже на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне, глушь, безлюдие, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошел к смотрителю² и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвертые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкой. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его барин еще жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повез его проселочными дорогами, и между ними завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

¹ Романически — здесь: душевно.

² Смотритель — здесь: начальник почтовой станции.

— А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд, хотя почасть он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а, ей-богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирила Петровича, плетью обу-ха не перешибешь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник¹ у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымает он у нас имение?

— Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь ска-зал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберет вас к рукам Кирила Петрович. Микита-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мутит гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божии да госу-даревы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашешь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него ча-сом и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкуру, да и мясо-то отдерет. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберет, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. — При сих словах Антон размахнул кнутом, тряхнул вож-жами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался снова размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша про-будил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голо-ву. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеле-ною рощи возвышалась зеленая кровля и бельведер² огромного камен-ного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезя-ми. Дубровский узнал сии места; он вспомнил, что на сем самом хол-му играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударил по лошадям и, пови-нуясь честолюбию, общему и деревенским кучерам, как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, под-нялись они на гору, и Владимир увидел березовую рощу и влево на от-крытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нем заби-лось. Перед собою видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей ро-

¹ Исправник — начальник уездной полиции.

² Бельведёр — башенка над крышей дома.

дины. Березки, которые при нем только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращен был в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изб¹ и окружила молодого барина с шумными изъятиями радости. Насилу мог он продрасться сквозь их усердную толпу и избежал на ветхое крыльцо; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражен был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом. Домашние повиновались, и тогда все обратились к Грише и повели в людскую, где и угостили его по-деревенскому, со всевозможным радушием, измучив его вопросами и приветствиями.

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного². Разбирая его бумаги, нашел он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное; из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впадшего в совершенное детство.

Между тем положенный срок прошел, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретенным имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смутился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердце. Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтоб его выбрать, но не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошел вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперед, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нем необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрятать себе беговые дрожки³, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последнее наконец восторжествовало. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражен был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, припод-

¹ Из оды Г.Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

² Поверенный — судебный чин.

³ Беговые дрожки — открытая двухместная коляска.

нялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, старик лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударил. «Скорей, скорей в город за лекарем!» – кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», – сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

– Скажи Кирилу Петровичу, чтоб он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошел! – Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты наш, – сказала она пискливым голосом, – погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». – «Молчи, няня, – сказал с сердцем Владимир, – сейчас пошли Антона в город за лекарем». – Егоровна вышла.

В передней никого не было, все люди сбежались на двор смотреть на Кирила Петровича. Она вышла на крыльцо и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня шумно толковала о сем происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенес его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уж и признака жизни в сем теле, еще не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый еще в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

Глава V

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старика лежало на столе, покрытое саваном и окруженное свечами. Столовая полна была дворовых. Готовились к выносу. Владимир и трое слуг подняли гроб. Священник пошел вперед, дьячок сопровождал его, воспевая погребальные молитвы. Хозяин Кистенёвки в последний раз перешел за порог своего дома. Гроб понесли рощею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с деревьев.

При выходе из рощи увидели кистенёвскую деревянную церковь и кладбище, осененное старыми липами. Там покоилось тело Владимировой матери; там подле могилы ее накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса¹; он не плакал и не молился, но лицо его было страшно.

Печальный обряд кончился. Владимир первый пошел прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слезы кулаком. Владимир и тех же трое слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в нее по горсти песку, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет¹ церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон, попадья Федоровна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровной о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника. Приезд Троекурова и прием, ему оказанный, были уже известны всему околотку², и тамошние политики предвещали важные оному последствия.

— Что будет, то будет, — сказала попадья, — а жаль, если не Владимир Андреевич будет нашим господином. Молодец, нечего сказать.

— А кому же как не ему и быть у нас господином, — прервала Егоровна. — Напрасно Кирила Петрович и горячится. Не на робкого напал: мой соколик и сам за себя постоит, да и, Бог даст, благодетели его не оставят. Больно спесив Кирила Петрович! а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пес! долой со двора!»

— Ахти, Егоровна, — сказал дьячок, — да как у Григория-то язык повернулся; я скорее соглашусь, кажется, лаять на владыку, чем косо взглянуть на Кирила Петровича. Как увидишь его, страх и трепет клонят ниц; а спина-то сама так и гнется, так и гнется...

— Суета сует, — сказал священник, — и Кирилу Петровичу отпоют вечную память, всё как ныне и Андрею Гавриловичу, разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а Богу не все ли равно!

— Ах, батька! и мы хотели зазвать весь околоток, да Владимир Андреевич не захотел. Небось у нас всего довольно, есть чем угостить, да что прикажешь делать. По крайней мере, коли нет людей, так уж хоть вас употчую, дорогие гости наши.

Сие ласковое обещание и надежда найти лакомый пирог ускорили шаги собеседников, и они благополучно прибыли в барский дом, где стол был уже накрыт и водка подана.

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостию стараясь заглушить душевную скорбь. Он шел не разбирая дороги; сучья поминутно задевали и царапали его, ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окруженной лесом; ручеек извивался молча около деревьев, полуобнаженных осенью. Владимир остановился, сел на холодный дерн, и мысли одна другой мрачнее стеснились

¹ При́чет — состав служителей храма.

² Околóток — окружающая местность, окрестность.

в душе его... Сильно чувствовал он свое одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастья. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблеклых листьев и живо представлявшего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошел искать дороги домой, но еще долго блуждал по незнакомому лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошел стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо него.

— Удались от зла и сотвори благо, — говорил поп попадье, — нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. — Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог ее расслышать.

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарая стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чем-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал старик задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!..

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрем, а не выдадим». Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирно, — сказал он им, — а я с приказными переговорю». — «Переговори, батюшка, — закричали ему из толпы, — да усовестить окаянных».

Владимир подошел к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя. Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти, с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крикнул и произнес охриплым голосом: «Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного суда отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекурову, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушайте его во всем, что ни прикажет, а вы, бабы, любите и почитайте его, а он до вас большой охотник». При сей острой шутке исправник захохотал, а Шабашкин и прочие члены ему последовали. Владимир кипел от негодования. «Позвольте узнать, что это значит», — спросил он с притворным хладнокровием у веселого исправника. — «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, — что мы приехали вводить во владение сего Кирила

Петровича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подобру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнестися ко мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещику отрешение от власти...» — «А ты кто такой, — сказал Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андрей Гаврилов сын Дубровский волею Божиею помре, мы вас не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич наш молодой барин, — сказал голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно исправник, — какой барин, какой Владимир Андреевич? Барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли, олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста, сюда!

Староста выступил вперед.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать, я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил, но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот, стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужаснейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их уговаривать. «Да что на него смотреть, — закричали дворовые, — ребята! долой их!», — и вся толпа двинулась. Шабашкин и другие члены поспешно бросились в сени и заперли за собою дверь.

«Ребята, вязать», — закричал тот же голос, — и толпа стала напирать... «Стойте, — крикнул Дубровский. — Дураки! что вы это? вы губите и себя и меня. Ступайте по дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошелся, двор опустел. Члены сидели в сенях. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет мы отправимся восвояси».

— Делайте, что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.

«Итак, все кончено, – сказал он сам себе, – еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил ее облокоченною на перила, в белом утреннем платье, с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, – подумал Владимир, – он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в ее спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик или поместится его гарем. Нет! нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих¹ доходили до него, они хозяйничали, требовали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец все утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большею частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ними попался ему пакет с надписью: *письма моей жены*. С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время турецкого похода² и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностью сетовала³ на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъясляла ему свое беспокойство насчет здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл все на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожненные, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошел мимо их в переднюю. – Двери были заперты. Не найдя ключа, Владимир возвратился в залу, – ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наткнулся на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» – спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, – отвечал Архип пошепту, – Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением. «Что ты здесь притаился?» – спросил он кузнеца.

– Я хотел... я пришел... было проведать, все ли дома, – тихо отвечал Архип запинаясь.

¹ Подъячий – мелкий чиновник в русских учреждениях.

² Русско-турецкая война 1787–1791 гг.

³ Сетовала – жаловалась.

– А зачем с тобою топор?
– Топор-то зачем? Да как же без топора нонече и ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники – того и гляди...

– Ты пьян, брось топор, поди выпись.

– Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдет ли вино на ум, слыхано ли дело, подьячие задумали нами владеть, подьячие гонят наших господ с барского двора... Эх они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, – сказал он, немного помолчав, – не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску, собаки залаяли. «Кто сторожа?» – спросил Дубровский. «Мы, батюшка, – отвечал тонкий голос, – Василиса да Лукерья». – «Подите по дворам, – сказал им Дубровский, – вас не нужно». – «Шабаш¹», – примолвил Архип. «Спасибо, кормилец», – отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошел далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» – спросил он их. «До сна ли нам, – отвечал Антон. – До чего мы дожили, кто бы подумал...»

– Тише! – прервал Дубровский, – где Егоровна?

– В барском доме, в своей светелке, – отвечал Гриша.

– Поди, приведи ее сюда да выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушел и через минуту явился со своею матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

– Все ли здесь? – спросил Дубровский, – не осталось ли кого в доме?

– Никого, кроме подьячих, – отвечал Гриша.

– Давайте сюда сена или соломы, – сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

– Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажег лучину.

– Постой, – сказал он Архипу, – кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени – двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопри!», – и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

¹ Шабаш – здесь: конец.

– Ахти, – жалобно закричала Егоровна, – Владимир Андреевич, что ты делаешь?

– Молчи, – сказал Дубровский. – Ну, дети, прощайте, иду куда Бог поведет; будьте счастливы с новым вашим господином.

– Отец наш, кормилец, – отвечали люди, – умрем, не оставим тебя, идем с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стекла затрещали, сыпались, пылающие бревна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите». – «Как не так», – сказал Архип, с злобной улыбкой взвизгивающий на пожар. «Архипушка, – говорила ему Егоровна, – спаси их, окайнных¹, Бог тебя наградит».

– Как не так, – отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

– Теперь все ладно, – сказал Архип, – каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бежала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало ее пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на ее отчаяние. «Чему смеетесь, бесенята, – сказал им сердито кузнец. – Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», – и, поставив лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, – сказал он смущенной дворне, – мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушел; пожар свирепствовал еще несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, и около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

Глава VII

На другой день весть о пожаре разнеслась по всему околотку. Все толковали о нем с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским

¹ Окайнный – отверженный, проклятый.

судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий¹ и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были отыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный, виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые противу них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса; имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а не кто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностью Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведенной в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собой над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчет губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1-е октября – день храмового праздника² в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

¹ Стряпчий – судейский чин.

² Храмовый праздник – церковный праздник в честь святого, во имя которого построен храм.

Читатель, вероятно, уже догадался, что дочь Кирила Петровича, о которой сказали мы еще только несколько слов, есть героиня нашей повести. В эпоху, нами описываемую, ей было семнадцать лет, и красота ее была в полном цвете. Отец любил ее до безумия, но обходился с нею со свойственным ему своенравием, то стараясь угождать малейшим ее прихотям, то пугая ее суровым, а иногда и жестоким обращением. Уверенный в ее привязанности, никогда не мог он добиться ее доверенности. Она привыкла скрывать от него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать наверно, каким образом будут они приняты. Она не имела подруг и выросла в уединении. Жены и дочери соседей редко езжали к Кирилу Петровичу, коего обыкновенные разговоры и увеселения требовали товарищества мужчин, а не присутствия дам. Редко наша красавица являлась посреди гостей, пирующих у Кирила Петровича. Огромная библиотека, составленная большею частью из сочинений французских писателей XVIII века, была отдана в ее распоряжение. Отец ее, никогда не читавший ничего, кроме «Совершенной поварихи», не мог руководствовать ее в выборе книг, и Маша, естественным образом, перерыв сочинения всякого рода, остановилась на романах. Таким образом совершила она свое воспитание, начатое некогда под руководством мамзель Мими, которой Кирила Петрович оказывал большую доверенность и благосклонность и которую принужден он был наконец выслать тихонько в другое поместье, когда следствия его дружества оказались слишком явными. Мамзель Мими оставила по себе память довольно приятную. Она была добрая девушка и никогда во зло не употребляла влияния, которое, видимо, имела над Кирилом Петровичем, в чем отличалась она от других наперсниц, поминутно им сменяемых. Сам Кирила Петрович, казалось, любил ее более прочих, и черноглазый мальчик, шалун лет девяти, напоминающий полуденные черты m-lle Мими, воспитывался при нем и признан был его сыном, несмотря на то, что множество босых ребятишек, как две капли воды похожих на Кирила Петровича, бегали перед его окнами и считались дворовыми. Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты¹ и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром².

Кирила Петрович все это пересмотрел и был недоволен одною молодостью своего француза – не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместимым с терпением и опытностью, столь нужными в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые

¹ Аттестаты – здесь: документы.

² Гувернёр – домашний воспитатель ребенка в барском доме.

тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что, так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волокаться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз сей поклонился и отвечал, что он надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своем переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель, где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для нее род слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведенного на m-г Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостоивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нем совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал ее, потом тихонько до нее дотрагивался, колол себе лапы, осердясь, толкал ее сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с ревом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в нее гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынным. Бедный гость, с оборванной полою и

до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принужден был иногда целых три часа стоять прижавшись к стене и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя, Троекуров вспомнил о нем и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повел он его с собою темными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в нее француза и запирают ее на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приближался, Дефорж вынул из кармана маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь по-

валился. Все сбежались, двери отворились, Кирила Петрович вошел, изумленный развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей, Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворения.

Маша посмотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; потом, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уже его пробовать.

Но случай сей произвел еще большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение ее было поражено: она видела мертвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу становилось внимательнее. Между ними основались некоторые сношения. Маша имела прекрасный голос и большие музыкальные способности; Дефорж вызвался давать ей уроки. После того читателю не трудно догадаться, что Маша в него влюбилась, сама еще в том себе не признаваясь.

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском доме и во флигелях, другие у приказчика, третьи у священника, четвертые у зажиточных крестьян. Конюшни полны были дорожных лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В девять часов утра заблаговестили к обедне, и всё потянулось к новой каменной церкви, построенной Кирилом Петровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собралось такое множество почетных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на паперти¹ и в ограде. Обедня не начиналась, ждали Кирила Петровича. Он приехал в коляске шестернею и торжественно пошел на свое место, сопровождаемый Мариєю Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на нее; первые удивлялись ее красоте, вторые со вниманием осмотрели ее наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на крылосе², Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево, и с гордым смирением поклонился в землю, когда дьякон громогласно упомянул *и о зиждителе³ храма сего*.

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошел ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним. Комнаты наполнились гостями. Поминутно входили новые лица и насилу могли пробраться до хозяина. Барыни сели чинным полукругом, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах, мужчины толпились около икры и водки, с шумным разногласием разговаривая между собою. В зале накрывали стол на 80 приборов. Слуги суетились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «кушание поставлено», — и Кирила Петрович первый пошел садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конец стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь лафатерскими⁴ догадками, и почти всегда безошибочно. Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей, Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу⁵ и вполне наслаждался счастьем

¹ Паперть — площадка перед входом в храм.

² Крылос (клярос) — место в церкви, где стоят певчие.

³ Зиждитель — создатель, основатель.

⁴ Швейцарский писатель И. Лафатер доказывал, что по чертам лица можно определить характер и достоинство человека.

⁵ Трапеза — здесь: праздничный обед.

хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряженная шестью лошадьми. «Это кто?» – спросил хозяин. «Антон Пафнutyич», – отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнutyич Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться... «Прибор сюда, – закричал Кирила Петрович, – милости просим, Антон Пафнutyич, садись, да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже: ты и богомолен и покушать любишь». – «Винovat, – отвечал Антон Пафнutyич, привязывая салфетку в петлицу горохового кафтана, – винovat, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти верст, вдруг шина у переднего колеса пополам – что прикажешь? К счастью, недалеко было от деревни; пока до нее дотащились, да отыскивали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошли ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путем через Кистенёвский лес я не осмелился, а пустился в объезд...»

– Эге! – прервал Кирила Петрович, – да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

– Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди попадешься ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерет.

– За что же, братец, такое отличие?

– Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, т. е. по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И покойник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаваться, а сынок, пожалуй, сдержит, слово батюшкино. Доселе Бог миловал. Всего-на-все разграбили у меня один анбар, да того и гляди до усадьбы доберутся.

– А в усадьбе-то будет им раздолье, – заметил Кирила Петрович, – я чай, красная шкатулочка полным полна...

– Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

– Полно врать, Антон Пафнutyич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только.

– Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, – пробормотал с улыбкой Антон Пафнutyич, – а мы, ей-богу, разорились, – и Антон Пафнutyич стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки. Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправнику, в первый раз к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола подле учителя.

– А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнес наконец:

– Постараемся, ваше превосходительство.

– Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку все-таки нет. Да правда, зачем и ловить его. Разбой Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньга в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

– Сушая правда, ваше превосходительство, – отвечал совершенно смутившийся исправник.

Гости захохотали.

– Люблю молодца за искренность, – сказал Кирила Петрович, – а жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бы тише. А что слышно про Дубровского? где его видели в последний раз?

– У меня, Кирила Петрович, – пропищал толстый дамский голос, – в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и веселый нрав. Все с любопытством приготовились услышать ее рассказ.

– Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хоть бы и хотела; однако сами изволите знать: офицеру гвардии нужно содержать себя приличным образом, и я с Ванюшей делюсь, как могу, своими доходишками. Вот и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего семь верст, авось Бог пронесет. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается, бледен, оборван и пеш – я так и ахнула. – «Что такое? что с тобою сделалось?» Он мне: «Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили; самого чуть не убили, сам Дубровский был тут, хотел повесить меня, да сжалился и отпустил, зато всего обобрал, отнял и лошадь и телегу». Я обмерла; царь мой небесный, что будет с моим Ванюшей? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему свое благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая – вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мною увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульнёва¹, рекомендуется мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал мимо и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем Бог послал, разговорились о том, о сем, наконец и о Дубровском. Я рассказала ему свое горе. Генерал мой нахмурился. «Это странно, – сказал он, – я слышал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет; нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и остолбенел. «Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить». Приказ-

¹ Кульнёв Я. П. – русский полководец.

чик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват — грех попутал — солгал». — «Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю». Приказчик не мог опомниться. «Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай: где ты встретился с Дубровским?» — «У двух сосен, батюшка, у двух сосен». — «Что же сказал он тебе?» — «Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем?» — «Ну, а после?» — «А после потребовал он письмо и деньги». — «Ну». — «Я отдал ему письмо и деньги». — «А он?.. Ну — а он?» — «Батюшка, виноват». — «Ну, что же он сделал?..» — «Он возвратил мне деньги и письмо да сказал: ступай себе с Богом, отдай это на почту». — «Ну, а ты?» — «Батюшка, виноват». — «Я с тобою, голубчик, управлюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника и отдайте его мне на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища». Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучера привязали приказчика к козлам коляски. Деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увез с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку.

Все слушали молча рассказ Анны Савишны, особенно барышни. Многие из них втайне ему доброжелательствовали, видя в нем героя романического, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклиф¹.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский, — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский, да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать.

— Не знаю, а уж верно не Дубровский. Я помню его ребенком; не знаю, почернели ль у него волосы, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик, но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следственно, ему не тридцать пять лет, а около двадцати трех.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду двадцать третий год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати: прочти-ка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы; авось в глаза попадетсЯ, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностью и стал читать нараспев.

«Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам² бывших его дворовых людей.

¹ Радклиф — английская писательница XVIII века, автор сентиментальных романов ужасов со злодеями и благородными героями.

² По сказкам — *здесь*: по рассказам.

От роду двадцать три года, роста среднего, лицом чист, бороду брет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось».

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто ж не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос, да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свел. Нечего сказать, умные головешки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой. Между тем слуги успели уже несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Несколько бутылок горского и цимлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее.

— Нет, — продолжал Кирила Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушел ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил, да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: такой был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступить в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рошу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятятся.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович, — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своем косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович. — Умер славною смертью, от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указывал на Дефоржа, — выменяй образ моего француза¹. Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

¹То есть приобрести икону с изображением его святого — иными словами: молиться за него.

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнutyч почесываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шел о его храбрости, спокойно сидел на своем месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Обед, продолжавшийся около трех часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол, все встали и пошли в гостиную, где ожидал их кофей, карты и продолжение попойки, столь славно начатой в столовой.

Глава X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселенный пуншем, приказал запереть ворота и объявил, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загрела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Хозяин и его приближенные сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любясь веселостью молодежи. Старушки играли в карты. Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей Кириловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужинать, а сам отправился спать.

Отсутствие Кирила Петровича придало обществу более свободы и живости. Кавалеры осмелились занять место подле дам. Девушки смеялись и перешептывались со своими соседями; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали, — словом, ужин был чрезвычайно весел и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнutyч сидел пасмурен и молчалив на своем месте, ел рассеяннo и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнutyч, призывая Господа в свидетели в том, что красная шкатулка точно была пуста, не лгал и не согрешал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожностью успокаивал он свою недоверчивость ко всем и веч-

ную боязнь. Будучи принужден остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединенной комнате, куда легко могли забраться вору, он искал глазами надежного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнutyич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали из-за стола, Антон Пафнutyич стал вертеться около молодого француза, побрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением.

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что извольте видеть...

— *Que désire monsieur?*¹— спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

— Эк беда, ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа, ше ву куше², понимаешь ли?

— *Monsieur, très volontiers*, — отвечал Дефорж, — *veuillez donner des orders en conséquence*³.

Антон Пафнutyич, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошел тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнutyич пошел с учителем во флигель. Ночь была темная. Дефорж освещал дорогу фонарем, Антон Пафнutyич шел за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаенную суму, дабы удостовериться, что деньги его еще при нем.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться; между тем Антон Пафнutyич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сем неутешительном смотре. Двери запирались одною задвижкой, окна не имели еще двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнutyич принужден был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— *Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше?*⁴— закричал Антон Пафнutyич, спрягая с грехом пополам русский глагол *тушу* на французский лад. — Я не могу dormire⁵ в потемках. — Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закутываясь в одеяло. — Нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. — Мусье, мусье, — продолжал он, — же ве авек ву парле⁶. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

¹ Чего вы хотите, господин? (фр.)

² Я хочу спать у вас (фр.).

³ Сделайте одолжение, сударь... извольте соответственно распорядиться (фр.).

⁴ Зачем вы тушите, зачем вы тушите? (фр.)

⁵ Спать (фр.).

⁶ Я хочу с вами говорить (фр.).

«Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнutyч, — а мне так сон и в ум нейдет. Того и гляди, воры войдут в открытые двери или влезут в окно, а его, бестию, и пушками не добудишься».

— Мусье! а, мусье! дьявол тебя побери.

Антон Пафнutyч замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дергал его за ворот рубашки. Антон Пафнutyч открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собой Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, а другою отстегивал заветную суму. Антон Пафнutyч обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се¹, — произнес он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать или вы пропали. Я Дубровский.

Глава XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы еще рассказать.

На станции ** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца или иностранца, т. е. человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал, к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот Бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эх посвистывает, чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.

– Что за беда? – возразила сердитая старуха. – А разве не знаешь приметы?

– Какой приметы? что свист деньгу выживает. И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег все нет как нет.

– Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к черту...

– Подождет, Пахомовна; на конюшне всего три тройки, четвертая отдыхает. Того и гляди, подоспеют хорошие проезжие; не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу! так и есть! вон скачут. Э-ге-ге, да как шибко; уж не генерал ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел, отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинели и в белой фуражке вошел к смотрителю; вслед за ним слуга внес шкатулку и поставил ее на окошко.

– Лошадей, – сказал офицер повелительным голосом.

– Сейчас, – отвечал смотритель. – Пожалуйста подорожную¹.

– Нет у меня подорожной. Я еду в сторону... Разве ты меня не узнаешь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперед по комнате, зашел за перегородку и спросил тихо у смотрительши: кто такой проезжий.

– Бог его ведает, – отвечала смотрительша, – какой-то француз. Вот уже пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоел, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

– Куда изволите вы ехать? – спросил он его.

– В ближний город, – отвечал француз, – оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учителя. Я думал сегодня быть уже на месте, но г-н смотритель, кажется, судил иначе. В этой земле трудно достать лошадей, г-н офицер.

– А к кому из здешних помещиков определились вы? – спросил офицер.

– К г-ну Троекурову, – отвечал француз.

– К Троекурову? кто такой этот Троекуров?

– Ma foi, mon officier²... я слышал о нем мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними, что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителями (avec les outchitels) он не церемонится и уже двух засек до смерти.

– Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу.

– Что же делать, г-н офицер. Он предлагает мне хорошее жалование, 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалования буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капи-

¹ Подорожная – документ, дающий право на получение почтовых лошадей.

² Право, господин офицер... (фр.)

тал, достаточный для будущей моей независимости, и тогда bonsoir¹, еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты.

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — отвечал учитель. — Меня он выписал из Москвы чрез одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать, что я готовился было не в учителя, а в кондитеры, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее...

Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он француза, — что если бы вместо этой будущности предложили вам 10 000 чистыми деньгами с тем, чтоб сей же час отправились обратно в Париж.

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель. Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — отвечал офицер, — выдьте вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски, — 10 000 могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги. — При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Мое отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением. — Вот мои бумаги... Но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до того. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, все еще не веря своим ушам, протянул бумаги свои молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш паспорт... хорошо... Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте.

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное. Дайте мне честное слово, что все это останется между нами, честное ваше слово.

— Честное мое слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай Бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здоровье.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поскакал.

Смотритель смотрел в окошко, и когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием: «Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский».

Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно: Дубровский был уж далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, все казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут, у него в кармане, и красноречиво твердили ему о существенности удивительного происшествия.

Он решился нанять лошадей до города. Ямщик повез его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доезжая до заставы, у которой вместо часового стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, вылез из брички и пошел пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку. Ямщик был в таком же изумлении от его щедрости, как и сам француз от предложения Дубровского. Но, заключив из того, что немец сошел с ума, ямщик поблагодарил его усердным поклоном и, не рассудив за благо въехать в город, отправился в известное ему увеселительное заведение, коего хозяин был весьма ему знаком. Там провел он целую ночь, а на другой день утром на порожней тройке отправился восвояси — без брички и без чемодана, с пухлым лицом и красными глазами.

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать¹ и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следовал за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя. Кирила Петрович — за его смелое проворство на охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по-видимому несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднества, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Во все это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло стать и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего мог он почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решился ею завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона

¹ Повесничать — бездельничать.

Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собрались один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сюртуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казался так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел, как ни в чем не бывало. Через несколько минут слуга вошел и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и, несмотря на увещания хозяина, вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и все вошло в обыкновенный порядок.

Глава XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирила Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадою, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он с своей стороны не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокаивал ее гордость и боязливые сомнения. Она с большей и большей доверчивостью предавалась увлекательной привычке. Она скучала без Дефоржа, в его присутствии поминутно занималась им, обо всем хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Может быть, она не была еще влюблена, но при первом случайном препятствии или внезапном гонении судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть в ее сердце.

Однажды, пришед в залу, где ожидал ее учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла ее и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в 7 часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство ее было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно было бы услышать подтверждение того, о чем она догадывалась, но она чувствовала, что ей было неприлично слышать таковое объяснение от человека, который по

состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить ее руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружбы, с веселыми шутками, или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смерклось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если б вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленною фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец. — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясниться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради Бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил куска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Все кончено. Я ему простил. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству, в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце мое смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следовал за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я поселился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счастья. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же

час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском, знайте, что он рожден был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался легкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил ее руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. — Он отошел, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял ее руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставлю вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Обещаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из сада. Ей показалось, что все люди разбежались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирила Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтоб отсутствие ее не было замечено. В зале встретил ее Кирила Петрович, гости окружали исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправник в дорожном платье, вооруженный с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суетливым.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты м-г Дефоржа? — Маша насилу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застрадал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Вранье, — решил Кирила Петрович, — сейчас я все выведу на чистую воду. — Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его, — закричал Троекуров, начинающий сомневаться. — Покажи мне твои хваленые приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это еще ничего не доказывает. Что же учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться, Марья Кириловна была ни жива ни мертва.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постель и зарыдала в истерическом припадке. Служанки сбежались, раздели ее, насили-насили успели ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, ее уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, грозно насвистывая «Гром победы раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, быв предупрежден. Но кем и как? это оставалось тайною.

Било одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету же тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка восвояси да вперед будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

Глава XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместье князя Вереysкого. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду еще не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по своем приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старше. Излишества всякого рода изнурили его здоровье и положили на нем свою неизгладимую печать. Несмотря на то наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирила Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он по обыкновению своему стал угощать его смотром своих заведений и повел на псарный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос плат-

ком, опрысканным духами. Старинный сад с его стриженными липами, четверугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришел доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своем посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражен ее красотой. Троекуров посадил гостя подле нее. Князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой; он предпочел прогулку в линейке¹, с тем чтоб не разлучаться с милою своею соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроем и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и веселые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нем погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

– Дубровскому, – повторил Верейский, – как, этому славному разбойнику?..

– Отцу его, – отвечал Троекуров, – да и отец-то был порядочный разбойник.

– Куда же девался наш Ринальдо²? жив ли он, схвачен ли он?

– И жив и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

– Да, прошлого году он, кажется, что-то сжег или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

– Чего любопытно! – сказал Троекуров, – она знакома с ним: он целые три недели учил ее музыке, да слава Богу, не взял ничего за уроки. – Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своем французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках. Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашел все это очень странным и переменял разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усиленные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирила Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

¹ Линейка – вид открытого экипажа.

² Ринальдо – герой романа немецкого писателя XVIII века Вульпиуса «Ринальдо Ринальдони, атаман разбойников».

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и веселыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстился густо-зеленый луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал руку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвел гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные барки под натянутыми парусами и мелькали рыбацьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кириловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинства и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением. Марья Кириловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона¹ и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого видела она только во второй раз отроду. После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединенную пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворенное учтивыми недомолвками князя; время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал ее и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх колосьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождем, звездами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейский радовался ее восхищению, а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais*² князя как знаки уважения и желания ему угодить.

Ужин в своем достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведенные, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

¹ Амфитрион — мифический древнегреческий персонаж, гостеприимный хозяин.

² Все расходы (фр.).

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пальцах, перед открытым окошком. Она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зеленым шелком. Под ее иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то ее мысли не следовали за работой, они были далеко.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошел и позвал ее к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марьи Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. Князь к ней подошел, взял ее руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал ее руку, вдруг слезы побежали по ее бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слезы и воротись к нам веселенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Верейскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал ее, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и с жадностью бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было писано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 час. на прежнем месте».

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и легкий шорох пробегал по всему саду.

Как легкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Еще никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я все знаю, — сказал он ей тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне свое покровительство, — отвечала Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради Бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизни. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Еще есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда идут они замуж не по страсти, а из благоразумного расчета; что, если возьмет он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женою.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Соберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядающую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдете ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам и одной минуты счастья; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради Бога, не отставайте. Если же не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задышался. Маша плакала...

— Бедная, бедная моя участь, — сказал он, горько вздохнув. — За вас отдал бы я жизнь, видеть вас издали, коснуться руки вашей было для меня упоением. И когда

открывается для меня возможность прижать вас к волнуемому сердцу и сказать: ангел, умрем! бедный, я должен остерегаться от блаженства, я должен отдалять его всеми силами. Я не смею пасть к вашим ногам, благодарить небо за непонятную незаслуженную награду. О, как должен я ненавидеть того... но чувствую, теперь в сердце моем нет места ненависти.

Он тихо обнял стройный ее стан и тихо привлек ее к своему сердцу. Доверчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника. Оба молчали.

Время летело. «Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял ее руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать. Дубровский поцеловал ее руку и скрылся между деревьями.

Глава XVI

Сватовство князя Вере́йского не было уже тайною для соседства. Кири́ла Петро́вич принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объявление. Между тем обращение ее со старым женихом было холодно и принужденно. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный ее безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Вере́йскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от ее руки и самому защитить ее от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Вере́йскому, тот прочел его наедине и нимало не был тронут откровенностью своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почел нужным показать письмо будущему тестю.

Кири́ла Петро́вич взбесился; насилу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлен о ее письме. Кири́ла Петро́вич согласился ей о том не говорить, но решился не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашел сие весьма благоразумным, пошел к своей невесте, сказал ей, что письмо очень его опечалило, но что он надеется со временем заслужить ее привязанность, что мысль ее лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. За сим он почтительно поцеловал ее руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кири́ла Петро́вича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец ее вошел и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Ма́рья Кири́ловна, уже взволнованная объяснением князя Вере́йского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда все решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаете человеку нелюбимому? разве я вам надоела? я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, еще грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька: не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл свое смущение и, оттолкнув ее, сказал сурово:

— Все это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счастья. Слезы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра! — вскрикнула Маша, — Боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уж вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня страшить защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла с ума, и глядел на нее с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания. — Жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из нее не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою двери.

Долго плакала бедная девушка, воображая все, что ожидало ее, но бурное объяснение облегчило ее душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было для нее: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для нее раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и еще раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдет она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркаться. Смерклось. Маша приготовилась, но дверь ее заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал ее выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорбленная, она села под окошко и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на темное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон ее был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили ее.

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас ее положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы ее отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатове и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать ее из ее комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ее слова ожесточили молодую затворницу, голова ее кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всем Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба; в это время камушек ударился в окно ее, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовешь?

— Я пришел, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас все сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился задыхаясь оглянулся во все стороны и положил колечко в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за его обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе како дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — кричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во все горло: «Воры, воры, сюда, сюда...»

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по-видимому, двумя годами старше Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увертливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убирайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— погоди, барин, — сказал Степан, — мыведем его на расправу к приказчику.

Садовник повел пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он у Степана.

Степан в коротких словах описал все происшествие. Кирила Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всем, или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенькую, свежую березовую розгу...

— Пойдите, папенька, я все вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно уронила кольцо, и я спрятал его в дупло, и... и... этот рыжий мальчик хотел кольцо украсть...

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я все расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбегал и положил кольцо, а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: «Чей ты?»

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаешь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моем саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.
— Ага, слуга в барина, каков поп, таков и приход, а малина разве растет у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косой, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всем признаешься, так я тебя не высеку, а дам еще пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб он не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвел мальчишку на голубятню, запер его там и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая «Гром победы». — Может быть, я наконец нашел на его горячие следы, и он от нас не увернется. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава Богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошел в комнату весь запыленный.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Слава Богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлен, увидев тринадцатилетнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кириле Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая, однако ж, о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на все, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повел его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетью и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. Развязать его.

Мальчика развязали.

— Благодарю же барина, — сказал исправник. Мальчик подошел к Кириле Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперед не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело прыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избышки, первой с края, и постучал в окошко; окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где же ты пропадал, бесенок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради Бога, хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбегать еще в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на, вот тебе ломтик — и сунула в окно ломоть черного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и жуя мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистенёвскую рощу. Дошедши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывистым и стал слушать; легкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

Глава XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперед по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки суетились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом, дама, окруженная служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну, голова ее томно клонилась под тяжестью бриллиантов, она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирила Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама. — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

– Невеста готова, – сказала дама Кирилу Петровичу, – прикажите садиться в карету.

– С Богом, – отвечал Кирила Петрович и, взяв со стола образ¹, – подойди ко мне, Маша, – сказал он ей тронутым голосом, – благословляю тебя... – Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

– Папенька... папенька... – говорила она в слезах, и голос ее замирал. Кирила Петрович спешил ее благословить, ее подняли и почти понесли в карету. С нею села посажёная мать² и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел на встречу невесты и был поражен ее бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря³ и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала веселые поздравления присутствующих и все еще не могла поверить, что жизнь ее была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить ее. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла, они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор ее быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда уже отправился Кирила Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодой женой князь нисколько не был смущен ее холодным видом. Он не стал докучать ей притворными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти верст, лошади неслись быстро по кочкам проселочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооруженных людей окружила ее, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». – «Что это значит, – закричал князь, – кто ты такой?..» – «Это Дубровский», – сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась. Князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет, но ему не дали времени выстрелить, дверцы растворились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

– Не трогать его! – закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

¹ Образ – здесь: икона.

² Посажёная мать – женщина, заменяющая мать при свадебном обряде.

³ Алтарь – главная, восточная часть церкви, отделенная от общего помещения иконостасом.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите, — закричал с отчаянием Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостью, — князь — мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже ее не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставляя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

Глава XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коими находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников, обеды, сидя без шапок, около братского котла. На валу подле маленькой пушки сидел караульный, поджав под себя ноги; он вставлял заплатку в некоторую часть своей одежды, владея иголкою с искусством, обличающим опытного портного, и поминутно посматривал во все стороны.

Хотя некоторый ковшик несколько раз переходил из рук в руки, странное молчание царствовало в сей толпе; разбойники отобедали, один после другого вставал и молился Богу, некоторые разошлись по шалашам, а другие разбрелись по лесу или прилегли соснуть по русскому обыкновению.

Караульщик кончил свою работу, встряхнул свою рухлядь, полюбился заплатою, приколот к рукаву иголку, сел на пушку верхом и запел во все горло меланхолическую старую песню¹:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,

Не мешай мне, молодцу, думу думати.

В это время дверь одного из шалашей отворилась, и старушка в белом чепце, опрятно и чопорно одетая, показалась у порога. «Полно тебе, Степка, — сказала она сердито, — барин почивает, а ты знай горланишь; нет у вас ни совести, ни жалости». — «Винovat, Егоровна, — отвечал Степка, — ладно, больше не буду, пусть он себе, наш батюшка,

¹ Меланхолическая песня — грустная, печальная песня.

почивает да выздоравливает». Старушка ушла, а Степка стал расхаживать по валу.

В шалаше, из которого вышла старуха, за перегородкою раненый Дубровский лежал на походной кровати. Перед ним на столике лежали его пистолеты, а сабля висела в головах. Землянка устлана и обвешана была богатыми коврами, в углу находился женский серебряный туалет¹ и трюмо. Дубровский держал в руке открытую книгу, но глаза его были закрыты. И старушка, поглядывающая на него из-за перегородки, не могла знать, заснул ли он или только задумался.

Вдруг Дубровский вздрогнул: в укреплении сделалась тревога, и Степка просунул к нему голову в окошко. «Батюшка, Владимир Андреевич, — кричал он, — наши знак подают, нас ищут». Дубровский вскочил с кровати, схватил оружие и вышел из шалаша. Разбойники с шумом толпились на дворе; при его появлении настало глубокое молчание. «Все ли здесь?» — спросил Дубровский. «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — кричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определенное место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам. Дубровский пошел к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запереть ворота и сам пошел освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам. «Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова всё утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтораста солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперед, солдаты за ним последовали и бежали в ров; разбойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался, солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский подошел к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки и спешили унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали, разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершенное расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велев отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведе-

ния о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мертвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ими не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдаленную губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». После сей речи он оставил их, взяв с собою одного**. Никто не знал, куда он девался. Сначала сомневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

1. Что вы узнали о прошлом России из романа «Дубровский»?
2. Проследите развитие сюжета в романе. Выделите основные части композиции.
3. Известно, что прототипом Владимира Дубровского служил дворянин Островский, которого довел до нищеты богатый и властный сосед. Позднее Островский сделался разбойником. Однако сам образ Владимира Дубровского – результат авторского вымысла. Расскажите о герое. Каким нарисовал его А.С. Пушкин?
4. Как характеризует Кирилу Петровича Троекурова его портрет, речь, образ жизни, отношение к соседям и друзьям, поступки?
5. Что сближает помещиков Андрея Гавриловича Дубровского и Троекурова? Какими чертами характера они отличаются?
6. Почему Дубровский поджег дом своего отца и отказался от мщения Троекурову?
7. С какой целью А.С. Пушкин ввел в повесть эпизод спасения кузнецом Архипом кошки?
8. Определите основную тему романа. Какие проблемы поднимает автор?

Творческие работы.

1. Выберите один из двух эпизодов. (Дубровский перебирает бумаги отца. Любимая шутка Троекурова с медведем.) Постройте монолог от лица Владимира Дубровского, передающий его переживания.
2. В романе нет подробного портрета Маши Троекуровой. Составьте его. Попробуйте описать ее так, чтобы было понятно, какая она, как вы относитесь к этой героине.
3. Придумайте, какими могли быть герб рода Троекуровых и герб рода Дубровских.

ИТОГОВЫЕ ВОПРОСЫ К РАЗДЕЛУ 4.

1. Как вы понимаете смысл названия раздела – «Открывая мир вокруг...»? Прокомментируйте эпиграф к этому разделу.
2. Какие из произведений этого раздела вам особенно запомнились? Чем вы объясните это впечатление?
3. Чем обогатили вас прочитанные произведения? Что помогли понять?
4. Перечитайте размышления К.Г. Паустовского о мастерстве писателя в новелле «Старик в станционном буфете». Приведите примеры из произведений этого раздела, которые подтверждают мысли писателя.
5. Какие качества в людях вы цените более всего? А писатели, представленные в этом разделе?
6. Докажите на примере любого прочитанного произведения, что настоящий писатель – всегда гуманист.
7. В чем выражается глубокий интерес к человеку авторов этого раздела?

Подведем итоги

Главное отличие литературного произведения от фольклорного в том, что у первого всегда есть конкретный создатель – писатель. Однако автор не просто придумывает своих героев и пишет книгу, он сам становится ее героем. Иногда мы ощущаем его присутствие на страницах в качестве рассказчика – героя, который называет себя «я», «мы». Иногда автора в произведении обнаружить нелегко, особенно в драме и эпосе, если повествование ведется со стороны и повествователь не называет себя. Но мы всегда чувствуем его отношение к героям художественного произведения, его оценку событий. Внимательному читателю помогают при этом различные яркие детали, отдельные слова, особенности языка писателя, построение текста и прочее. Конечно, такие «ключики» нужно подбирать к каждому произведению отдельно, учитывая при этом его родовую специфику. Так, эпос **изображает** героев, их поступки, события; лирика **выражает** чувства и настроения; драма тоже изображает, но иначе, чем в эпосе – через действие и с помощью монологов и диалогов. Знание этих секретов литературы помогает каждому из вас читать литературу как учебник жизни. Учебник, который позволяет не только сравнить себя с героем книги, чему-то научиться, что-то понять, кого-то оправдать или осудить, но и сопоставить свою точку зрения с авторской, понять героев книги, испытывать глубокий интерес к человеку в жизни и литературе.

Темы сочинений.

1. Сложное создание – человек (по рассказам И.С. Тургенева Муму», «Бирюк»).
2. Уроки А.С. Пушкина (по прочитанным «Повестям Белкина»).
3. Автор и его герой в ... (текст по выбору учащихся).
4. Два помещика (по роману А.С. Пушкина «Дубровский»).

Раздел 5

Смеясь сквозь слезы...

И долго еще определено мне чудной властью идти рука об руку с моими странными героями, озирая всю громадно-несущуюся жизнь, озирая ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы.

Н.В. Гоголь «Мертвые души», глава 7

На майские праздники Вера с мамой и папой приехала к тете Лене.

Родители и тетя Лена что-то оживленно обсуждали внизу в гостиной, а Вера перелистывала книги. «Всепобеждающая сила смеха...», — повторила девочка непонятно откуда взявшуюся фразу, которая все время вертелась в голове. — Интересно, что это значит? Сейчас у Веры в руках был томик басен Крылова. И хотя Вера уже читала басни не один раз, сейчас, перелистывая страницы, она ловила себя на том, что лучше понимает смысл басен и они ей кажутся смешнее, чем раньше. Девочка так увлеклась, что не заметила, как вошла тетя.

— О, добрый старый Иван Андреевич! — сказала она, заглянув в книгу. — Если читаешь Крылова, обязательно посмотри и басни древнегреческого мудреца Эзопа, тем более что Крылов довольно часто заимствовал у него свои сюжеты.

— Так он что, списывал? — удивилась Вера.

— Да нет, — засмеялась тетя, — писатели иногда заимствуют друг у друга сюжеты, вкладывая в них затем свое видение. Так что давай почитаем и Эзопа, и Крылова.

Ребята, до начала чтения вспомните, пожалуйста, что такое басня, какие басни вы уже читали?

Эзоп

Басни

Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: «Они еще зеленые!»

Так и у людей иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

Олень и лев

Олень, убегая от охотников, очутился около пещеры, в которой жил лев, и вбежал туда, чтобы спрятаться. Но схватил его лев, и, погибая, олень молвил: «Злополучный я! убегал от людей, а попал зверю в когти!»

Так иные люди из страха перед малыми опасностями бросаются в большие беды.

Зайцы и лягушки

Поняли зайцы, какие они трусливые, и порешили, что лучше им всем разом утопиться. Пришли они к обрыву над прудом, а лягушки у пруда как слышали их топотанье, так и попрыгали в самую глубину. Увидел это один заяц и сказал остальным: «Давайте не будем топиться: смотрите, и трусливее нас есть твари на свете».

Так и для людей зрелище чужих несчастий служит одобрением в собственных невзгодах.

Волки и овцы

Волки хотели напасть на стадо овец, но никак это им не удавалось, потому что овец сторожили собаки. Тогда решили они добиться своего хитростью и послали к овцам послов с предложением выдать собак: ведь из-за них-то и пошла вражда, и если их выдадут, то меж волками и овцами воцарится мир. Овцы не подумали, что из этого получится, и выдали собак. И тогда волки, оказавшись сильнее, без труда расправились с незащищенным стадом. <http://kurokam.ru>

Так и государства, которые без сопротивления выдают народных вождей, незаметно для себя становятся вскоре добычей врагов.

Волк и ягненок

Волк увидел ягненка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом ягненка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать ягненка, что тот мутит воду и не дает пить. Ответил ягненок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил ягненок, что его тогда еще и на свете не было. Сказал на это волк: «Хоть ты и ловок оправдываться, а все-таки я тебя съем».

Басня показывает: кто заранее решил на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят.

Волк и цапля

Волк подавился костью и рыскал, чтобы найти кого-нибудь себе в помощь. Встретилась ему цапля, и он стал сулить ей награду, если она вытащит кость. Цапля засунула голову в волчью глотку, вытащила кость и потребовала обещанной награды. Но волк в ответ: «Мало тебе, любезная, что ты из волчьей пасти голову целой вынесла, — так тебе еще и награду подавай!»

Басня показывает, что когда дурные люди не делают зла, это им уже кажется благодеянием.

Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит

И говорит так сладко, чуть дыша:

«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, —

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещунья с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье спёрло, —

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во все воронье горло:

Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

Кукушка и Петух

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!» —

«А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всем лесу у нас такой певицы нет!» —

«Тебя, мой куманек, век слушать я готова». —

«А ты, красавица, боюсь,

Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтоб начала ты снова...

Отколь такой берется голосок?

И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни, что твой соловей!» —

«Спасибо, кум; зато, по совести моей,
Поёшь ты лучше райской птички,
На всех ссылаюсь в этом я».
Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
Хоть вы охрипните, хваля друг дружку, —
Всё ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

Волк и Ягненок

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу», —
«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне еще и от роду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведуюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
Сказал — и в темный лес Ягненка поволок.

Петух и Жемчужное зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то всё у них пустяк.

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеется Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,
Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!
Пожалуйста, покушай». –
«Соседушка, я сыт по горло». – «Нужды нет,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» –
«Я три тарелки съел». – «И, полно, что за счеты:
Лишь стало бы охоты,
А то во здравье: ешь до дна!
Что за уха! Да как жирна:
Как будто янтарею подернулась она.

Потешь же, миленький дружок!
Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!» –
Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
И не давал ему ни отдыха, ни сроку;
А с Фоки уж давно катился градом пот.

Однако же еще тарелку он берет:
Сбирается с последней силой
И – очищает всю. «Вот друга я люблю! –
Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.
Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»

Тут бедный Фока мой,
Как ни любил уху, но от беды такой,
Схватя в охапку
Кушак и шапку,
Скорей без памяти домой –
И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовремя не умеешь

И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

1. Докажите, что басня – эпический жанр. Что ее объединяет с рассказом, со сказкой? Какова роль диалогов?
2. Как построены басни Эзопа?
3. Сравните басни Эзопа и Крылова со сходным сюжетом. Чем они отличаются?
4. Прочитайте в литературоведческом словарики в конце учебника определение басни. Покажите основные черты этого жанра на примере басен Эзопа и И.А. Крылова.
5. В баснях используется прием аллегии (иносказание), когда одно явление изображается и характеризуется через другое. Сформулируйте, какой аллегорический смысл имеет каждая из прочитанных вами басен И.А. Крылова. Какова их мораль?

6. Подберите к каждой басне соответствующую пословицу.
- (С) 7. Существует выражение «эзопов язык». Как вы понимаете его смысл?
8. Какие персонажи басен И.А. Крылова стали нарицательными?
9. Что дает человеку чтение басен?

Творческие работы.

1. Выпишите из басен Крылова крылатые выражения, ставшие пословицами. Придумайте историю, раскрывающую смысл пословицы.
2. Попробуйте сочинить басню в прозе или стихах.

Вечером все собрались за столом.

— Ну, как тебе басни? — поинтересовался папа.

— Не очень, — вздохнула Вера. — У Крылова хоть персонажи смешные, а Эзоп все время учит, как жить. Слишком назидательно...

— Вера, ты до конца не понимаешь важности басен как жанра! — остановила ее тетя. — Басни — один из самых древних жанров словесного искусства. Человек с их помощью пытался осознать себя человеком и ответить на вопрос: как

вести себя в этом огромном и сложном мире. Да они и сейчас не потеряли своей значимости. Люди несовершенны, они обладают слабостями и пороками, совершают глупые или дурные поступки и не осознают этого. Сказать им напрямую — обидятся, и тут на помощь приходит басня. Вовремя рассказанная или прочитанная басня поможет человеку увидеть себя со стороны, вызовет смех. А смех — это очень большая сила! Он может и разрядить обстановку, снять напряжение, и помочь понять ошибки, он заставляет задуматься. Умение видеть смешное в жизни и в людях — это особый дар, и далеко не каждый писатель умеет писать смешно. Ты знаешь, заставить человека плакать гораздо легче, чем рассмешить.

— Кстати, — вмешалась в разговор мама, — традиция смеха идет от царских дворов, при которых всегда были шуты. Они не просто веселили, развлекали царя и его свиту, они часто в форме шутки говорили правду, которую никто другой сказать не решался. И на шутов не принято было обижаться. На ярмарках, базарах, на праздничных народных гуляньях очень популярны были выступления комедиантов или артистов кукольного театра. Они представляли забавные сценки, в которых высмеивались людские пороки: жадность, глупость, самодовольство... Шутка, юмор, смех так же необходимы людям, как чистый воздух и солнечный свет. Чувство юмора, умение посмеяться над собой, над своими недостатками — очень ценные человеческие качества.

Вера слушала маму и думала о том, как определить, есть ли у человека чувство юмора. И еще ей хотелось спросить, кто же еще из писателей, кроме Крылова, умеет писать смешно. Но тетя Лена ее опередила:

— Знаешь что, — сказала она, — давай ты прочитаешь сказки Салтыкова-

Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухню и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче сон снился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи! да что ж это такое! где мы! — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия¹. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше, как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал.

— Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы.

— Ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера,

¹ Ока́зия — здесь: редкий, необычный случай.

становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, который, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вот нашел старый номер «Московских ведомостей», и больше ничего!

<http://kurokam.ru>

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал,

который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедем! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство: но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

— «Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы randevu на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснйиска стерлядь золотая», и питомец лесов кавказских, фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тьфу ты, господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее: — «Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упé осетра (происшествие, которого не запомнят даже старожилы, тем более что в осетре

был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...».

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв в свою очередь газету, прочел: — «Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...».

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

<http://kurokam.ru>

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озарило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили, как встрепанные, и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него. — Небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина: видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стрелка, но они так и закоченели, вцепившись в него. И зачал он перед ними действовать.

Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?».

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами – нигде не пропадешь!»

– Довольны ли вы, господа генералы? – спрашивал между тем мужичина-лежебок.

– Довольны, любезный друг, видим твое усердие! – отвечали генералы.

– Не позволите ли теперь отдохнуть?

– Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку. Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял – и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние всё накапливаются да накапливаются.

– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

– Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

– Стало быть, и Потоп был?

– И Потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более что в «Московских ведомостях» повествуют...

– А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут номер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани, – и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

– Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? – спрашивал один генерал другого.

– И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! – отвечал другой генерал.

– Хорошо-то оно хорошо здесь – слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

– Еще как жалко-то! Особливо как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

– А ведь мы с Подьяческой генералы! – обрадовались генералы:

– А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет, или по крыше, словно муха, ходит – это он самый я и есть! – отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет, да кормит генералов селедками.

Вот наконец и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

1. С какой целью писатель использует фантастическое в сказке?
2. Докажите, что в основе построения сказки лежит прием аллегории.
3. Почему автор отправляет своих генералов именно на необитаемый остров?
4. Каким показан в сказке мужик? Какой символический смысл имеет эпизод с веревкой, которую мужик сам для себя свил?
5. Показалась ли вам сказка смешной? А грустной?
- (П) 6. Есть ли что-то общее у сказки Салтыкова-Щедрина и басен Крылова? Что обличают и высмеивают оба автора?
7. Какие общечеловеческие вопросы поднимаются в сказке?
8. В какие другие разделы можно включить эту сказку? Почему?

Глава 23

Вечером все опять собрались в гостиной, и когда разговор зашел о литературе, Вера задала свой очень серьезный вопрос:

— Вот я читала и смешные рассказы, и стихи, и басни, и сказки, но почему-то мне кажется, что смех каждый раз у меня был разный, и у писателя тоже: и веселый, и грустный, и даже злой, а иногда читаешь, чувствуешь, что смешно, а смеяться не хочется. Почему так?

Пока Верины родители думали, как ответить, на помощь пришла тетя Лена:

— Я думаю, дело в том, Верочка, что ты научилась понимать, чувствовать, как относится автор к своим героям, и начинаешь различать, где он говорит о них с юмором, смеется беззлобно, понимая, что человеку свойственны слабости, а где доброму смеху не остается места, автор, абсолютно не приемля в людях или в жизни тех или иных вещей, борется с ними посредством сатиры. **Сатира и юмор — два главных проявления комического, то есть всего того, что вызывает у людей смех.** Писатель-юморист одновременно и смеется над людьми, и любит их, и учит человека смеяться над самим собой. Сатирик же более категоричен, он может говорить о людских пороках с досадой, даже с гневом, или использовать иронию, то есть насмешку. Я ответила на твой вопрос?

— Да, я теперь поняла: наверное, мне ближе юмор. Как-то лучше, когда писатель и смеется, и любит своих героев.

— Пожалуй, я соглашусь с тобой, — сказала тетя. — Знаешь, я думаю о том, что ты сказала: читаешь, смешно — а не смеешься. Я очень люблю рассказы Чехова, часто их перечитываю и до сих пор не знаю, чего в них больше — смешного или грустного. Все как в жизни, все переплетено, комическое и трагическое, радость и горе, смех и слезы. Я бы очень хотела, чтобы ты по-настоящему открыла для себя этого удивительного писателя...

Тетя Лена ненадолго вышла и вернулась с двумя книгами в руках.

На обложке одной из них было написано: «А.П.Чехов. Рассказы», а на другой — «Н.А. Тэффи».

— Кто это? — удивилась Вера. — Фамилия похожа на итальянскую.

— Нет, — улыбнулась тетя, — Тэффи — русская писательница, она много лет прожила в эмиграции. Я бы хотела, чтобы ты прочитала рассказы из обеих книг и подумала над ними.

Ребята, мы тоже хотели бы поговорить с вами о комическом в литературе и о том, как писатели с помощью смеха открывают человеку самого себя и мир вокруг.

- (П) 1. Вспомните наш разговор о юморе и сатире в детской литературе (книга для чтения «В океане света», 4-й класс), рассказы Н.Н. Носова, В. Драгунского, стихи Эд. Успенского, О. Григорьева, Г.Сапгира и других писателей. Попробуйте объяснить, что такое юмористическое произведение.
2. Какой прием создания комического эффекта мы наблюдали, читая рассказы Н.Н. Носова?
3. Что такое чувство юмора?
4. После чтения рассказов А.П. Чехова и Н.А. Тэффи подумайте над вопросом: что нового добавили эти произведения к вашему представлению о комическом в литературе?

А.П. Чехов

Смерть чиновника

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор¹, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя на вершине блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна неожиданностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Бризжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! – подумал Червяков. – Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо:

– Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...

– Ничего, ничего...

– Ради Бога, извините. Я ведь... я не желал!

– Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уж блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

– Я вас обрызгал, ваше-ство... Простите... Я ведь... не то чтобы...

– Ах, полноте... Я уж забыл, а вы все о том же! – сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, – подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. – И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!...»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Бризжалов «чужой», успокоилась.

– А все-таки ты сходи, извинись, – сказала она. – Подумает, что ты себя в публичке держать не умеешь!

¹ Экзекутор (лат. исполнитель) – чиновник при канцелярии в присутственном месте, на котором лежат полицейские и хозяйственные обязанности.

– То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, подстригся и пошел к Бризжалову объяснить... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

– Вчера в «Аркадии», ежели припомните, ваше-ство, – начал докладывать экзекутор, – я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

– Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? – обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! – подумал Червяков бледнея. – Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

– Ваше-ство! Ежели я осмеливаюсь беспокоить ваше-ство, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

– Да вы просто смеетесь, милостисдары! – сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? – подумал Червяков. – Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Черт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал, и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

– Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, – забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, – не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... – а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

– Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

– Что-с? – спросил шепотом Червяков, млея от ужаса.

– Пошел вон!! – повторил генерал, затапав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер.

1. От чего умер экзекутор Червяков?

2. Как вы поняли, в чем смысл этого рассказа?

3. Что смешно в рассказе, а что трагично?

4. Как вы думаете, с какой целью автор дает своему герою «говорящую» фамилию?

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын.

— Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

— Милый мой! — начал тонкий после лобызания. — Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, Господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафания, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

— В гимназии вместе учились! — продолжал тонкий. — Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом¹ за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом² за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафания! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

— Ну, как живешь, друг? — спросил толстый, восторженно глядя на друга. — Служишь где? Дослужился?

— Служу, милый мой! Коллежским ассессором³ уже второй год и Станислава имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по

¹ Герострат — грек, чтобы обессмертить свое имя, сжег храм Артемиды Эфесской в 356 г. до н.э.

² Эфиальт — (сер. V в. до н.э.) в Афинах вождь демократической группировки, провел реформу, ограничивающую функции ареопага — оплота аристократии.

³ Коллежский ассессор — в царской России гражданский чин 8-го класса (по Табели о рангах всего 14 классов).

тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский? А?

– Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного¹ дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

– Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

– Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, еще более съеживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

1. Подтвердите примерами из текста, что рассказ строится на контрасте.
2. Как вы поняли, почему произошла такая резкая перемена в поведении Порфирия (тонкого)? Проследите, как меняется его речь, внешний облик, поведение.
3. Подумайте, какой смысл вложил А.П. Чехов в следующие детали описания: от толстого пахло «хересом и флер-д'оранжем», от тонкого – «ветчиной и кофейной гущей»; жена тонкого – «женщина с длинным подбородком», «длинный подбородок жены стал еще длиннее». Почему тонкий все время повторяет, что его жена «урожденная Ванценбах... лютеранка»?
4. Какую роль играет в рассказе художественная деталь? Какой еще прием создания комического использует А.П. Чехов?
5. У героев рассказа есть имена – Михаил и Порфирий. Почему же автор называет их толстый и тонкий? В чем смысл названия рассказа?
6. Смешным или грустным вам показался этот рассказ? Какой он – сатирический или юмористический?

¹ Тайный советник – высший гражданский чин в царской России.

Лошадиная фамилия

У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы. Он полоскал рот водкой, конья-

ком, прикладывал к больному зубу табачную копоть, опий, скипидар, керосин, мазал щеку йодом, в ушах у него была вата, смоченная в спирту, но все это или не помогало, или вызывало тошноту. Приезжал доктор. Он поковырял в зубе, прописал хину, но и это не помогло. На предложение вырвать больной зуб генерал ответил отказом. Все домашние – жена, дети, прислуга, даже поваренок Петька предлагали каждый свое средство. Между прочим, и приказчик Булдеева Иван Евсеич пришел к нему и посоветовал полечиться заговором.

– Тут, в нашем уезде, ваше превосходительство, – сказал он, – лет десять назад служил акцизный¹ Яков Васильич. Заговаривал зубы – первый сорт. Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет – и как рукой! Сила ему такая дадена...

– Где же он теперь?

– А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится. Ежели у которого человека заболит зуб, то и идут к нему, помогает... Тамошних саратовских на дому у себя пользует, а ежели которые из других городов, то по телеграфу. Пошлите ему, ваше превосходительство, депешу, что так, мол, вот и так... у раба божьего Алексея зубы болят, прошу выпользовать. А деньги за лечение почтой пошлете.

– Ерунда! Шарлатанство!

– А вы попытайте, ваше превосходительство. До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин!

– Пошли, Алеша! – взмолилась генеральша. – Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но отчего не послать? Руки ведь не отвалятся от этого.

– Ну, ладно, – согласился Булдеев. – Тут не только что к акцизному, но и к черту депешу пошлешь... Ох! Мочи нет! Ну, где твой акцизный живет? Как к нему писать?

Генерал сел за стол и взял перо в руки.

– Его в Саратове каждая собака знает, – сказал приказчик. – Извольте писать, ваше превосходительство, в город Саратов, стало быть... Его благородию господину Якову Васильичу... Васильичу...

– Ну?

– Васильичу... Якову Васильичу... а по фамилии... А фамилию вот и забыл!.. Васильичу... Черт... Как же его фамилия? Давеча, как сюда шел, помнил... Позвольте-с...

Иван Евсеич поднял глаза к потолку и зашевелил губами. Булдеев и генеральша ожидали нетерпеливо.

– Ну, что же? Скорей думай!

— Сейчас... Васильичу... Якову Васильичу... Забыл! Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... Жеребцов нешто? Нет, и не Жеребцов. Помню, фамилия лошадиная, а какая — из головы вышибло...

— Жеребятников?

— Никак нет. Постойте... Кобылицын... Кобылятников... Кобелев...

— Это уж собачья, а не лошадиная. Жеребчиков?

— Нет, и не Жеребчиков... Лошадинин... Лошаков... Жеребкин...

Все не то!

— Ну, так как же я буду ему писать? Ты подумай!

— Сейчас. Лошадкин... Кобылкин... Коренной...

— Коренников? — спросила генеральша.

— Никак нет. Пристяжкин... Нет, не то! Забыл!

— Так зачем же, черт тебя возьми, с советами лезешь, ежели забыл? — рассердился генерал. — Ступай отсюда вон!

Иван Евсеич медленно вышел, а генерал схватил себя за щеку и заходил по комнатам.

— Ой, батюшки! — вопил он. — Ой, матушки! Ох, света белого не вижу!

Приказчик вышел в сад и, подняв к небу глаза, стал припоминать фамилию акцизного:

— Жеребчиков... Жеребковский... Жеребенко... Нет, не то! Лошадинский... Лошадевич... Жеребкович... Кобылянский...

Немного погода его позвали к господам.

— Вспомнил? — спросил генерал.

— Никак нет, ваше превосходительство.

— Может быть, Конявский? Лошадников? Нет?

И в доме, все наперерыв, стали изобретать фамилии. Перебрали все возрасты, полы и породы лошадей, вспомнили гриву, копыта, сбрую... В доме, в саду, в людской и кухне люди ходили из угла в угол и, почесывая лбы, искали фамилию...

Приказчика то и дело требовали в дом.

— Табунов? — спрашивали у него. — Копытин? Жеребовский?

— Никак нет, — отвечал Иван Евсеич и, подняв вверх глаза, продолжал думать вслух: — Коненко... Конченко... Жеребеев... Кобылеев...

— Папа! — кричали из детской. — Тройкин! Уздечкин!

Взбудоражилась вся усадьба. Нетерпеливый, замученный генерал пообещал дать пять рублей тому, кто вспомнит настоящую фамилию, и за Иваном Евсеичем стали ходить целыми толпами...

— Гнедов! — говорили ему. — Рысистый! Лошадицкий!

Но наступил вечер, а фамилия все еще не была найдена. Так и спать легли, не послав телеграммы.

Генерал не спал всю ночь, ходил из угла в угол и стонал... В третьем часу утра он вышел из дому и постучался в окно к приказчику.

— Не Меринов ли? — спросил он плачущим голосом.

— Нет, не Меринов, ваше превосходительство, — ответил Иван Евсеич и виновато вздохнул.

– Да может быть, фамилия не лошадиная, а какая-нибудь другая!
– Истинно слово, ваше превосходительство, лошадиная... Это очень даже отлично помню.

– Экий ты какой, братец, беспамятный... Для меня теперь эта фамилия дороже, кажется, всего на свете. Замучился!

Утром генерал опять послал за доктором.

– Пускай рвет! – решил он. – Нет больше сил терпеть...

Приехал доктор и вырвал больной зуб. Боль утихла тотчас же, и генерал успокоился. Сделав свое дело и получив, что следует, за труд, доктор сел в свою бричку и поехал домой. За воротами в поле он встретил Ивана Евсеича... Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны...

– Буланов... Чересседельников... – бормотал он, – Засупонин... Лошадский...

– Иван Евсеич! – обратился к нему доктор. – Не могу ли я, голубчик, купить у вас четвертей пять овса? Мне продают наши мужички овес, да уж больно плохой...

Иван Евсеич тупо поглядел на доктора, как-то дико улыбнулся и, не сказав в ответ ни одного слова, всплеснув руками, побежал к усадьбе с такой быстротой, точно за ним гналась бешеная собака.

– Надумал, ваше превосходительство! – закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. – Надумал, дай Бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного! Овсов, ваше превосходительство! Посылайте депешу Овсову!

– Накося! – сказал генерал с презрением и поднес к лицу его два кукиша. – Не нужно мне теперь твоей лошадиной фамилии! Накося!

1. Является ли смешной ситуация, изображенная Чеховым?
2. Есть ли в этом рассказе серьезные мысли или это просто забавная зарисовка?
3. Что общего во всех прочитанных вами рассказах Чехова? В чем особенности юмора Чехова?

Хамелеон

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

– Так ты кусаться, окаянная? – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пуцай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой накрахмаленной рубашке и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

– Никак беспорядок, ваше благородие!.. – говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около са-
мых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстег-
нутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окро-
вавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я
сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы.
В этом человеке Очумелов узнаёт золотых дел мастера Хрюкина.
В центре толпы, растопылив передние ноги и дрожа всем телом, си-
дит на земле сам виновник скандала – белый борзой щенок с острой
мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выраже-
ние тоски и ужаса.

– По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

– Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... – начинает Хрюкин, кашляя в кулак. – Насчет дров с Митрий Митричем, – и вдруг эта под-
лая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, кото-
рый работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, по-
тому – я этим пальцем, может, неделю не пошевелю... Этого, ваше
благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый
будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

– Гм!.. Хорошо... – говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бро-
вями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам,
как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ,
не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его,
мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий
скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, – обращается надзира-
тель к городовому, – узнай, чья это собака, и составляй протокол!
А собаку истребить надо. Не медля! Она наверное бешеная... Чья это
собака, спрашиваю?

– Это, кажись, генерала Жигалова! – говорит кто-то из толпы.

– Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто...
Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только
я не понимаю; как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к
Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь
вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвозди-
ком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь...
известный народ! Знаю вас, чертей!

– Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она – не
будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

– Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

– Не рассуждать!

– Нет, это не генеральская... – глубокомысленно замечает городской. – У генерала таких нет. У него всё больше лягавые...

– Ты это верно знаешь?

– Верно, ваше благородие...

– Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта – черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

– А может быть, и генеральская... – думает вслух городской. – На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

– Вестимо¹, генеральская! – говорит голос из толпы.

– Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака – нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

– Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

– Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

– И спрашивать тут долго нечего, – говорит Очумелов. – Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и всё.

– Это не наша, – продолжает Прохор. – Это генералова брата, что намедни приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

– Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. – Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

– В гости...

– Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцук этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

– Я еще доберусь до тебя! – грозит ему Очумелсв и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1. Что делает этот рассказ смешным, а что – грустным?
2. Докажите, что этот рассказ юмористический.
3. Проследите по тексту, как меняется поведение Очумелова? Объясните, чем это вызвано. Подготовьте выразительное чтение диалогов Очумелова и Елдырина.
4. Какую роль играет пейзаж в начале рассказа? К какому развитию событий готовит он читателя?
5. В чем смысл названия рассказа?

Творческие работы.

1. Определите основные несоответствия, на которых строятся рассказы А.П. Чехова. Придумайте свое несоответствие, которое можно было бы обыграть в юмористическом рассказе.
2. Найдите в вашей школьной жизни сюжет для юмористического рассказа. Какие фамилии могли бы носить герои будущего рассказа?
3. Подготовьте творческий пересказ текста от лица одного из персонажей (человек из толпы, Елдырин, Очумелов, собака...).
4. Подготовьте заочную экскурсию по улицам города N.

Н.А. Тэффи

Митенька

Митенька проснулся и очень удивился: вместо веселой голубенькой стенки своей детской он увидел серую суконку с гвоздиками. Суконка чуть-чуть шевелилась, глухо пристукивала, и Митенька от этого сам немножко потряхивался.

«Зареветь или, уж так и быть, не реветь?» – призадумался он на одну минутку и вдруг понял, что с ним происходит самое любимое и самое радостное: он едет по железной дороге.

Понял, брыкнул ногами и свесил голову вниз. Ух, как высоко! А внизу люди живут, с корзинками, с чемоданами.

– Мама! Вставай! Приехали в Вержболово! Эка какая лентяюшка, все проспидь. Так, братец мой, нельзя!

Мама подошла, совсем маленькая – одна голова видна.

– Чего ты вскочил? Спал бы еще.

Митенька покрутил круглым веснушчатым носиком.

– Нет, братец ты мой. Мне работать пора. Подай-ка сюда моих солдат.

Мама дала ему коробочку. Солдаты были хорошие, крупные, все как на подбор. У одного был отломан кусок сабли, но это значило только, что он храбрее всех.

Началось строевое ученье.

Митенька знал только одну команду: «На пле-чо!». Но и с этими небольшими познаниями, если применять их толково и умеючи, можно достигнуть великолепных результатов.

– На пле-чо! – рычал Митенька басом и, нахмутив те места, где у взрослых бывают брови, сажал солдата к себе на плечо.

– Ну, иди, воин, одевать пора.

Митеньку сняли с верхней скамейки и стали одевать. Внизу, кроме мамы, оказались две дамы, которые притворялись, будто им решительно все равно, что они едут по железной дороге. Одна читала книжку, другая зевала.

Мимо окошка пробежал длинный товарный поезд, а они даже головы не повернули. Вот хитрые, как притворяются!

– Мама! А как же железная дорога ночью ходит?

Мама не отвечала, собирая Митенькины вещи.

– Мама! Как же она ходит ночью?

– Ходит, ходит, не приставай.

– А как же волки? А? Мама, как же волки?

Мама опять молчала.

– Ведь волки могут ее съесть. А? Как же она не боится?

Но мама, видно, сама не много понимала в этих делах, потому что вместо прямого и точного ответа предложила Митеньке хоть на минутку заткнуть себе рот.

– Не мешай. Нужно папины сигары подальше спрятать, а то найдут на таможне – беда будет.

– Искать станут?

– Ну конечно.

– Где им найти! Вот я бы живо нашел. Стал бы тебя щекотать, ты бы засмеялась да и призналась.

Одна из дам улыбнулась и спросила маму:

– Сколько лет вашему молодцу?

– Четырнадцать! – поспешил Митенька удовлетворить ее любопытство.

– Ему пятый год, – ответила мама, совсем не считаясь с тем, что Митенька, как вежливый мальчик, уже ответил.

Пришлось поставить ее на место:

– Я же ответил, чего же ты отвечаешь? Я, братец мой, тоже с языком.

– Какой большой мальчик, – говорила дама. – Рослый. Ему шесть лет дать можно.

– Да. Многие думают, что ему седьмой.

Митенька доволен, польщен, и от этого ему делается совестно. Чтобы скрыть свои чувства от посторонних глаз, он начинает бить ногой по дивану.

– Го-го-го!

Попадает по колену второй дамы, и та сердито что-то говорит не по-русски.

Подъезжают к станции. Выходят. Потом идут в большой зал с длинными-длинными столами. На столы кладут узлы и чемоданы, а сами становятся рядом.

– Это ваши вещи? Это ваши вещи?

Митеньке новая игра понравилась. Он поднял как можно выше свой круглый веснушчатый носик и кричит на все голоса:

- Это ваши вещи? Это ва-ши ве-щи?
- Вот подошли какие-то бородатые. Мама забеспокоилась.
- Ничего нет! Ничего нет!
- Люди раскрыли чемоданы и стали искать.
- Ха-ха-ха! – заливается Митенька. – Где уж вам найти! Мы папины сигары так спрятали, что и волку не достать.
- Мама покраснела, а они вдруг и вытащили коробку.
- Митенька запрыгал на одной ножке вокруг мамы.
- Нашли! Нашли! Вот те и запрятала. И щекотать не пришлось.
- А мама совсем не смеялась, а пошла за бородатыми в другую комнату, а бородатые еще какую-то кофточку из чемодана вынули.
- Вернулась мама красная и надутая.
- Чего сердишься? Нельзя, мама, братец ты мой. Не умеешь прятать, так и не сердись.
- Господи! Да помолчи ты хоть минутку!
- Опять поехали.
- Теперь вагон был деревянный.
- Отчего деревянный? – спросил Митенька.
- Оттого, что ты глупый мальчишка, – неприятно отвечала мама. – Пришлось на таможне пошлину платить, а теперь должны в третьем классе ехать.
- От мамина голоса Митеньке стало скучно и захотелось утешиться чем-нибудь приятным.
- Мама, ведь мне седьмой год? Да? Все говорят, что седьмой?
- Подошел кондуктор, спросил билеты.
- Митенька смотрел со страхом и уважением на широкое лицо и на машинку, которой он прощелкивает билеты.
- Мальчику сколько лет?
- Митенька обрадовался, что можно похвастать перед этой знатной особой.
- Седьмой!
- Ему пятый год! Пятый год! – испуганно затараторила мама.
- Так он ей сейчас и поверит!
- Это ты, мама, братец мой, другим рассказывай. Все говорят, что седьмой, – значит седьмой. А тебе откуда знать?
- Доплатить придется, – серьезно сказал кондуктор.
- Мама что-то запищала – ну да кондуктор, конечно, на Митенькиной стороне.
- Мама, чего же ты надулась? И смелая же ты, братец мой!

Переоценка ценностей

Петя Тузин, гимназист первого класса вскочил на стул и крикнул:

– Господа! Объявляю заседание открытым!

Но гул не прекращался. Кого-то выводили, кого-то стучали линейкой по голове, кто-то собирался кому-то жаловаться.

– Господа! – закричал Тузин еще громче. – Объявляю заседание открытым. Семенов-второй! Навались на дверь, чтобы пригостишки не пролезли. Эй, помогите ему! Мы будем говорить о таких делах, которые им слышать еще рано. Ораторы, выходи! Кто записывается в ораторы, подними руку. Раз, два, три, пять. Всем нельзя, господа; у нас времени не хватит. У нас всего двадцать пять минут осталось. Иванов-четвертый! Зачем жуешь? Сказано – сегодня не завтракать! Не слышал приказа?

– Он не завтракает, он клячку жует.

– То-то, клячку! Открой-ка рот! Федька, сунь ему палец в рот, посмотри, что у него. А? Ну то-то! Теперь прежде всего решим, о чем будем рассуждать. Прежде всего, я думаю... ты что, Иванов-третий?

– Плежде всего надо лассуждать пло молань, – выступил вперед очень толстый мальчик с круглыми щеками и надутыми губами. – Молань важнее всего.

– Какая молань? Что ты мелешь? – удивился Петя Тузин.

– Не молань, а молаль! – поправил председателя тоненький голосок из толпы.

– Я и сказал: молань! – надулся еще больше Иванов-третий.

– Мораль? Ну, хорошо, пусть будет мораль. Так, значит, мораль... А как это – мораль... это про что?

– Чтобы они не лезли со всякой ерундой, – волнуясь, заговорил черненький мальчик с хохлом на голове. – То не хорошо, другое не хорошо. И этого нельзя делать, и того не смей. А почему нельзя – никто не говорит. И почему мы должны учиться? Почему гимназист непременно обязан учиться! Ни в каких правилах об этом не говорится. Пусть мне покажут такой закон, я, может быть, тогда и послушался бы.

– А почему тоже говорят, что нельзя класть локти на стол? Все это вздор и ерунда, – подхватил кто-то из напивавших на дверь. – Почему нельзя? Всегда буду класть...

– И чтоб позволили зениться, – пискнул тоненький голосок.

– Кричат: «Не смей воровать!» – продолжал мальчик с хохлом. – Пусть докажут. Раз мне полезно воровать...

– А почему вдруг говорят, чтоб я муху не мучил? – забасил Петров-второй. – Если мне доставляет удовольствие...

– А мама говорит, что я должен свою собаку кормить. А с какой стати мне о ней заботиться? Она для меня никогда ничего не сделала!...

– Стоб не месали вступать в блак, – пискнул тоненький голосок.

– А кроме того, мы требуем полного и тайного женского равноправия. Мы возмущаемся и протестуем. Иван Семеныч нам все колы лепит, а в женской гимназии девочкам ни за что пятерки ставит. Мне Манька рассказывала...

– Держи дверь! Напирай сильнее! Пригостишки ломаются.

– Тише, господа! – надрывался председатель. – Объявляю, что заседание продолжается.

Иванов-третий продвинулся вперед.

– Я настаиваю, чтоб лассуждали пло молань! Я хочу пло молань говорить, а Сенька мне в ухо дует! Я хочу, чтоб не было никакой молани. Нам должны все позволить. Я не хочу уважать лодителей, это унижительно. Сенька! Не смей мне в ухо дуть! И не буду слушаться сталших, и у меня у самого могут лодиться дети... Сенька! Блось! Я тебе в молду!

– Мы все требуем свободной любви. И для женских гимназий тоже.

– Пусть не заплещают нам зениться! – пискнул голосок.

– Они говорят, что обижать и мучить другого нехорошо. А почему нехорошо? Нет, вот пусть объяснят, почему нехорошо, тогда я согласен. А то эдак все можно выдумать: есть нехорошо, спать нехорошо, нос нехорошо, рот нехорошо. Нет, мы требуем, чтобы они сначала доказали. Скажите, пожалуйста, – нехорошо! Если не учишься – нехорошо. А почему же, разрешите спросить, – нехорошо? Они говорят: «Дураком вырастешь». Почему дурак – нехорошо? Может быть, очень даже хорошо.

– Дулак – это холосо!

– И по-моему, хорошо. Пусть они делают по-своему, я им не мешаю, пусть и они мне не мешают. Я ведь отца по утрам на службу не гоняю. Хочет – идет, не хочет – мне наплевать. Он третьего дня в клубе шестьдесят рублей проиграл. Ведь я же ему ни слова не сказал. Хотя, может быть, мне эти деньги и самому пригодились бы. Однако смолчал. А почему? Потому что я умею уважать свободу каждого ин-ди... юн-ди... ви-ди-ума. А он меня по носу тетрадью хлопает за каждую единицу. Это гнусно. Мы протествуем.

– Позвольте, господа, я должен все это занести в протокол. Нужно записать. Вот так: «Протокол засе... «Засе» или «заси»? Засидания». Что у нас там первое?

– Я говорил, чтоб не приставали «локти на стол»...

– Ага! Как же записать?.. Нехорошо – «локти». Я напишу «оконечности! «Протест против запрещения класть на стол свои оконечности». Ну, дальше.

– Стоб зениться...

– Нет, врешь, тайное равноправие!

– Ну ладно, я соединю. «Требуем свободной любви, чтоб каждый мог жениться, и тайное равноправие полового вопроса для дам, женщин и детей». Ладно?

– Тепель пло молань.

– Ну ладно. «Требуем переменить мораль, чтобы ее совсем не было. Дурак – это хорошо».

– И воровать можно.

– «И требуем полной свободы и равноправия для воровства и кражи, и пусть все, что нехорошо, считается хорошо». Ладно?

– А кто украл, напиши, тот совсем не вор, а просто так себе человек.

– Да ты чего хлопчешь? Ты не слимонил ли чего-нибудь?

– Караул! Это он мою булку слопал. Вот у меня здесь сдобная булка лежала; а он все около нее боком... Отдавай мне мою булку!.. Сенька!

Держи его, подлеца! Вали его на скамейку! Где линейка?... Вот тебе!.. Вот тебе!..

— А-а-а! Не буду! Ей-богу, не буду!..

— А, он еще щипаться!..

— Дай ему в молду! Мелзавец! Он делется!..

— Загни ему салазки! Петька, заходи сбоку!.. Помогай!..

Председатель вздохнул, слез со стула и пошел на подмогу.

1. Как вы думаете, рассказ «Митенька» больше о детях или о взрослых?
2. Какая деталь в речи Митеньки помогает лучше понять характер мальчика?
3. Как вы поняли смысл названия рассказа — «Переоценка ценностей»?
4. Какие детали в речевой характеристике гимназистов-героев рассказа служат средством создания комического?
5. Можно ли оба рассказа назвать юмористическими? Почему?
6. Есть ли что-то общее в рассказах А.П. Чехова и Н.А. Тэффи?

Глава 24

Погода испортилась: похолодало, пошел дождь, и все немного приуныли. Для поднятия настроения тетя Лена предложила через час собраться в гостиной. За это время каждый из взрослых должен подготовиться к «литературному утренику»: найти на полках книгу своего любимого писателя, желательно веселую, выбрать отрывки, которые можно прочесть вслух, и придумать короткую речь на тему «Почему мне нравится этот писатель».

Речь папы:

— Дорогие дамы! Я представляю на ваш суд эпиграммы и эпиграфии моего любимого поэта Роберта Бёрнса. Для непосвященных объясняю, что **эпиграмма** — это короткое сатирическое стихотворение. Этот жанр зародился в античной литературе. Обязательный признак эпиграммы — неожиданное завершение. Вот пример эпиграммы Лукиана:

*Если ты думаешь, что с бородой
вырастает ученость,*

То бородатый козел есть настоящий Платон.

Эпитафия — это надгробная надпись, но у нее есть особая разновидность — **эпитафия сатирическая**.

За что я люблю Роберта Бёрнса? Во-первых, за умение писать коротко и очень точно. Во-вторых, за его житейскую мудрость, за умение видеть смешное в жизни, и в-третьих, за то, что он никогда не поучает, но заставляет думать. Все! Это самая короткая публичная речь. Читаю Бёрнса...

Роберт Бёрнс

Эпиграммы и эпитафии

К портрету духовного лица

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец – плут.

Надпись на могиле школьного педанта¹

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

О черепае тупицы

Господь во всем, конечно, прав.
Но кажется непостижимым,
Зачем он создал прочный шкаф
С таким убогим содержимым!

<http://kurokam.ru/>

Речь мамы:

– Милостивые государыни и милостивые государи! Я имею честь представить на ваш суд сразу двух моих любимых писателей. Это Илья Ильф и Евгений Петров. Подавляющее большинство своих произведений они написали вдвоем. Подобные случаи соавторства в истории литературы встречаются нечасто: Алексей Константинович Толстой и братья Жемчужниковы, Аркадий и Борис Стругацкие... Итак, Илья Ильф и Евгений Петров. Необыкновенно остроумные и талантливые писатели. Сначала я хотела представить их романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», но так и не смогла отобрать фрагменты: хочется читать всё! Поэтому я решила ограничиться малым жанром – **фельетоном. Это особый жанр: произведение обычно небольшого объема, в котором злободневность и критика сочетаются с иронией.** Бывают литературные, политические, театральные, бытовые фельетоны. И. Ильф и Е. Петров были мастерами бытового фельетона. В 20-е годы они работали в редакции железнодорожной газеты «Гудок» вместе с Юрием Олешей, Михаилом Булгаковым, Валентином Катаевым. На страницах газеты часто появлялись фельетоны этих, тогда еще молодых писателей.

Почему я люблю книги Ильфа и Петрова? Меня покоряет их чувство юмора, легкий стиль и афористичность языка.

¹ Педант – тот, кто излишне строг в выполнении всех формальных требований.

И. Ильф, Е. Петров
Любители футбола

Для всех граждан лето кончилось. Граждане уже ходят в калошах, покорно ожидают гриппа, часто подходят к трубам центрального отопления и ласкают их холодными пальцами.

А для ревнителей футбола — лето еще в самом разгаре. Тесно сидят они на стадионе, накрыв головы газетами, и по их щекам стекают толстые капли. И неизвестно — дождь ли бежит по щекам ревнителей или слезы восторга перед классной игрой.

Несколько раз в году бывают светлые и удивительные, почти что противоестественные дни, когда в Москве не происходит ни одного заседания. Не звенят в эти дни председательские колокольчики, никто не просит слова к порядку ведения собрания, не слышны замогильные голоса докладчиков.

Все ушли. Ушли на стадион «Динамо» смотреть футбол.

Со всех сторон на Страстную площадь стекаются любители футбольной игры, юные и пожилые ревнители физкультуры. Отсюда на стадион «Динамо» ведет прямая дорога. Отсюда многотысячные толпы идут напролом.

Именно здесь, на этой прямой, образованной из Тверской улицы, Ленинградского шоссе и «показательного километра», произошел первый и пока единственный в мире случай, когда пешеходы задавили автомобиль.

Повторяем. Не автомобиль задавил пешехода, а пешеходы задавили автомобиль.

Драма разыгралась на «показательном километре». Нетерпеливые ревнители футбола, завидев пероховатые серые бастиины «Динамо», просвечивавшие сквозь кущи Петровского парка, развили недозволенную скорость, и мгновенно смяли мирно пересекавший дорогу «фордик», модель «А». «Форд» визжал, как зайчик. Но было поздно. По нему прошло пятьдесят тысяч человек, после чего потерпевший, естественно, был сдан в утиль.

По этой же прямой некая старушонка, прибывшая из Можайска в день матча, безрезультатно простояла в трамвайной очереди восемь часов кряду и, так ничего и не поняв, уехала обратно в Можайск.

Положение обыкновенных граждан в такой день ужасно. Все пути сообщения заняты любителями. Размахивая руками и громко делаясь догадками насчет предстоящей игры, они захватывают вагоны, мостовые, тротуары, окружают одиночные такси и с молящими лицами просят шофера отвезти их на стадион, просят как нищие, со слезами на глазах.

В общем, так или иначе, счастливые обладатели билетов (обычно это организованные через завкомы зрители) подбираются к стадиону.

ну. Здесь их ожидают еще большие толпы. Это неорганизованные зрители, которые билетов не достали и не достанут. Пришли они в надежде на чудо.

Расчет простой: у кого-нибудь из пятидесяти тысяч заболит жена или приятель. «Бывают же такие случаи», — мечтает неорганизованный зритель. И этот «кто-нибудь» продает свой билет. Или вдруг какой-нибудь полусумасшедший индивидуум, пробившись к самым воротам северной трибуны, раздумает; вдруг кто-то не захочет идти на матч. И тоже продаст свой билет.

Но напрасно неорганизованный зритель умильно заглядывает в глаза зрителя организованного и шепчет:

— Нет у вас лишнего билетика?

Все напрасно. Жены и приятели в такой день не болеют, а полусумасшедших индивидуумов и вовсе нет.

Утверждают, впрочем, что какой-то оригинал предложил свободный билет на круглую трибуну. Едва он сообщил об этом, как утонул в толпе неорганизованных зрителей. Минуты две продолжалось тяжелое топтанье и возня, а когда все разошлись с раскрасневшимися лицами, на месте происшествия были найдены только две пиджачные пуговицы и кучка пепла. И никто до сих пор не знает, куда девался опрометчивый собственник билета.

За полчаса до начала матча, когда зритель идет косяком, как сельдь, а машины, собравшиеся со всей Москвы, выстраиваются в длинную веселую ленту, кинофабрика высылает съемочную группу, которая быстро накручивает кадры, изображающие уличное движение в Нью-Йорке. Это необходимо для картины «Акула капитала».

Бетонные откосы стадиона заняты сплошь. На северной трибуне зрители разворачивают пакетики и, волнуясь, закусывают (они не успели пообедать). На южной, солнечной, трибуне устраивают из газет дурацкие смешные треугольники и фунтики и напаяливают их на головы.

Наконец звучит четырехтонный судейский гудочек. Все невольно вздыхают. Курящие заранее закуривают, чтобы потом не отвлекаться, а некурящие кладут в рот мятные драже «пектус» и нервно цокают языками.

Матч проходит с возмущающей душу любителя быстротой. Хотя игра длится полтора часа, но любителю чудится, что его обманули, что играли только две минуты. И даже в эти две минуты судья был явно пристрастен к одной из сторон. Любителю всегда кажется, что судья кривит душой и неверно судит, что нападающая пятерка недостаточно быстро бежит, а левый край вообще ни к черту, размагнитился окончательно, и гол дали с офсайта, и вообще, будь он, любитель, на поле, все было бы гораздо интересней, правильней и лучше.

Но все же любитель футбола хороший и настоящий человек. Он молод. Он волнуется, кипит, болеет душой, высоко ценит дружную игру команды, точную передачу мяча и верный удар по воротам. Он не любит мазунов и так называемых индивидуалов, которые «заматывают»

ся», играют сами за себя и портят всю чудесную музыку футбола.

Ни одно зрелищное предприятие не может похвалиться такой обширной рабочей аудиторией, как стадион в день большого международного матча. «Рабочая полоса» занимает здесь девять десятых всех мест.

Конец второго тайма проходит в сумерках. Над полем пролетает тяжелый почтовый самолет. Он еще освещен солнцем, а на трибунах уже ясно видны спичечные вспышки. В эту тихую минуту, когда для того, чтобы отыгаться, остается только несколько драгоценных мгновений и игра достигает предельного напряжения, с места поднимается первый пижон в белой замшевой кепке и, ступая по ногам, устремляется к выходу. Его увлекает мечта попасть в пустой вагон трамвая. Сейчас же, вслед за этим событием, определяется число пижонов, присутствующих на матче. Их примерно три тысячи человек. Они срываются с места и, обезумев, бегут к выходу. Это жалкие люди, которым трамвай дороже футбола. Их презирают как штрейкбрехеров.

В то время как они с визгом, кусая друг друга борются за местечко на конечной остановке трамвая, весь массив зрителей переживает последние неповторимые комбинации футбольного боя.

И еще минуту спустя после финального свистка все сидят неподвижно, встают без суеты и чинно выходят на шоссе, поднимая облака пыли. Тут, на «показательном километре» обсуждается игра и выносятся окончательные суждения о том или ином игроке. Здесь плохо приходится одиночке. Хочется поделиться, а поделиться не с кем. С жалобной улыбкой подбегает одиночка к группам и заговаривает с ними. Но все заняты спором, и появление нового собеседника встречается холодно. Плохо одиночке!

На последнем большом матче приключилась беда с великим любителем футбола. Он был на стадионе в большой компании, но при выходе растерял приятелей в толпе. И случилось для него самое ужасное — не с кем было поделиться впечатлениями.

Он метался среди чужих равнодушных спин, не зная, что делать. Впечатления распирали его. И, не будучи в силах сдержать чувства, он решил послать кому-нибудь телеграмму. Но кому?

Результатом всего этого явилось следующее происшествие: в городе Сызрани, ночью, почтальон разбудил мирного служащего, дядю указанного любителя, и вручил ему телеграмму. Долго стоял захолустный дядя, переступая босыми ногами по холодному полу и силясь разобрать непонятную депешу:

«Поздравляю счетом три два пользу сборной тчк Турции выделял-ся левый край Ребии зпт большим тактом судил Кемаль Рифат зпт обрадуй тетю».

Дядя не спал всю ночь. Тетя плакала и тоже ничего не понимала.

1. Какие особенности бытового фельетона вы отметили, читая текст?
2. Было ли вам смешно, когда вы читали фельетон? Почему? Какие приемы используют писатели для создания комического?

Речь тети Лены:

— Дорогие мои, я в самом трудном положении, потому что люблю очень многих писателей. Но поскольку мы договорились читать веселые вещи и в ваших выступлениях шла речь о произведениях юмористических и сатирических, я решила предложить вам отрывок из книги писателя, которому удалось сделать почти невозможное. Будучи англичанином, он написал книгу, которая заставляет смеяться читателей разных стран, книгу очень милую и добрую. Я говорю о Джероме К. Джероме и его повести «Трое в одной лодке, не считая собаки». Смех в его высоком понимании (а не когда один шлепнулся, а все смеются) всегда национален. Это значит то, над чем смеются в одной стране, будет непонятным и совсем не смешным в другой. А вот Джерому К. Джерому удалось, без преувеличения, рассмешить людей всего мира. Как? Почитаем и подумаем.

Джером К. Джером
Трое в одной лодке,
не считая собаки

Глава I

Трое больных. — Немоги Джорджа и Гарриса. — Жертва ста семи смертельных недугов. — Спасительный рецепт. — Средство от болезни печени у детей. — Нам ясно, что мы переутомлены и нуждаемся в отдыхе. — Неделя в океанском просторе. — Джордж высказывается в пользу реки. — Монморанси выступает с протестом. — Предложение принято большинством трех против одного.

Нас было четверо: Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, я и Монморанси. Мы сидели в моей комнате, курили и разговаривали о том, как плох каждый из нас, — плох, я, конечно, имею в виду, в медицинском смысле.

Все мы чувствовали себя неважно, и это нас очень тревожило. Гаррис сказал, что у него бывают страшные приступы головокружения, во время которых он просто ничего не соображает; и тогда Джордж сказал, что у него тоже бывают приступы головокружения и он тоже ничего не соображает. Что касается меня, то у меня была не в порядке печень. Я знал, что у меня не в порядке именно печень, потому что на днях прочел рекламу патентованных пилюль от болезни печени, где перечислялись признаки, по которым человек может определить, что у него не в порядке печень. Все они были у меня налицо.

Странное дело: стоит мне прочесть объявление о каком-нибудь патен-

тованном средстве, как я прихожу к выводу, что страдаю той самой болезнью, о которой идет речь, причем в наипаснейшей форме. Во всех случаях описываемые симптомы точно совпадают с моими ощущениями.

Как-то раз я зашел в библиотеку Британского музея, чтобы навести справку о средстве против пустячной болезни, которую я где-то подцепил, — кажется, сенной лихорадки. Я взял справочник и нашел там все, что мне было нужно, а потом, от нечего делать, начал перелистывать книгу, просматривая то, что там сказано о разных других болезнях. Я уже позабыл, в какой недуг я погрузился раньше всего, — знаю только, что это был какой-то ужасный бич рода человеческого, — и не успел я добраться до середины перечня «ранних симптомов», как стало очевидно, что эта болезнь гнездится во мне.

Несколько минут я сидел как громом пораженный; потом, с безразличием отчаяния, принялся переворачивать страницы дальше. Я добрался до холеры, прочел о ее признаках и установил, что у меня холера, что она мучает меня уже несколько месяцев, а я об этом и не подозревал. Мне стало любопытно: чем я еще болен? Я перешел к пляске святого Витта и выяснил, как и следовало ожидать, что ею я тоже страдаю; тут я заинтересовался этим медицинским феноменом и решил разобраться в нем досконально. Я начал прямо по алфавиту. Прочитал об анемии и убедился, что она у меня есть и что обострение должно наступить недели через две. Брайтовой болезнью, как я с облегчением установил, я страдал лишь в легкой форме, и, будь у меня она одна, я мог бы надеяться прожить еще несколько лет. Воспаление легких оказалось у меня с серьезными осложнениями, а грудная жаба была, судя по всему, врожденной. Так я добросовестно перебрал все буквы алфавита, и единственная болезнь, которой я у себя не обнаружил, была родильная горячка.

Вначале я даже обиделся; в этом было что-то оскорбительное. С чего это вдруг у меня нет родильной горячки? С чего это вдруг я ею обойден? Однако спустя несколько минут моя ненасытность была побеждена более достойными чувствами. Я стал утешать себя, что у меня есть все другие болезни, какие только знает медицина, устыдился своего эгоизма и решил обойтись без родильной горячки. Зато тифозная горячка совсем меня скрутила, и я этим удовлетворился, тем более что ящуром я страдал, очевидно, с детства. Ящуром книга заканчивалась, и я решил, что больше мне уже ничто не угрожает.

Я задумался. Я думал о том, какой интересный клинический случай я представляю собой, какой находкой я был бы для медицинского факультета. Студентам незачем было бы практиковаться в клиниках и участвовать во врачебных обходах, если бы у них был я. Я сам — целая клиника. Им нужно только совершить обход вокруг меня и сразу же отправляться за дипломами.

Тут мне стало любопытно, сколько я еще протяну. Я решил устроить себе врачебный осмотр. Я пощупал свой пульс. Сначала никакого пульса не было. Вдруг он появился. Я вынул часы и стал считать.

Вышло сто сорок семь ударов в минуту. Я стал искать у себя сердце. Я его не нашел. Оно перестало биться. Поразмыслив, я пришел к заключению, что оно все-таки находится на своем месте и, видимо, бьется, только мне его не отыскать. Я постукал себя спереди, начиная от того места, которое я называю талией, до шеи, потом прошелся по своим бокам с заходом на спину. Я не нашел ничего особенного. Я попробовал осмотреть свой язык. Я высунул язык как можно дальше и стал разглядывать его одним глазом, зажмурив другой. Мне удалось увидеть только самый кончик, и я преуспел лишь в одном: утвердился в мысли, что у меня скарлатина. Я вступил в этот читальный зал счастливым, здоровым человеком. Я выполз оттуда жалкой развалиной.

Я пошел к своему врачу. Он мой старый приятель; когда мне почудится, что я нездоров, он щупает у меня пульс, смотрит мой язык, разговаривает со мной о погоде, — и все это бесплатно; я подумал, что теперь моя очередь оказать ему услугу. «Главное для врача — практика», — решил я. Вот он ее и получит. В моем лице он получит такую практику, какой ему не получить от тысячи семисот каких-нибудь заурядных пациентов, у которых не наберется и двух болезней на брата. Итак, я пошел прямо к нему, и он спросил:

— Ну, чем ты заболел?

Я сказал:

— Дружище, я не буду отнимать у тебя время рассказами о том, чем я заболел. Жизнь коротка, и ты можешь отойти в иной мир, прежде чем я окончу свою повесть. Лучше я расскажу тебе, чем я не заболел: у меня нет родильной горячки. Я не смогу тебе объяснить, почему у меня нет родильной горячки, но это факт. Все остальное у меня есть.

И я рассказал о том, как сделал свое открытие.

Тогда он задрал рубашку на моей груди, осмотрел меня, затем крепко стиснул мне запястье, и вдруг, без всякого предупреждения, двинул меня в грудь, — по-моему, это просто свинство, — и вдобавок боднул головой в живот. Потом он сел, написал что-то на бумажке, сло-

жил ее и отдал мне, и я ушел, спрятав в карман полученный рецепт.

Я не заглянул в него. Я направился в ближайшую аптеку и подал его аптекарю. Тот прочитал его и вернул мне.

Он сказал, что такого у себя не держит. Я спросил:

– Вы аптекарь?

Он сказал:

– Я аптекарь. Будь я сочетанием продуктовой лавки с семейным пансионом, – я мог бы вам помочь. Но я только аптекарь.

Я прочитал рецепт. В нем значилось:

Бифштекс – 1 фунт

Пиво – 1 пинта

(принимать каждые 6 часов)

Прогулка десятимильная – 1

(принимать по утрам)

Постель – 1

(принимать вечером, ровно в 11 часов)

И брось забивать себе голову вещами, в которых ничего не смыслишь.

Я последовал этим предписаниям, что привело к счастливому (во всяком случае, для меня) исходу: моя жизнь была спасена, и я до сих пор жив.

Но вернемся к вышеупомянутой рекламе пилюль. В данном случае у меня были все признаки болезни печени (в этом нельзя было ошибиться), включая главный симптом: «апатия и непреодолимое отвращение ко всякого рода труду».

Как меня мучил этот недуг – невозможно описать. Я страдал им с колыбели. С тех пор как я пошел в школу, болезнь не отпускала меня почти ни на один день. Мои близкие не знали тогда, что это от печени. Теперь медицина сделала большие успехи, но тогда все это сваливали на лень.

– Как? Ты все еще валяешься в постели, ленивый чертенок! Живо вставай да займись делом! – говорили мне, не догадываясь, конечно, что у меня больная печень.

И пилюль мне не давали; мне давали подзатыльники. И как это ни удивительно – подзатыльники часто меня вылечивали, во всяком случае – на время. Да что там говорить, один тогдашний подзатыльник сильнее действовал на мою печень и больше способствовал ускорению движений и незамедлительному выполнению всех дел, которые надлежало выполнить, чем целая коробка пилюль в настоящее время.

Видите ли, нередко простые домашние средства более радикальны, чем всякие дорогие лекарства.

Так мы провели полчаса, расписывая друг другу наши болезни. Я изложил Джорджу и Уильяму Гаррису, как я себя чувствую, просыпаясь по утрам, а Уильям Гаррис рассказал нам, как он себя чувствует, ложась спать; а Джордж, стоя на коврике перед камином, с редкой выразительностью и подлинным актерским мастерством представил нам, как он себя чувствует ночью.

Джордж воображает, что он болен; но, уверяю вас, он здоров как бык.

Тут в дверь постучала миссис Попитс и осведомилась, не пора ли подавать ужин. Мы скорбно улыбнулись друг другу и сказали, что, пожалуй, попробуем что-нибудь проглотить. Гаррис высказался в том смысле, что если заморить червячка, то развитие болезни может несколько задержаться. И миссис Попитс внесла поднос, и мы поплелись к столу и принялись ковырять бифштексы с луком и пирог с ревенем.

Я, должно быть, уже совсем зачах, так как через каких-нибудь полчаса вовсе потерял интерес к еде, — этого еще со мной не случалось, — и даже не притронулся к сыру.

Выполнив таким образом свой долг, мы снова налили до краев стаканы, закурили трубки и возобновили разговор о плачевном состоянии нашего здоровья. Что, собственно, с нами творилось, определенно никто сказать не мог, но мы единодушно решили: что бы там ни было, все дело в переутомлении.

— Нам просто-напросто нужен отдых, — сказал Гаррис.

— Отдых и перемена обстановки, — добавил Джордж. — Умственное переутомление вызвало упадок деятельности всего организма. Перемена образа жизни и освобождение от необходимости думать восстанавливают психическое равновесие.

<http://kurokam.ru>

Я согласился с Джорджем и сказал, что хорошо бы найти какой-нибудь уединенный, забытый уголок, вдали от суетного света, и помечтать недельку в сонных его закоулках, — какую-нибудь заброшенную бухту, скрытую феями от шумной людской толпы, какое-нибудь орлиное гнездо на скале Времени, куда лишь едва-едва доносится гулкий прибой девятнадцатого века.

Гаррис сказал, что это будет смертная тоска. Он сказал, что отлично представляет себе уголок, который я имею в виду, — эту захоластную дыру, где укладываются спать в восемь часов вечера, и где ни за какие деньги не раздобудешь «Спортивный листок», и где надо прошагать добрых десять миль, чтобы разжиться пачкой табаку.

— Нет, — сказал Гаррис, — если уж нам нужен отдых и перемена обстановки, то лучше всего прогулка по морю.

Я решительно восстал против прогулки по морю. Прогулка по морю хороша, если посвятить ей месяца два, но на одну неделю это не имеет смысла.

Вы отплываете в понедельник, лелея мечту об отдыхе и развлечении. Вы весело машете рукой приятелям на берегу, закуриваете самую внушительную свою трубку и начинаете расхаживать по палубе с таким видом, будто вы капитан Кук, сэр Фрэнсис Дрейк и Христофор Колумб в одном лице. Во вторник вы начинаете жалеть, что пустились в плавание. В среду, четверг и пятницу вы начинаете жалеть, что родились на свет Божий. В субботу вы находите в себе силы, чтобы проглотить чашку бульона, и, сидя на палубе, отвечаете кроткой мученической улыбкой на вопросы сострадательных пассажиров о

том, как вы себя чувствуете. В воскресенье вы уже способны самостоятельно передвигаться и принимать твердую пищу. А в понедельник утром, когда вы с чемоданом в руке и зонтиком под мышкой стоите у трапа, ожидая высадки, — прогулка по морю вам уже решительно нравится.

Итак, я решительно воспротивился прогулке по морю. Дело не в том, объяснил я, что мне страшно за себя. У меня никогда не было морской болезни. Но я боялся за Джорджа. Джордж сказал, что он в себе уверен и ничего бы не имел против прогулки по морю. Но он не советует Гаррису и мне даже думать об этом, так как не сомневается, что мы оба заболеем. Гаррис сказал, что лично для него всегда было загадкой, как это люди ухитряются страдать морской болезнью; что все это сплошное притворство; что он часто хотел тоже заболеть, но ему так и не удалось.

Потом он стал рассказывать нам истории о том, как он пересекал Ла-Манш в такой шторм, что пассажиров пришлось привязывать к койкам, и только два человека на борту — он сам и капитан корабля — устояли против морской болезни. Иногда теми, кто устоял против морской болезни, оказывались он сам и второй помощник, но неизменно это был он сам и кто-то другой. Если же были не он сам плюс кто-то другой, то это был он один.

Странная вещь: людей, подверженных морской болезни, вообще не бывает... на суше. В море вы встречаете этих несчастных на каждом шагу, на пароходе их хоть отбавляй. Но на твердой земле мне еще ни разу не попадался человек, который знал бы, что значит болеть морской болезнью. Просто диву даешься: куда исчезают, сойдя на берег, те тысячи и тысячи страдальцев, которыми кишмя кишит любое судно.

Что касается меня, то я нашел превосходное средство против морской болезни: нужно просто сохранять равновесие. Вы становитесь в центре палубы и, в соответствии с корабельной качкой, балансируете так, чтобы ваше тело все время находилось в вертикальном положении. Когда нос корабля задирается вверх, вы наклоняетесь вперед, почти касаясь лбом палубы; а когда поднимается корма, вы откидываетесь назад. Это отлично помогает час-другой. Но попробуйте таким образом сохранять равновесие целую неделю!

Джордж сказал:

— Давайте махнем на лодке вверх по реке.

Он сказал, что нам будут обеспечены свежий воздух, физический труд и душевный покой; непрерывная смена пейзажа займет наш ум (включая и то, что известно под этим именем у Гарриса); а здоровая усталость будет содействовать возбуждению аппетита и улучшит состояние.

Гаррис сказал, что Джорджу едва ли следует предпринимать что-либо для улучшения сна — это опасно. Он сказал, что, поскольку в сутках всего двадцать четыре часа как зимой, так и летом, он не представляет себе, каким образом Джордж собирается спать больше, чем

в настоящее время; он высказал мнение, что, если Джордж решил спать больше, он мог бы с тем же успехом почить навеки, чтобы не тратиться, по крайней мере, на стол и квартиру.

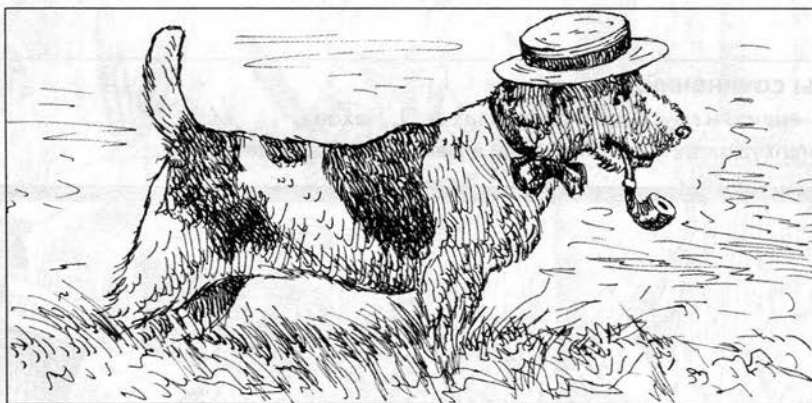
Гаррис добавил, что тем не менее предложение относительно реки «попадает в точку». Я не совсем понимаю, почему «в точку» (разве только речь идет о том, чтобы отдать в точку несколько тупые остроумия Гарриса), но, видимо, это выражение имеет одобрительный смысл.

Я подтвердил, что река «попадает в точку», и мы с Гаррисом согласились, что Джорджу пришла в голову удачная мысль. Мы это высказали тоном, в котором сквозило некоторое удивление, что Джордж оказался столь сообразительным. <http://kurokam.ru>

Единственный, кто не пришел в восторг от такого предложения, был Монморанси. Лично его река никогда не прельщала.

— Для вас, ребята, все это превосходно, — сказал он, — вам эта штука по душе, а мне — нет. Мне там нечего делать. Я не любитель пейзажей и не курю. Если я замечу крысу, то вы из-за меня не станете причаливать к берегу; а если я задремлю, вы еще, чего доброго, натворите глупостей и вывалите меня за борт. С моей точки зрения — это идиотская затея.

Однако нас было трое против одного, и большинством голосов предложение было принято.

1. Какое представление о рассказчике у вас сложилось после чтения 1-й главы?
2. Что такое самоирония? Кто из героев, на ваш взгляд, ею обладает?
3. Какие эпизоды этой главы вам показались особенно смешными? Почему?
4. Можно ли судить по 1-й главе, юмористическое это произведение или сатирическое?
5. Как вы думаете, как дальше будут развиваться события в повести? Как поведут себя герои в ходе путешествия по реке? На основании чего это можно предположить?

ВОПРОСЫ К РАЗДЕЛУ 5

1. Объясните, как вы понимаете выражение «всепобеждающая сила смеха».
2. Какие произведения этого раздела вам понравились больше всего? Объясните почему. Какие из них помогли вам и дальше «открывать мир вокруг»?
3. С каким человеком вы предпочтете дружить – с тем, у кого есть чувство юмора, или с тем, у кого его нет? Почему? Объясните.
4. Как вы поняли смысл названия этого раздела? А смысл эпиграфа?
5. С какими жанрами вы познакомились в этом разделе? Каковы их особенности? К каким родам литературы они относятся?
6. Попробуйте самостоятельно подвести итоги этого раздела.

Темы сочинений.

1. Смешное и грустное в рассказах А.П. Чехова.
2. Роль художественной детали в рассказах А.П. Чехова.

Приложение
Стихи из заветной тетради

Есть такое выражение – «поэтическая антология». Это сборник избранных стихотворений разных поэтов, чаще всего объединенных какой-то общей темой. Есть своя поэтическая антология и у Веры. Это ее заветная тетрадь, в которую она записывает любимые стихотворения. Мы предлагаем вам, ребята, прочитать некоторые из них и подумать, есть ли что-то общее в стихотворениях, которые выбрала для себя Вера.

Сергей Есенин

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок.
Где ты, где ты, отчий дом?

За рекой поет петух.
Там стада стерег пастух,
И светились из воды
Три далекие звезды.
За рекой поет петух.

Время – мельница с крылом
Опускает за селом
Месяц маятником в рожь
Лить часов незримый дождь.
Время – мельница с крылом.

Этот дождик с сонмом¹ стрел
В тучах дом мой завертел,
Синий подкосил цветок,
Золотой примял песок.
Этот дождик с сонмом стрел.
1917 г.

Марина Цветаева

Домики старой Москвы

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Всё исчезаете вы,

Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?

Где клавесина аккорды,
Темные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,

Кудри, склоненные к пяльцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор!

Домики с знаком породы,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, –
Грузные, в шесть этажей.

Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.

1911 г.

Анна Ахматова

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913 г.

Иван Бунин

Первый утренник, серебряный мороз!
Тишина и звонкий холод на заре.
Свежим гляncем зеленеет след колес
На серебряном просторе, на дворе.

Я в холодный обнаженный сад пойду –
Весь рассеян по земле его наряд.
Бирюзой сияет небо, а в саду
Красным пламенем настурции горят.

Первый утренник – предвестник зимних дней.
Но сияет небо ярче с высоты,
Сердце стало и трезвей и холодней.
Но как пламя рдеют поздние цветы.

1903 г.

Иосиф Бродский

Ветер оставил лес
и взлетел до небес,
оттолкнув облака
в белизну потолка.

И, как смерть холодна,
роща стоит одна,
без стремленья вослед,
без особых примет.

Январь 1964 г.

Борис Пастернак

Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.

Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.

И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,

И опять кольнут доныне
Не отпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.

Но неожиданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.

Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопя шьют.

1931 г.

Булат Окуджава

Пожелание друзьям

Ю. Трифонову

Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты —
ведь это всё любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно
то вместе, то поврозь, а то попеременно.
Не нужно придавать значения злословью —
поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, —
тем более что жизнь короткая такая.

Борис Заходер

Что такое стихи

Что же такое
Стихотворение?
– Музыка
Нашего сердцебиения?
– Нашего разума
Тайное пение?
– Танец
Рассудка и воображения?
Что ты такое,
Стихотворение?
Ты – вдохновение!
Ты – озарение!
Вечность,
Открытая нам
На мгновение!
Вместе –
И тайна,
И откровение...
– Да! –
Соглашается
Стихотворение. –

Всё это – я,
Это я,
Без сомнения!
Я – вдохновение,
Я – озарение,
Неповторимое повторение,
Но, –
Добавляет оно еле слышно, –
Может,
Я зря выражаюсь так пышно?
Я –
Лишь бессмысленная болтовня,
Если
Читателя нет у меня.
Ты –
Вдохновенный и озарённый,
Ты, мой читатель,
Душой одарённый, –
Ты мне нужнее, чем сердце в груди.
Жду. Приходи.

1. Как вы думаете, что можно узнать о человеке, если прочитать стихи, которые он любит?
2. Есть ли что-то общее в стихотворениях, которые выбрала для себя Вера?
3. Есть ли у вас любимые стихи? А своя поэтическая антология?
4. Как бы вы ответили на вопрос: что такое стихи? Что такое лирика?

Письмо ко всем читателям

Дорогие наши друзья!

Наверное, можно прожить без книг. Однако подумайте, сколько интересного и важного пройдет мимо. Можно прожить много жизней, читая книги и фантазируя, – и все эти волшебные миры будут только ваши.

Как быстро прошел еще один год. Для нашей героини Веры это был год после детства, думаем, что и вы стали взрослее. В этой книге нет эпилога, так как Вера продолжает читать, а нам пора с ней расставаться. Но мы не прощаемся с вами, а только говорим: до свидания, до свидания в новом учебном году в следующем нашем с вами учебнике «Путь к станции «Я».

Рустэм Николаевич, Екатерина Валерьевна Бунеевы

Список книг для самостоятельного чтения

Раздел 1

- А.С. Пушкин «Гробовщик», «Русалка».
Н.В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки».
А. Стругацкий, Б. Стругацкий «Понедельник начинается в субботу».
А.К. Толстой «Упырь».
Ги де Мопассан «Орля».

Раздел 2

- А.С. Пушкин «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о золотом петушке».
В.Ф. Одоевский «Городок в табакерке».
Н.П. Вагнер «Сказки Кота-мурлыки»
А.Н. Толстой «Русалочьи сказки».
А.Н. Островский «Снегурочка».
К.Г. Паустовский «Теплый хлеб», «Растрепанный воробей».
В. Гауф «Калиф-аист», «Холодное сердце», «Карлик Нос».
Г.-Х. Андерсен «Снежная королева», «Гадкий утенок», «Соловей»,
«Дикие лебеди», «Оле-Лукойе».
О'Уайльд «Мальчик-звезда».
П. Трэверс «Мэри Поппинс».
А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».
Х. Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».
Я. Корчак «Король Матиуш I».

Раздел 3

Русские былины.

- Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате».
Н.А. Кун «Мифы Древней Греции».
Гомер «Одиссея».

Раздел 4

- А.С. Пушкин «Станционный смотритель», «Метель», «Барышня-крестьянка».
Л.Н. Толстой «Детство», «Отрочество».
И.Д. Василенко «Артемка».
М. Горький «Детство», «В людях».
Л. Чарская «Записки институтки».
А.Я. Бруштейн «Дорога уходит вдаль».
В.А. Осеева «Динка».
Р. Фраерман «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви».
А.Г. Алексин «А тем временем где-то», «Мой брат играет на кларнете»,
«В тылу как в тылу», «Безумная Евдокия», «Раздел имущества».
Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».
Ч. Диккенс «Приключения Оливера Твиста».
М.-М. Додж «Серебряные коньки».

Раздел 5

- И.А. Крылов. Басни.
Джером К. Джером. «Трое в одной лодке, не считая собаки».
А.П. Чехов «Злоумышленник», «Хамелеон».

КРАТКИЙ СЛОВАРИК литературоведческих терминов

Аллегория (от *греч.* *allēgoría* – «иносказание») – одна из форм иносказания, когда конкретный образ используется для выражения отвлеченного понятия или суждения. Аллегория – прием, используемый в баснях, сказках.

Баллада – лиро-эпический жанр, «рассказ в стихах» с историческим, фантастическим или любовно-драматическим сюжетом.

Басня – один из древнейших жанров словесного искусства. Отличается краткостью, всегда носит нравоучительный характер, содержит мораль – нравоучительный вывод в начале или в конце. Также басня носит всегда аллегорический, иносказательный характер, в качестве персонажей басен выступают животные, птицы, рыбы, растения, иногда и люди, но их образы являются *символами* тех или иных человеческих свойств. Язык прост и близок к разговорному.

Былина – жанр русского народного эпоса, песня-сказание о богатырях, народных героях, исторических событиях, в которой переплетаются историческая правда и фантастический вымысел.

Гекзаметр (от *греч.* *hexámetros* – шестимерник) – стих из шести стоп дактиля (' ∪ ∪ '), как правило, с цезурой (паузой – разрезом) в третьей стопе (' ∪ ∪ ' ∪ ∪ ' // ∪ ∪ ' ∪ ∪ / ' ∪ ∪ /).

Гимн (от *греч.* *hýmnos*) – торжественное песнопение, прославляющее кого-либо или что-либо.

Гипербола (*греч.* *hýperbolē* – преувеличение) – преувеличение основных черт, качеств героев, явлений жизни, связанных с ними.

Дактиль – стопа стихосложения, состоящая из одного долгого и двух коротких слогов.

Диалог (от *греч.* *diálogos* – беседа) – разговор двух или более лиц.

Драма (от *греч.* *dráma* – действие) – род литературы, в основе которого лежит действие, развертывающееся на глазах зрителя и показанное через конфликты и в форме диалогов и монологов. В драме автор побуждает человека самого «представить» себя людям (отсюда и название – «театральное представление») в своих главных свойствах и отношениях к миру.

Жанр – разновидность художественных произведений литературы (рассказ, повесть, новелла – в эпосе; комедия, трагедия – в драме; песня – в лирике).

Ирония – осмеяние, содержащее в себе оценку того, что осмеивается.

Комедия (от *греч.* *kōmōdía*) – один из основных видов драмы, в основе которого лежит юмор, смешное.

Композиция (от *лат.* *compositio* – расстановка, составление) – построение художественного произведения.

Контра́ст (от фр. *contraste*) – резко выраженная противоположность.

Ли́рика (от греч. *lyrikós* – произносимый под звуки лиры) – один из трех родов художественной литературы, объединяет произведения, в которых выражаются мысли и чувства автора. Лирика словесно выражает человека в различных его состояниях и проявлениях.

Литературове́дение – наука, изучающая законы построения литературных произведений, развитие литературных форм – жанров, стилей. Оно разделяется на *теорию литературы*, или *поэтику*, и *историю литературы*. Теория литературы исследует основные элементы художественной литературы: образ, роды и виды, стили и т.д. История литературы изучает особенности развития национальных литератур, литературных периодов, направлений и течений, творчество отдельных авторов.

Мистическая литература – фантастическая литература, связанная с изображением потустороннего мира, необъяснимых явлений.

Миф – (от греч. *mýthos* – предание, сказание). В древности мифы складывались для осмысления, объяснения того, что происходило в мире. Постепенно мифы расслаивались на сказку, религию и историю.

Новелла – разновидность рассказа, отличающаяся остротой конфликта, драматизмом сюжета, нередко имеющая неожиданный финал.

Пародия – комическое (смешное) подражание художественному произведению.

Пёсня – 1. Небольшое лирическое произведение, предназначенное для пения. 2. Часть большого стихотворного произведения.

Психологизм в литературе – глубокое и детальное изображение внутреннего мира героев: их мыслей, желаний, переживаний. Эпос, лирика и драма как роды литературы имеют свои возможности для раскрытия внутреннего мира человека (например, внутренний монолог, самоанализ).

Ритм стихотворный (от греч. *rhythmós*, от *rhéō* – теку) – повторяемость однородных звуковых особенностей стихотворного текста, чередование ударных и безударных слогов.

Роды литературы – эпос, лирика, драма.

Сати́ра – бичующее обличение чего-либо, гневное осмеивание.

Символ – предметный или словесный знак, условно выражающий сущность какого-либо явления с определенной точки зрения.

Ска́зка – жанр фольклора и литературы. Народная сказка – вид устных повествований с фантастическим вымыслом, которые сначала были связаны с мифами. Общепринято деление сказок на бытовые, о животных и волшебные. Классические собрания русских сказок составлены в XIX и XX вв. А.Н. Афанасьевым, Д.Н. Садовниковым, Н.Е. Олшанским, Д.К. Зелениным, А.М. Смирновым и др.

Литературная (авторская) сказка тесно связана с народной темой, сюжетом, часто и стилем.

Трагикомедия – пьеса, в которой переплетаются смешное и трагическое.

Фантастика (от *греч.* *phantastiké* – искусство воображать) – мир причудливых представлений и образов, рожденных воображением автора.

Феерия – театральное или цирковое представление сказочного содержания, требующее пышной постановки и сценических эффектов.

Художественная деталь – описательная или повествовательная подробность, которая имеет особое, самостоятельное значение в создании образа и может сама по себе характеризовать героя и окружающий его мир (природу, быт, вещи), а также эпоху, местность, психологическую или нравственную атмосферу и т.п.

Эзопов язык (от имени древнегреческого раба-баснописца VI в. до н.э. Эзопа) – иносказательное, замаскированное выражение мыслей, обычно с сатирическим намерением.

Эпиграф (от *греч.* *epigraphe* – надпись, заглавие) – яркое изречение, помещаемое перед всем произведением, его частью, разделом с целью помочь читателю глубже понять прочитанное.

Эпос (от *греч.* *epos* – слово, повествование) – один из родов художественной литературы (наряду с *лирикой* и *драмой*), изображающий события, внешние по отношению к автору. Эпос создает разномасштабные картины мира и его сегментов, в которые включен образ действующего человека.

В зависимости от протяженности изображаемого *времени*, охвата *событий*, в которых раскрываются человеческие характеры, различают крупные, средние и малые формы (*жанры*) эпоса.

Крупные формы: 1) героический эпос, известный в древности; 2) роман; средние формы: повесть; малые формы: рассказ, очерк.

Архаический тип эпоса – *мифы* и *сказки*.

Классический тип эпоса – историко-героический эпос («Илиада», русские былины, «Песнь о Роланде»). Историко-героический эпос в монументальной идеализированной форме воспроизводит нормы героического поведения человека, защищающего честь, свободу и независимость своего народа.

Юмор – дружелюбный смех, цель которого – что-то совершенствовать, очищать от недостатков.

Содержание

книги 2

Раздел 3. «То времена, то деяния...»

Вольга и Микула Селянинович (былина)	6
Илья Муромец и Соловей-разбойник (былина)	13
Урал-батыр. Башкирский народный эпос (фрагмент)	
Перевод И. Кичакова, А. Мирбадалевой, А. Халимова	22
Абхазские сказания о нартах (фрагмент). Перевод С. Липкина,	
Г. Гулиа	27
Манас. Киргизский эпос (фрагмент). Перевод С. Липкина	34
Калевала. Карело-финский народный эпос (фрагмент).	
Перевод Л. Бельского	39
Г. Лонгфелло. Песнь о Гайавате (отрывки). Перевод И.А. Бунина	42
Н.А. Кун. Легенды и мифы Древней Греции (фрагменты)	48
Гомер. Одиссей у циклопов (из поэмы «Одиссея»).	
Перевод В.А. Жуковского	58
Подведем итоги	66

Раздел 4. Открывая мир вокруг...

К.Г. Паустовский. Старик в станционном буфете	69
И.С. Тургенев. Муму	73
Записки охотника. Бирюк	94
Л.Н. Толстой. Севастополь в декабре месяце (в сокращении)	101
М.Ю. Лермонтов. Сон	108
С. Гудзенко. Перед атакой	108
Б. Окуджава. До свидания, мальчики... ..	109
К. Симонов. Жди меня	110
М. Петровых. Апрель 1942 года	110
Б. Слуцкий. Лошади в океане	111
А. Грин. Четырнадцать футов	113
О.Генри. Последний лист. Перевод Н. Дарузес	116
А.С. Пушкин. Выстрел	121
Дубровский	131
Подведем итоги	186

Раздел 5. Смеясь сквозь слезы...

Эзоп. Басни. Перевод М. Гаспарова	188
И.А. Крылов. Ворона и Лисица. Кукушка и Петух	190
Волк и Ягненок	191
Петух и Жемчужное зерно. Тришкин кафтан	192
Демьянова уха	193

М.Е. Салтыков-Щедрин. Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	195
А.П. Чехов. Смерть чиновника	202
Толстый и тонкий	204
Лошадиная фамилия	206
Хамелеон	208
Н.А. Тэффи. Митенька	211
Переоценка ценностей	213
Р. Бёрнс. Эпиграммы и эпитафии. <i>Перевод С.Я. Маршака</i>	217
И. Ильф, Е. Петров. Любители футбола	218
Джером К. Джером. Трое в одной лодке, не считая собаки (глава I) <i>Перевод М. Салье</i>	221

Приложение. Стихи из заветной тетради

С.А. Есенин. «Где ты, где ты, отчий дом...»	230
М.И. Цветаева. Домики старой Москвы	230
А.А. Ахматова. «Цветов и неживых вещей...»	231
И.А. Бунин. «Первый утренник...»	231
И. Бродский. «Ветер оставил лес...»	231
Б.Л. Пастернак. «Никого не будет в доме...»	232
Б.Ш. Окуджава. Пожелание друзьям	232
Б.В. Заходер. Что такое стихи	233
Письмо ко всем читателям	233
Список книг для самостоятельного чтения	234
Краткий словарь литературоведческих терминов	235

Серия «Свободный ум»

Бунеев Рустэм Николаевич, Бунеева Екатерина Валерьевна

Литература

6 класс

(«Год после детства»)

Учебник

Книга 2

Художественный редактор – *Е.Д. Ковалевская*

В данном издании использованы рисунки
В. Фаворского, Д. Шмаринова, Э. Соколовского.

Подписано в печать 20.11.07. Формат 70×100/16. Гарнитура Школьная.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 15 п. л. Тираж 18 000 экз.

Заказ № 19077 (Кр+Sm).

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953005 – литература учебная

Издательство «Баласс»

111123 Москва, 1-я Владимирская ул., д. 9

Почтовый адрес: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»

Телефоны для справок: (495) 672-23-34, 672-23-12

<http://www.school2100.ru> E-mail: balass.izd@mtu-net.ru

Отпечатано в ОАО «Смоленский полиграфический комбинат».
214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

**Мы, авторы
«Школы 2100»,
написали учебники
для своих детей и теперь
предлагаем их вам**

Каждому необходимо научиться:

Решать любые возникающие в жизни задачи.

Главное не знания, а умение ими пользоваться!

Самостоятельно открывать новое.

Не надо зубрить и искать готовые ответы!

Выбирать главное и интересное.

Далеко не всё, что есть в учебнике, нужно запомнить или выполнить!

У НАШИХ КНИГ ОДНИ И ТЕ ЖЕ АВТОРЫ – ОТ НАЧАЛЬНОЙ ДО СТАРШЕЙ ШКОЛЫ!

НЕПРЕРЫВНЫЙ КУРС РУССКОГО ЯЗЫКА

(авторы Р.Н. Бунеев, Е.В. Бунеева, Л.Ю. Комиссарова, И.В. Текучёва и др.)

Учебники по русскому языку 5–11 кл.:

Основная школа

Старшая школа

**Самостоятельные и проверочные работы, сборники диктантов, тематические тесты
и методические рекомендации по русскому языку:**

Самостоятельные и проверочные
работы, 5–9 кл.

Сборники диктантов,
5–7, 8–9 кл.

Тематические тесты для
подготовки к итоговой
аттестации и ЕГЭ

Методические
рекомендации, 5–9 кл.

Заявки принимаются по адресу: 111123 Москва, а/я 2, «Баласс»

Телефоны для справок: (495) 672–23–12, 672–23–34, 368–70–54; www.school2100.ru

Заявки на отправку по почте: (495) 735–53–98, bal.post@mtu-net.ru

По вопросам повышения квалификации по комплекту обращаться по телефону: (495) 368–42–86

Ежемесячный журнал «Начальная школа плюс До и После»

В журнале – материалы о работе по учебникам «Школы 2100» для основной школы

Почтовый индекс для подписчиков РФ – 48990